

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 4 (173) апрель 2025

В НОМЕРЕ:

Ершова И. В., Енькова Е. В.
Институт наставничества
в системе координат
нормативного регулирования
и правоприменения

Мажорина М. В., Никишин В. Д.
Юридическая инноватика как синтез
аналитической, прогностической
и проектной деятельности.
LegalOps и IT-компетенции юриста

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 20 № 4 (173) АПРЕЛЬ 2025

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 25.04.2025
Объем 22,43 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 20 № 4 (173) APRIL 2025

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

25.04.2025
Volume: 22.43 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Ершова И. В., Енькова Е. Е. Институт наставничества
в системе координат нормативного регулирования и правоприменения 11

Мажорина М. В., Никишин В. Д. Юридическая инноватика
как синтез аналитической, прогностической
и проектной деятельности. LegalOps и IT-компетенции юриста 24

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Штерн С. М. Особенности финансовой компетенции
сложносоставных субъектов Российской Федерации 34

Чернов И. М. Правовое регулирование и перспективы
развития проектов социального воздействия 42

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Зайков Д. Е. Проблемы определения субъекта ответственности
в виде судебного штрафа в арбитражном процессе 49

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Чурилов А. Ю. Эволюция стандарта due diligence в правоотношениях
морской перевозки груза — от Древнего Рима до наших дней 57

Филипенко В. А. Представительская природа единоличного
исполнительного органа корпорации: несколько дополнительных аргументов 70

Никольский Д. А. Исключение участника как способ
принудительного расторжения корпоративной сделки 84

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Косыгин В. Е. Мотивы и цели преступления и их поливариантное значение 99

Головина А. А. Квалификация морского пиратства
в условиях автономного судовождения 112

Айрапетян М. К. Уголовно-правовая оценка причинения вреда
во время занятий спортом в странах прецедентного права 122

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Бахтеев Д. В., Шевырталов Е. П. Информационное обеспечение
криминалистической деятельности 132

Смушкин А. Б. Информационная безопасность
электронного документооборота в уголовном судопроизводстве 146

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Зарубин Д. В. Международные трудовые стандарты об отцовских отпусках и правовое регулирование в государствах — членах ЕАЭС 157

Агапова М. Р. Национальное право Соединенных Штатов Америки о коммерциализации космической деятельности и его соотношение с нормами международного космического права 167

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Чистов Т. А. Концепции дематериализации ценных бумаг по законодательству Швейцарии 182

Contents

LEGAL EDUCATION AND LEGAL SCIENCE

Ershova I. V., Enkova E. E. Mentorship within the Framework
of Normative Regulation and Law Enforcement 11

Mazhorina M. V., Nikishin V. D. Innovation Theory as a Synthesis
of Analytical, Predictive, and Project Activities.
LegalOps and IT-Competencies of Lawyers 24

FINANCIAL LAW

Shtern S. M. Peculiarities of Financial Competence
of Complex Constituent Entities of the Russian Federation 34

Chernov I. M. Legal Regulation and Development
Prospects of Social Impact Projects 42

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS

Zaykov D. E. Problems of Determining the Subject
of Liability in the Form of a Court Fine in Arbitrazh Proceedings 49

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Churilov A. Yu. The Evolution of the Due Diligence Standard
in Maritime Cargo Transportation Legal Relations:
From Ancient Rome to the Present Day 57

Filipenko V. A. Representative Nature of a Sole Executive Body
of a Corporation: Several Additional Arguments 70

Nikolskiy D. A. Exclusion of a Member as a Means
of Forced Termination of a Corporate Transaction 84

CRIMINAL LAW

Kosygin V. E. Motives and Purposes of Crime and their Multiple Meaning 99

Golovina A. A. Classification of Maritime Piracy
in the Setting of Autonomous Navigation 112

Ayrapetyan M. K. Criminal Legal Assessment
of Harm Caused during Sports Activities in Common Law Countries 122

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Bakhteev D. V., Shevyrtalov E. P. Information Support for Forensic Activities 132

Smushkin A. B. Information Security of Electronic
Document Flow in Criminal Proceedings 146

INTERNATIONAL LAW

Zarubin D. V. International Labor Standards on Paternity
Leave and Legal Regulation in EAEU Member States 157

Agapova M. R. The Law of the United States of America
on the Commercialization of Space Activities and Its Relationship
with the Norms of International Space Law 167

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

Chistov T. A. Concepts of Dematerialization of Securities under Swiss Law 182

Институт наставничества в системе координат нормативного регулирования и правоприменения

Аннотация. Феномен наставничества исследуется авторами в нормативном и правоприменительном аспектах. Обозначены два ключевых направления нормативно-правового регулирования: регламентация наставничества на государственной службе, закрепление механизмов стимулирования и поощрения деятельности наставников. Сделан вывод о нецелесообразности детального регулирования отношений наставника и наставляемого в иных сферах, помимо госслужбы. Показано, что отсутствие единообразия в актах по наставничеству федеральных органов исполнительной власти не является проблемой, поскольку отражает ведомственную специфику и, как следствие, стимулирует инициативу и творчество, способствует распространению лучших практик. Аналогично оценивается плюрализм видов, форм, способов наставничества в отношении вновь назначаемых судей в судах различных субъектов Российской Федерации. Наставничество рассмотрено как неотъемлемый элемент кадровой политики организации, перспективное направление профессионального развития работников и эффективная кадровая технология. Анализируется потребность в принятии профессионального стандарта «Наставник». Постулируется, что локальное нормотворчество в большей степени, нежели правовое регулирование, отвечает целям и задачам института наставничества. Выявлено, что в вузе, наряду со специальным локальным актом по наставничеству, действует ряд нормативных документов, регламентирующих вопросы нормирования труда наставников, их награждения и поощрения. Формулируется вывод о том, что развитию наставничества способствует установление системы мер материального и нематериального стимулирования деятельности наставников. Показана важная социальная функция реверсивного наставничества, способного преодолеть разрыв между поколениями.

Ключевые слова: наставничество; наставник; государственная служба; судебское сообщество; образовательная сфера; профессиональный стандарт «Наставник»; кадровая политика; оценка эффективности института наставничества; стимулирование и награждение наставников; реверсивное наставничество.

© Ершова И. В., Енькова Е. Е., 2025

* *Ершова Инна Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ivershova@mail.ru

** *Енькова Екатерина Евгеньевна*, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
enkova.e.e@yandex.ru

Для цитирования: Ершова И. В., Енькова Е. Е. Институт наставничества в системе координат нормативного регулирования и правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 11–23. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.011-023.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Mentorship within the Framework of Normative Regulation and Law Enforcement

Inna V. Ershova, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ivershova@mail.ru

Ekaterina E. Enkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
enkova.e.e@yandex.ru

Abstract. The authors examine the phenomenon of mentorship in normative and law enforcement aspects. The study identifies two key directions of normative-legal regulation, namely: the regulation of mentorship in public service and the establishment of mechanisms for stimulating and encouraging the activities of mentors. The authors conclude that detailed regulation of mentor-mentee relationships is unnecessary in areas beyond public service. The lack of uniformity in mentorship acts of federal executive bodies is not treated by the authors as problematic, as it reflects departmental specificity. Thus, it stimulates initiative and creativity, promoting the dissemination of best practices. Similarly, the diversity in types, forms, and methods of mentorship for newly appointed judges in various jurisdictions of the Russian Federation is positively evaluated. Mentorship is considered as an integral element of organizational personnel policy, a promising direction for professional development, and an effective HR technology. The authors analyzed the need for the adoption of a professional standard for «Mentor». The authors highlight that local law-making serves the goals and objectives of mentorship better than broader legal regulation. It is revealed that universities, alongside specific local acts on mentorship, have various normative documents governing mentor standards, rewards, and incentives. It is concluded that the development of mentorship is facilitated by establishing systems of material and non-material incentives for mentors. The authors also focus on the important social function of reverse mentorship that can bridge generational gaps.

Keywords: mentorship; mentor; public service; judicial community; educational sphere; «Mentor» professional standard; personnel policy; assessment of mentorship effectiveness; mentors' stimulation and rewarding; reverse mentorship.

Cite as: Ershova IV, Enkova EE. Mentorship within the Framework of Normative Regulation and Law Enforcement. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):11-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.011-023.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

В современной России институту наставничества по праву уделяют пристальное внимание на государственной службе, в судебском корпусе, на ниве предпринимательства, в социальной сфере и образовательной среде. Начиная с 2017 г. 17 января отмечается праздник, посвященный людям, которые помогают другим обрести новые знания и навыки, расти и развиваться, — Международный день наставничества¹. Не остались в стороне и ученые. По запросу «наставничество» научная электронная библиотека eLIBRARY.RU выдает 7 055 наименований². Всё это свидетельствует о значимости и востребованности данного феномена в XXI в.

Соответствующие публикации из РИНЦ можно классифицировать по различным основаниям: по сфере применения наставничества (например, государственная гражданская служба, бизнес, медицина, образование), по субъектному составу наставляемых (в том числе школьники, студенты, преподаватели, начинающие предприниматели, государственные и муниципальные служащие) и их количеству (индивидуальное, групповое), по способу осуществления наставничества (в частности, непосредственное, сетевое, дистанционное, электронное), по отдельным специфическим направлениям (в том числе проектное, инклюзивное, женское, реверсивное, андрагогическое) и др. Авторы статьи исследовали нормативно-правовой и локальный контуры такого социального явления, как наставничество, проанализировали опыт реализации на практике заложенного в нем значительного потенциала.

Понятие наставничества, соотношение со смежными категориями

Проблематика наставничества вызывает живой интерес исследователей. При этом наряду с понятием «наставничество» авторы обращаются к анализу иных смежных категорий: «менторство», «кураторство», «коучинг», «тьюторинг», «фасилитаторство» и др.

Рассматриваемое явление зародилось в первобытном обществе, а литературные источники восходят к Античности. Так, из древнегреческой мифологии нам известен Ментор³, имя которого впоследствии приобрело нарицательное значение. «Ментор» (mentor) — это англоязычный вариант отечественного термина «наставник». Поэтому с позиции этимологии данные слова можно рассматривать как синонимы. И если в российской традиции принято говорить о наставничестве⁴, то в западной культуре широкое развитие получило менторство. Вместе с тем в содержательном, методическом и технологическом плане данные явления имеют отличия.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова «наставник» определяется как «учитель, руководитель, воспитатель», а «наставить» — значит «научить кого-нибудь чему-нибудь хорошему»⁵. Трактуя наставничество как многогранное понятие, О. Ю. Лапко отмечает: «В качестве ключевых понятий в контексте слова “наставничество” можно выделить следующие: направлять, оказывать помощь, поддержку в выборе пути, в совершенствовании»⁶.

Обзор литературы по проблематике наставничества подготовлен Е. В. Игнатевой и Н. Д. Базарновой. В качестве рабочего определения авторами предложено под наставниче-

---

¹ URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/3858/> (дата обращения: 02.02.2025).

² URL: <https://www.elibrary.ru/keywords.asp> (дата обращения: 02.02.2025).

³ Отправляясь в Троию, Одиссей поручил старому другу, Ментору, воспитание своего сына Телемаха.

⁴ Шубкин Н. Ф. Дневник // Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н. Ф. Шубкина за 1911–1915 годы / подг. В. Н. Шубкин. СПб. : Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2002. С. 25–30.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 11-е, стер. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1977. С. 358.

⁶ Лапко О. Ю. Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920–1930-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-voploshchenie>

ством понимать «набор кодов, которые предписывают наставнику и наставляемому определенное поведение с присущими им мыслями и переживаниями, оказывая на них тем самым управленческое воздействие»⁷.

Проведя, с обращением к отечественным и зарубежным исследованиям, анализ соотношения наставничества и менторинга, С. В. Фролова и Н. Д. Базарнова приходят к заключению, что «наставничество более широкое понятие по соотношению с менторингом»⁸.

Теоретическое обоснование и попытка научного объяснения сходств и различий понятий «наставничество», «менторинг», «тьюторство» и «коучинг» предприняты в работе Й. Даммерера, В. Циглера и С. Бартонек. Выявив специфические характеристики тьюторства и коучинга, авторы резюмируют: «Поскольку ни наука, ни практика до сих пор не пришли к четкому определению менторинга, коучинга и тьюторства, имеет смысл интенсивное разграничение этих форм консультирования. Даже если можно разработать критерии для тьюторства и коучинга, в литературе граница этих двух понятий остается

весьма размытой по отношению к наставничеству, в то время как, в зависимости от причин и ситуации, наставник применяет соответствующие формы консультирования с учетом контекста и периодически выступает в качестве тьютора или коуча»⁹.

Таким образом, применительно к нашему исследованию предлагается рассматривать «наставничество» как наиболее широкое понятие, органичный элемент отечественного культурного кода. Как справедливо отмечает А. Г. Ерофеева, «наставничество представляет собой более широкий феномен, чем тьюторство, менторинг и коучинг; оно включает в себя не только передачу опыта, но и воспитание молодого поколения, формирование профессиональных и жизненных ценностей»¹⁰.

Сферы применения наставничества

Импульсом для масштабирования наставничества стало принятие Указа Президента РФ от 27.06.2022 № 401, согласно которому 2023 год

nastavnichestva-v-russkoi-proze-1920-1930-kh-godov?ysclid=m6nl3lh5yc800656593/read/read/pdf/read/read/read/read/read/read/read/read (дата обращения: 02.02.2025).

⁷ Культура наставничества, как отмечают авторы, «подразумевает под собой передачу не только знаний и опыта, но и нравственных ценностей и моральных ориентиров от старшего поколения учителей к младшему. Необходимым компонентом культуры наставничества является мотивация наставника осуществлять свою деятельность на добровольной основе, осознание важности и ценности данного процесса» (Игнатьева Е. В., Базарнова Н. Д. Наставничество в современной школе: миф или реальность? // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6. № 2 (23). С. 1).

⁸ «Так как типы наставничества могут быть абсолютно разнообразны, и менторинг является одной из его разновидностей. Менторинг может осуществляться лишь на добровольном согласии менти и ментора, когда наставничество не предполагает наличие этого признака как обязательного.

Ключевым элементом менторинга является менторская сессия, в ходе которой отрабатывается один из навыков специалиста. Наставничество может не иметь конкретных специфических менторских сессий, решая задачи по развитию специалиста разнообразными способами — ученичество (job shadow), стажировка, менторинг, экспертная консультация и др.» (Фролова С. В., Базарнова Н. Д. Наставничество и менторинг: анализ понятий // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-2. С. 215).

⁹ Даммерер Й., Циглер В., Бартонек С. Тьюторство и коучинг как особые формы наставничества при вхождении в профессию молодых учителей (пер. с нем. Л. Н. Даниловой) // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1. С. 67–68.

¹⁰ Ерофеева А. Г. Наставничество, тьюторинг, менторинг, коучинг: дефинитивный анализ // Донецкие чтения — 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 г. / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Т. 6. Ч. 1. Донецк : Издательство ДонНУ, 2020. С. 45.

был объявлен в России «Годом педагога и наставника». В качестве одной из ключевых задач В. В. Путин назвал создание и развитие института наставничества в образовании, а позже — и в остальных сферах жизни государства. Во исполнение поручения Президента РФ¹¹ в 2024 г. Правительством РФ при участии комиссий Государственного Совета РФ и объединений работодателей был разработан проект Концепции развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 г.¹²

Сегодня в России институт наставничества активно применяется во многих областях: образовании, бизнесе, органах государственной власти и местного самоуправления, судах. Например, проект Минобрнауки России «Женщины: Школа наставничества»¹³ предоставляет уникальную возможность для студенток и аспиранток получить мотивирующие наставления женщин — лидеров России, добившихся успеха в разных сферах деятельности, а в результате развить soft skills, дать старт своей карьере и наметить ее траекторию.

Программа «Прокачай свой бизнес вместе с наставником»¹⁴ — это шанс для столичных предпринимателей получить практическую помощь от успешных организаторов бизнеса, которые готовы бесплатно делиться знаниями и проверенными решениями, это полезное взаимодействие, позволяющее развить навыки и добиться успехов в своем деле.

Для некоммерческих организаций в Москве реализуется программа «Наставничество»¹⁵, в рамках которой работники НКО могут получить

персональные онлайн-консультации экспертов, специалистов в сфере бухгалтерского учета и налогообложения, директоров благотворительных фондов для глубокого и комплексного решения конкретной задачи.

Заметную активность в продвижении наставничества проявляют ведущие образовательные организации страны. Достаточно упомянуть Концепцию развития наставничества в Российской Федерации, одобренную президиумом ФГБУ «Российская академия образования» 29 июня 2023 г.¹⁶

В сфере государственной службы наставничество весьма развито и чрезвычайно востребовано. «Государственный аппарат проявляет себя лишь в деятельности своих служащих, а без них он остается общей схемой и мертвой конструкцией»¹⁷. Применение института наставничества как раз обусловлено необходимостью усиления кадрового потенциала и формирования профессионального кадрового состава федеральных и региональных органов исполнительной власти, что, в свою очередь, служит основой обеспечения предоставления качественных государственных услуг¹⁸.

Институт наставничества на государственной службе получил наибольшую правовую регламентацию. Именно формирование и действие нормативной основы Л. А. Морозова называет в качестве первой стадии механизма правового регулирования¹⁹.

Согласно п. 5 Положения о порядке осуществления профессионального развития государственных гражданских служащих Российской

¹¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73433> (дата обращения: 02.02.2025).

¹² URL: <https://umciscult74.ru/wp-content/uploads/2024/07/проект-концепц-разв-наставнич-ва-до-30-года.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

¹³ URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/proekt_jenschini_shkola_nastavnichestva (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁴ Программа ГБУ «Малый бизнес Москвы» // URL: https://mbm.mos.ru/education/programmy-obucheniya/boost_business_with_mentor (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁵ URL: <https://www.mos.ru/news/item/149245073/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Котин Н. М. Российское административное право. Общая часть : курс лекций. Саратов : СГАП, 2001. С. 206.

¹⁸ Комментарий к законодательству о службе в таможенных органах Российской Федерации / А. В. Зубач, П. Н. Сафоненков, Р. В. Терентьев [и др.]. М. : Деловой двор, 2014.

¹⁹ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М., 2010. С. 295.

Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 21.02.2019 № 68²⁰, в целях формирования у молодых гражданских служащих профессиональных знаний и умений, надлежащего исполнения ими должностных обязанностей, ознакомления с особенностями прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации в соответствующем государственном органе осуществляется наставничество²¹.

Постановлением Правительства РФ от 07.10.2019 № 1296 утверждено Положение о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации, которое определяет порядок осуществления наставничества и условия стимулирования государственных гражданских служащих, выступающих в роли наставников, с учетом оценки результативности их деятельности²².

В настоящее время действует разработанный Минтрудом России обновленный Методический инструментарий по применению наставничества на государственной гражданской службе (версия 2.0), который содержит предлагаемые к использованию в деятельности кадровой службы государственного органа подходы к организации и технологии осуществления наставничества²³. Особое внимание уделено вопросам подбора наставников, их мотивации к выполнению задач наставничества, установлению взаимосвязи с технологиями оценки

профессиональной служебной деятельности наставника и наставляемого. Важно, что Методический инструментарий не является догмой. Он содержит рекомендации, которые могут быть усовершенствованы государственными органами в процессе внедрения наставничества с учетом особенностей и специфики их деятельности.

Наставничество, наряду с освоением программ ДПО, служебной стажировкой, рассматривается специалистами как эффективная кадровая технология²⁴. В целях развития кадрового потенциала служащих одним из перспективных направлений видятся разработка и внедрение на госслужбе сервисов наставничества интерактивного характера, а также создание платформы для контроля профессионального развития служащих²⁵.

Наставниками могут быть лица, имеющие значительный опыт работы в определенной сфере. Результативность деятельности наставника учитывается при выплате ему премии²⁶ за выполнение особо важных и сложных заданий в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»²⁷.

Деятельность гражданского служащего в качестве наставника стимулируется не только материально. Данная активность учитывается при решении вопросов, связанных с поощрением или награждением гражданского слу-

²⁰ СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 765.

²¹ Например, приказом Минтранса России от 25.04.2022 № 152 утвержден Порядок организации наставничества в данном министерстве (СПС «КонсультантПлюс»).

²² СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5727.

²³ Письмо Минтруда России от 28.05.2020 № 18-4/10/П-4994 «О Методическом инструментарии по осуществлению наставничества на государственной гражданской службе Российской Федерации (версия 2.0)» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Горячев И. В., Низовцева А. П. К вопросу о реализации наставничества на государственной гражданской службе Ивановской области // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2018. № 1 (53). С. 31–40.

²⁵ Богомолова Ю. В. Оценка кадрового потенциала на государственной гражданской службе // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. М. : Эдельвейс, 2023. С. 47–53.

²⁶ См., например: приказ Минобрнауки России от 26.07.2018 № 7н (ред. от 17.03.2022) ; приказ Минюста России от 27.08.2020 № 188 (ред. от 22.05.2023) ; приказ Минтруда России от 12.05.2022 № 292 ; приказ Минэкономразвития России от 15.11.2022 № 625.

²⁷ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

жащего за безупречную и эффективную гражданскую службу. Госорган вправе учредить ведомственный знак отличия для награждения гражданских служащих за эффективное и долговременное осуществление наставничества. Например, приказом Минобрнауки России от 13.08.2021 № 748²⁸ учрежден нагрудный знак «Почетный наставник», а приказом Минюста России от 19.04.2023 № 71 — нагрудный знак отличия «Почетный наставник Министерства юстиции Российской Федерации»²⁹. К слову, это уже акты «второго поколения». При сходстве упомянутых ведомственных наград и категории награждаемых предъявляемые к ним требования и основания для награждения, закрепленные в приказах, существенно различаются. Отсутствие единообразия в подобной ситуации вполне оправданно, поскольку обусловлено спецификой деятельности министерств. Более того, при наличии широкого спектра разных

подходов возможен обмен положительным опытом, масштабирование лучших практик.

Институт наставничества органичен и для судебной ветви власти. Единого нормативного правового акта не существует³⁰. Как правило, нормативные акты, планы, графики, регулирующие организацию института наставничества в отношении вновь назначенных судей, разрабатываются на локальном уровне, в каждом конкретном суде. В большинстве судов наставничество реализуется непосредственно под руководством председателей судов.

Практика реализации в судах наставничества разнопланова³¹. Чаще всего оно осуществляется в форме кураторства, стажировок, индивидуальной работы, методической, научно-консультативной помощи вновь назначенным судьям. Постановлениями президиумов судов на судей возлагаются обязанности кураторов нижестоящих судей. Приказами председателей устанавливаются

²⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 08.09.2021 (дата обращения: 02.02.2025).

²⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 21.04.2023 (дата обращения: 02.02.2025).

³⁰ См., например: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.05.2013 № 107 «Об утверждении Положения о наставничестве в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Цель наставничества — помочь сотруднику, впервые принятому/назначенному на гражданскую службу, в его профессиональном становлении, приобретении навыков выполнения служебных обязанностей, адаптации в коллективе; воспитать дисциплинированность. Результаты работы наставника учитываются при представлении его к присвоению классного чина, продвижении по службе.

³¹ Например, в судебной системе Белгородской области развит институт наставничества как универсальная технология передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций через непосредственное взаимообогащающее общение, одной из форм которого является организация стажировки впервые назначенных на должность судей. При назначении и зачислении федерального судьи, мирового судьи в штат председателем суда издается приказ о назначении судьи-куратора. Основными мероприятиями в наставнической деятельности являются учебные семинары по профессиональному развитию, при проведении которых учитываются различия в специализации; оперативные совещания судей, на которых не только разъясняется административно-хозяйственная деятельность суда, но и обсуждаются вопросы организации деятельности судей по отправлению правосудия, работа с ГАС «Правосудие», электронным документооборотом; индивидуальное сопровождение наставником с учетом имеющихся особенностей, совместное выполнение обобщений, изучение судебной практики; рекомендации по продуктивному использованию рабочего времени. Наряду с передачей профессиональных навыков, наставники решают вопросы, связанные с судейской культурой, судейскими ценностями и судейской этикой.

В судах Московской области вновь назначенным судьям назначаются судьи-наставники из числа наиболее опытных судей, которые оказывают помощь в овладении избранной профессией, практическими приемами и способами качественного выполнения задач от получения дела в производство до его

ся сроки прохождения стажировок, назначаются руководители, определяются полномочия наставника и обязанности впервые или вновь назначенного судьи. В процессе стажировок судьями составляются отчеты об их прохождении, по итогам стажировок их руководители пишут рецензии (характеристики). Результаты прохождения стажировок доводятся до сведения председателей судов, в единичных случаях — до советов судей.

Дальнейшей популяризации идеи наставничества, расширению сфер применения данного института, безусловно, будет способствовать включение в ноябре 2024 г. в Трудовой кодекс РФ статьи 351.8 «Особенности регулирования труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда»³². В числе новелл отметим появление легального определения понятия «наставничество в сфере труда». Подчеркнем, что федеральный законодатель позволяет регионам и муниципальным образованиям по своему усмотрению, с учетом возможностей соответствующего бюджета стимулировать наставничество, устанавливая размеры и условия выплат. Такой подход целесообразен.

Новая статья, которая вводится в действие с 1 марта 2025 г., воспринимается как весомая

гарантия для работников, выполняющих функции наставника³³. Обозначая этапы развития молодого специалиста (выбор профессии, получение профессионального образования и начало профессиональной деятельности), А. В. Серова отмечает: «Задумка государства кроется в том, чтобы в трудовом законодательстве... создать правовые условия для каждого из этих этапов»³⁴. Как представляется, легитимация наставничества должна рассматриваться в качестве элемента государственной политики по поддержке молодых работников, созданию условий их адаптации в профессии.

В контексте трудовых отношений возникает вопрос о необходимости принятия профстандарта³⁵ «Наставник». Разработчики профстандарта (под эгидой Минпросвещения России) в 2023 г. указывали, что его принятие позволит закрепить за наставничеством профессиональный статус и российские компании смогут официально ввести должность наставника. Обязательность применения требований профессиональных стандартов установлена для случаев, предусмотренных статьями 57 и 195.3 ТК РФ, и не зависит от формы собственности организации или статуса работодателя³⁶. В других

разрешения по существу, выявляют и устраняют допущенные ошибки. Судьи-наставники назначаются председателями судов на основании приказов или устных распоряжений на срок от трех месяцев до одного года. В случае необходимости этот срок может быть продлен.

Вновь назначенные судьи Седьмого арбитражного апелляционного суда направляются на стажировку в Арбитражный суд Западно-Сибирского округа.

³² Федеральный закон от 09.11.2024 № 381-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 6909.

³³ В частности, за неоплату труда наставника работодатель может быть привлечен к административной ответственности: по ч. 6, 7 ст. 5.27 КоАП РФ — за нарушение требований по выплате надбавки наставнику, для которого наставничество является дополнительной работой; по ч. 1 ст. 5.31 КоАП РФ — за нарушение положения коллективного договора или соглашения (например, отраслевого), где установлен порядок наставничества в конкретной организации. См.: Как установить наставничество в организации // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Серова А. В. Направления дифференциации законодательства о труде и занятости населения: в фокусе внимания молодежь и молодые специалисты // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5 (162). С. 61–71.

³⁵ Согласно ст. 195.1 Трудового кодекса РФ профессиональный стандарт — это характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции.

³⁶ Письмо Минтруда России от 04.04.2016 № 14-0/10/В-2253 «Ответы на типовые вопросы по применению профессиональных стандартов» // СПС «КонсультантПлюс».

случаях эти требования носят рекомендательный характер.

Вместе с тем ученые, разработав методологические подходы к наставничеству в образовании, констатировали: «Многообразие и неформальный характер деятельности наставника препятствуют возможности формирования “профессионального стандарта наставника” в строгом понимании этого термина. Кроме того... наличие профессионального стандарта наставнической деятельности ограничит общественную инициативу в данной области и вступит в противоречие с принципом добровольности наставничества. Скорее речь должна идти о “гештальте” или “абрисе” профессиональной деятельности наставника»³⁷. Солидаризируемся с данной позицией.

Образовательная среда:

опыт применения наставничества в МГЮА

Категории «образовательная деятельность» и «наставничество» неразрывно связаны. Концептуально их объединяет единая благая цель — «сеять разумное, доброе, вечное». В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) приказом от 08.04.2024 № 157 утверждено Положение о наставничестве в отношении научно-педагогических работников. В локальном акте МГЮА наставничество определено как целенаправленный, основанный на доверии и партнерстве процесс передачи наставляемому опыта и знаний, а также формирования и (или) развития у него умений, навыков, компетенций, ценностных установок.

Вопрос о реализации института наставничества в 2024 г. дважды становился предметом обсуждения на заседаниях Методического совета Университета: сначала рассматривался проект Положения о наставничестве, затем — проблематика внедрения института наставничества на кафедрах. Это неслучайно, поскольку

согласно п. 2.19 Положения о наставничестве данный экспертно-консультационный коллегиальный орган осуществляет в Университете деятельность по координации наставничества (в частности, оказывает методическую и консультационную помощь наставникам в планировании их работы, обучении и воспитании наставляемых; изучает, обобщает и распространяет положительный опыт наставнической деятельности; организует и проводит ежегодную научно-практическую конференцию по рассматриваемой проблематике). Методическому совету предстоит оценивать эффективность деятельности наставников с целью их последующего поощрения.

Регламентация наставничества в Университете не ограничивается одноименным Положением. Так, в соответствии с п. 4.4 Положения о кадровом резерве, утвержденного приказом от 11.11.2021 № 419, работники Университета, занимающие руководящие должности, могут осуществлять наставничество в отношении участников кадрового резерва, привлекать их к отдельным видам работ, передавать опыт, давать профессиональные консультации.

Порядком расчета объема нагрузки профессорско-преподавательского состава и иных педагогических работников (утв. приказом от 30.08.2024 № 456) предусмотрено, что в случае совместного проведения наставником и наставляемым лекционных и практических занятий обоим начисляется нагрузка согласно установленным нормам (нагрузка первой половины дня), а наставник за каждый месяц своей деятельности в отношении одного наставляемого получает пять часов, которые включаются в нагрузку второй половины дня.

Труд наставников почетен и поощряется. Согласно п. 2.15 Положения о наставничестве за эффективную работу в отношении наставника могут применяться не только традиционные для вузов меры поощрения³⁸; он может быть удостоен и специального звания «Наставник МГЮА».

³⁷ См.: Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 3. С. 13.

³⁸ К таковым относятся объявление благодарности, награждение почетной грамотой, занесение на доску почета, представление к награждению ведомственными наградами.

Данная норма коррелирует с Положением о награждении и поощрении (утв. приказом от 06.02.2024 № 56). В частности, звание «Наставник МГЮА» может быть присвоено работникам из числа профессорско-преподавательского состава, осуществляющим в Университете наставничество на протяжении не менее пяти лет и имеющим стаж научно-педагогической работы не менее 10 лет.

В Положении об оплате труда (утв. приказом от 25.12.2024 № 644) с 1 января 2025 г. для наставников предусмотрена стимулирующая выплата. Согласно п. 12.12.2 данного Положения выплата за интенсивность и высокие результаты работы, за эффективное наставничество устанавливаются научно-педагогическим работникам, закрепленным в качестве наставников, из расчета на научно-педагогического работника в месяц за каждого наставляемого работника, с выплатой стимулирующей доплаты за общее количество рабочих дней осуществления наставничества по завершении периода и оценки результатов.

По состоянию на январь 2025 г. в Университете были подведены промежуточные итоги реализации института наставничества. Согласно полученным данным, число наставников — 47, число наставляемых — 51. В основном осуществляется модель «1 наставник — 1 наставляемый». Но есть примеры оказания одним наставником помощи в адаптации и содействия профессиональному росту двух, трех и даже

пяти наставляемых. Интересен опыт, когда преподаватель кафедры, повысивший квалификацию посредством обучения по специализированной программе, выступает наставником в отношении всех коллег, которые задействованы в преподавании трех конкретных дисциплин кафедры.

В 98 % случаев основанием для наставничества послужило принятие на работу в Университет новых преподавателей. Наряду с утилитарным, объективно обусловленным подходом имеет место идеалистическое начало. В двух случаях (2 %) наставники были назначены ввиду потребности в бескорыстной передаче большого опыта преподавания юридического английского языка (кафедра английского языка), знаний и умений от опытного эксперта к начинающим или менее опытным научно-педагогическим работникам, а также ввиду желания помочь в развитии их потенциала и определении карьерного пути (кафедра управления и экономики).

Наставничество — творческая деятельность, поэтому в арсенале наставников наряду с традиционными присутствуют инновационные мероприятия³⁹. Наставничество — взаимодействие, заинтересованное сотрудничество наставника и наставляемого, которое обогащает их обоих. А значит, наставнику тоже нужно расти и развиваться как в личностном⁴⁰, так и в профессиональном плане⁴¹.

Несмотря на необходимость достижения конкретных результатов⁴², которые к тому же

³⁹ Креативными достижениями являются разработка целевых моделей наставничества с учетом профессионального опыта наставляемых, направленных на формирование у них актуальных компетенций, на основе выявления профессиональных дефицитов и с целью их компенсации, а также с учетом специфики преподаваемых дисциплин и научных интересов кафедры; разработка и внедрение системы контроля и оценки подготовки наставляемых, включающей мероприятия по входному, промежуточному, итоговому контролю формирования у них профессиональных компетенций; апробация инновационных методов и моделей, предназначенных для эффективного обучения и развития наставляемых: индивидуальная (традиционная) модель, ориентированная на передачу конкретных знаний в формате «один на один»; модель «супервизия (структурированная поддержка)»; модель «менторинг (патронаж)» с уклоном на директивность, включая онлайн-взаимодействие.

⁴⁰ URL: <https://vneuchebka.tversu.ru/news/35661> (дата обращения: 02.02.2025).

⁴¹ URL: <https://igsu.ranepa.ru/news/v-igsu-prezidentskoy-akademii-startoval-3-sezon-proekta-nastavnichestvo/> (дата обращения: 02.02.2025).

⁴² В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по итогам реализации наставничества в 2024 г. достигнуты следующие результаты: создание благоприятного социально-психологического климата и условий для

подлежат оценке, наставничество — динамический процесс. Как следствие, «нужно продолжать поиск эффективных моделей “прошивки” (встраивания) педагогического наставничества в работу по подготовке молодых педагогических кадров, а также технологий реализации наставничества с учетом возможностей и рисков цифровой трансформации образования»⁴³. К числу таких технологий, безусловно, относится обратное (реверсивное) наставничество, которое позволяет повысить финансовую грамотность, преодолеть «цифровой разрыв», сформировав цифровые компетенции⁴⁴ старшего поколения преподавателей, сделать обучение педагогическому мастерству непрерывным⁴⁵.

Доказывая необходимость внедрения обратного наставничества, эксперты констатируют: «В мультикультурном, быстро изменяющемся мире, когда само изменение приобретает форму турбулентного характера, очень трудно воспользоваться имеющимся опытом. <...> Всё это

больше и больше вызывает разрыв между поколениями...»⁴⁶ Отводя «реверсивному» наставнику «роль связующего звена между старшим и совсем юным поколением», М. В. Торопова отмечает: «В реверсивном наставничестве от обеих сторон требуются взаимопонимание, взаимоуважение и открытость новому. <...> Только когда опыт и готовность к новым открытиям соединяются с энергией и желанием инновационной деятельности, получается качественный конечный продукт, который можно внедрять в профессиональную деятельность»⁴⁷.

В завершение приведем слова Президента России В. В. Путина из выступления на заседании Совета по науке и образованию: «...нужно кадры выращивать, применяя все современные средства для достижения конечного результата»⁴⁸. Как представляется, институт наставничества призван внести существенный вклад в подготовку высокопрофессиональных специалистов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. — 2019. — № 3. — С. 4–18.
2. Богомолова Ю. В. Оценка кадрового потенциала на государственной гражданской службе // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. — М. : Эдельвейс, 2023. — С. 47–53.

адаптации принятых на кафедре преподавателей; развитие способности научно-педагогических работников самостоятельно, качественно и ответственно исполнять должностные обязанности и соблюдать трудовую дисциплину; развитие личного творческого и педагогического потенциала научно-педагогических работников; повышение уровня включенности нового преподавателя в образовательную, научную и воспитательную работу Университета; формирование активной гражданской и жизненной позиции, антикоррупционного поведения; мотивация научно-педагогических работников к установлению длительных трудовых отношений с Университетом.

⁴³ Черниговская Э. С., Рулиене Л. Н. Педагогическое наставничество: историко-литературный и современный контекст // Илимий ачылыштар / Научные открытия / Scientific. 2024. № 1. С. 96.

⁴⁴ Подробнее см.: Ершова И. В., Енькова Е. Е. «Цифровые» компетенции юристов: понятие, практика, проблемы формирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 225–236.

⁴⁵ Подробнее см.: Ершова И. В., Енькова Е. Е. Педагог должен учиться: осмысление вызова «цифрового» мира // Юридическое образование и наука. 2021. № 5. С. 23–28.

⁴⁶ Нестерова О. А., Санфинова О. В., Волчкова И. В. Реверсивное (обратное) наставничество в системе преподавания финансовой грамотности // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13. № 10-2. С. 20.

⁴⁷ Торопова М. В. Реверсивное наставничество в школе // Научный альманах. 2024. № 6-2 (116). С. 13, 14.

⁴⁸ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76222> (дата обращения: 07.02.2025).

3. Горячев И. В., Низовцева А. П. К вопросу о реализации наставничества на государственной гражданской службе Ивановской области // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. — 2018. — № 1 (53). — С. 31–40.
4. Даммерер Й., Циглер В., Бартонек С. Тьюторство и коучинг как особые формы наставничества при вхождении в профессию молодых учителей (пер. с нем. Л. Н. Даниловой) // Ярославский педагогический вестник. — 2019. — № 1. — С. 56–69.
5. Ерофеева А. Г. Наставничество, тьюторинг, менторинг, коучинг: дефинитивный анализ // Донецкие чтения — 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 г. / под общ. ред. С. В. Беспаловой. — Т. 6. Ч. 1. — Донецк : Издательство ДонНУ, 2020. — С. 43–46.
6. Ершова И. В., Енькова Е. Е. Педагог должен учиться: осмысление вызова «цифрового» мира // Юридическое образование и наука. — 2021. — № 5. — С. 23–28.
7. Ершова И. В., Енькова Е. Е. «Цифровые» компетенции юристов: понятие, практика, проблемы формирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6 (115). — С. 225–236.
8. Игнатьева Е. В., Базарнова Н. Д. Наставничество в современной школе: миф или реальность? // Вестник Мининского университета. — 2018. — Т. 6. — № 2 (23).
9. Комментарий к законодательству о службе в таможенных органах Российской Федерации / А. В. Зубач, П. Н. Сафоненков, Р. В. Терентьев [и др.]. — М. : Деловой двор, 2014. — 528 с.
10. Конин Н. М. Российское административное право. Общая часть : курс лекций. — Саратов : СГАП, 2001. — 351 с.
11. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. — М., 2010. — 384 с.
12. Нестерова О. А., Санфирова О. В., Волчкова И. В. Реверсивное (обратное) наставничество в системе преподавания финансовой грамотности // Управление образованием: теория и практика. — 2023. — Т. 13. — № 10-2. — С. 18–26.
13. Серова А. В. Направления дифференциации законодательства о труде и занятости населения: в фокусе внимания молодежь и молодые специалисты // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5 (162). — С. 61–71.
14. Торопова М. В. Реверсивное наставничество в школе // Научный альманах. — 2024. — № 6-2 (116). — С. 13–15.
15. Фролова С. В., Базарнова Н. Д. Наставничество и менторинг: анализ понятий // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — № 61-2. — С. 213–215.
16. Черниговская Э. С., Рулиене Л. Н. Педагогическое наставничество: историко-литературный и современный контекст // Илимий ачылыштар / Научные открытия / Scientific. — 2024. — № 1. — С. 92–97.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Blinov V. I., Esenina E. Yu., Sergeev I. S. Nastavnichestvo v obrazovanii: nuzhen khorosho zatochennyy instrument // Professionalnoe obrazovanie i rynek truda. — 2019. — № 3. — С. 4–18.
2. Bogomolova Yu. V. Otsenka kadrovogo potentsiala na gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe // Sovremennye issledovaniya problem upravleniya kadrovymi resursami. — М.: Edelveys, 2023. — С. 47–53.
3. Goryachev I. V., Nizovtseva A. P. K voprosu o realizatsii nastavnichestva na gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe Ivanovskoy oblasti // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regionalnoe prilozhenie. — 2018. — № 1 (53). — С. 31–40.

4. Dammerer Y., Tsigler V., Bartonek S. Tyutorstvo i kouching kak osobyie formy nastavnichestva pri vkhozhenii v professiyu molodykh uchiteley (per. s nem. L. N. Danilovoy) // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. — 2019. — № 1. — S. 56–69.
5. Erofeeva A. G. Nastavnichestvo, tyutoring, mentoring, kouching: definitivnyy analiz // Donetskie chteniya — 2020: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Donetsk, 17–18 noyabrya 2020 g. / pod obshch. red. S. V. Bespalovoy. — T. 6. Ch. 1. — Donetsk: Izdatelstvo DonNU, 2020. — S. 43–46.
6. Ershova I. V., Enkova E. E. Pedagog dolzhen uchitsya: osmyslenie vyzova «tsifrovogo» mira // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2021. — № 5. — S. 23–28.
7. Ershova I. V., Enkova E. E. «Tsifrovyie» kompetentsii yuristov: ponyatie, praktika, problemy formirovaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 6 (115). — S. 225–236.
8. Ignateva E. V., Bazarnova N. D. Nastavnichestvo v sovremennoy shkole: mif ili realnost? // Vestnik Mininskogo universiteta. — 2018. — T. 6. — № 2 (23).
9. Kommentariy k zakonodatelstvu o sluzhbe v tamozhennykh organakh Rossiyskoy Federatsii / A. V. Zubach, P. N. Safonov, R. V. Terentev [i dr.]. — M.: Delovoy dvor, 2014. — 528 s.
10. Konin N. M. Rossiyskoe administrativnoe pravo. Obshchaya chast: kurs lektsiy. — Saratov: SGAP, 2001. — 351 s.
11. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — M., 2010. — 384 s.
12. Nesterova O. A., Sanfirova O. V., Volchkova I. V. Reversivnoe (obratnoe) nastavnichestvo v sisteme prepodavaniya finansovoy gramotnosti // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. — 2023. — T. 13. — № 10-2. — S. 18–26.
13. Serova A. V. Napravleniya differentsiatsii zakonodatelstva o trude i zanyatosti naseleniya: v fokuse vnimaniya molodezh i molodye spetsialisty // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 5 (162). — S. 61–71.
14. Toropova M. V. Reversivnoe nastavnichestvo v shkole // Nauchnyy almanakh. — 2024. — № 6-2 (116). — S. 13–15.
15. Frolova S. V., Bazarnova N. D. Nastavnichestvo i mentoring: analiz ponyatiy // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. — 2018. — № 61-2. — S. 213–215.
16. Chernigovskaya E. S., Rulien L. N. Pedagogicheskoe nastavnichestvo: istoriko-literaturnyy i sovremennyy kontekst // Ilimiy achiyshtar / Nauchnye otkrytiya / Scientific. — 2024. — № 1. — S. 92–97.

М. В. Мажорина*,
В. Д. Никишин**

Юридическая инноватика как синтез аналитической, прогностической и проектной деятельности. LegalOps и IT-компетенции юриста

Аннотация. Запрос современного рынка труда — иметь в качестве сотрудника не просто юриста-правоприменителя, а юриста-партнера и юриста-стратега, способного в кросс-функциональных командах компании (организации) участвовать в реализации проектов и трансформации бизнес-процессов. Статья посвящена методологии и практике организации аналитической, прогностической и проектной деятельности в целях внедрения юридической инноватики в университетскую экосистему подготовки юристов. Рассмотрены категории юридической аналитики и юридического прогнозирования, а также понятие, признаки, основные виды проектов в рамках инновационно-проектной деятельности юридического вуза. На примере Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) показаны трансформация образовательного процесса для подготовки не только юристов-правоприменителей, но и юристов-партнеров и юристов-стратегов в рамках высшего образования (бакалавриат «Инновационная юриспруденция»); потенциал дополнительного профессионального образования для формирования полиматического мышления юриста-стратега («стыковые» компетенции в смежных областях: маркетинга, менеджмента, аналитики данных, PR, дизайна, финансового менеджмента и т.д.); практика подготовки специалистов в области LegalOps в рамках проекта «Цифровая кафедра». Юридическая профессия, по оценкам экспертов, выступает в числе лидеров по объему функций, подверженных автоматизации с применением в том числе искусственного интеллекта. Использование генеративного ИИ несет риск деградации творческих способностей юриста, навыков критического мышления, умений искать и анализировать информацию в сложных иерархических системах источников и верифицировать их и т.д. Обосновано, что освоение алгоритмики и разработка LegalTech-решений на основе технологий No-Code и Low-Code способствуют не отмиранию юридического мышления, а, напротив, его структуризации.

Ключевые слова: правовая инноватика; юридическая инноватика; проектная деятельность; юридическое прогнозирование; форсайт; юридическая аналитика; инновации; инновационная юриспруденция; полимат; юрист-стратег; проектное управление; менеджмент; управление проектами; бизнес-процессы; LegalOps (Legal Operations); LegalTech; Legal Engineer; автоматизация.

© Мажорина М. В., Никишин В. Д., 2025

* *Мажорина Мария Викторовна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права, проректор по стратегическому и международному развитию Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mvmazhorina@msal.ru

** *Никишин Владимир Дмитриевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, директор Института информационной и медиабезопасности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
nikishin.v.d@mail.ru

Для цитирования: Мажорина М. В., Никишин В. Д. Юридическая инноватика как синтез аналитической, прогностической и проектной деятельности. LegalOps и IT-компетенции юриста // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 24–33. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.024-033.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Innovation Theory as a Synthesis of Analytical, Predictive, and Project Activities. LegalOps and IT-Competencies of Lawyers

Maria V. Mazhorina, Cand. Sci. (law), Associate Professor, Department of International Private Law, Vice-Rector for Strategic and International Development, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mvmazhorina@msal.ru

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies Law, Director of the Institute of Information and Media Security, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nikishin.v.d@mail.ru

Abstract. A contemporary labor market demands employees who are not just legal practitioners but also legal partners and strategists capable of participating in project implementation and business process transformation within cross-functional company (organization) teams. The paper is dedicated to exploring the methodology and practice of organizing analytical, prognostic, and project activities aimed at integrating legal innovation into the university ecosystem of legal education. The authors examine the concepts of legal analytics and legal forecasting, along with the definition, characteristics, and main types of projects within the innovative project activities of a law university. Using the experience of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) as a case study, the authors elucidate the transformation of the educational process aimed at preparing not only legal practitioners but also legal partners and strategists within higher education (Bachelor's program in «Innovative Jurisprudence»); the potential of additional professional education to develop polymathic thinking in legal strategists («cross-cutting» competencies in related fields: marketing, management, data analytics, PR, design, financial management, etc.); the practice of training specialists in LegalOps in the «Digital Department» project. According to expert assessments, the legal profession is among the leaders in terms of the volume of functions subject to automation, including the use of artificial intelligence. The use of generative AI poses risks of degrading creative abilities of lawyers, critical thinking skills, the ability to search for and analyze information in complex hierarchical systems of sources and to verify them, etc. The paper argues that, on the contrary, mastering algorithmic and developing LegalTech solutions based on No-Code and Low-Code technologies contributes not to the decline of legal thinking but to its structuring.

Keywords: legal innovation theory, project activities; legal forecasting; foresight; legal analytics; innovations; innovative jurisprudence; polymath; legal strategist; project management; management; business processes; LegalOps; LegalOperations; LegalTech; Legal Engineer; automation.

Cite as: Mazhorina MV, Nikishin VD. Innovation Theory as a Synthesis of Analytical, Predictive, and Project Activities. LegalOps and IT-Competencies of Lawyers. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):24-33. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.024-033.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Методология инновационной юриспруденции и подготовки «юриста будущего» предполагает обязательное выстраивание инновационной экосистемы аналитической, прогностической и проектной деятельности в вузе, что, с одной стороны, невозможно без вовлечения в нее представителей индустрии, а с другой — предполагает участие не только научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, но и студентов, развитие кадрового резерва Университета.

Получение аналитических продуктов, «опережающего» знания и футурологических моделей в рамках прогностической деятельности осуществляется, как правило, в логике проектного подхода, поэтому проектная деятельность выступает в определенной степени обобщающим понятием в аспекте настоящего исследования.

1. Юридическая аналитика, юридическое прогнозирование, проектная деятельность

Понятие «аналитика» (от др.-греч. ἀναλυτική — «искусство анализа») охватывает анализ, синтез, обобщение и прогноз, выступает связующей нитью между мониторингом (сбором и получением) данных и эффективным принятием решений¹; аналитическая деятельность — «особый вид интеллектуальной деятельности, связанный с подготовкой и принятием решений»².

По И. В. Понкину, аналитика выступает прекурсором (лат. praecursor — «предшественник») в том числе следующих форм действий и финализирующих их результатов:

- правотворчество;
- юридическая критика;
- юридическая экспертиза (в том числе комплексная междисциплинарная экспертиза с правоведческим экспертным участием);

- конструирование или уточнение юридической доктрины;

- юридическое упорядочение правового универсума, юридическое оперирование онтологиями, юридическое планирование;

- юридическое проектирование и конструирование конституционного дизайна государственности, дизайна системы государственного управления (в целом или ее ветви, уровня, сегмента, элемента, органа);

- составление юридических энциклопедий и словарей³.

Как известно, правовая материя выступает надстройкой над базисом, одним из регуляторов общественных отношений. Методология юридической инноватики предполагает создание вузом таких научно-исследовательских, аналитических и образовательных продуктов, которые содержат в своем проблемном поле не только имеющиеся, сложившиеся общественные отношения (постфактумная логика, проекты уровня Run), но и новые, зарождающиеся (уровень Change), а также прогнозируемые общественные отношения (уровень Disrupt, «прорывные» знания).

На рисунке ниже представлена схема, на которой $ОО_1$ — новые, зарождающиеся общественные отношения, требующие правового регулирования ввиду стремительного развития науки и технологий и, как следствие, изменения социального устройства; они требуют осмысления с точки зрения правовой науки и дальнейшей имплементации таких юридических научных изысканий в образовательный процесс, т.е. создания и реализации образовательных программ, «смотрящих дальше жизни»⁴; $ОО_2$ — прогнозируемые общественные отношения, тенденции формирования которых моделируются как в результате анализа предшествующего и текущего развития социума и изменения правового поведения, так и в результате прогноза влияния новых, еще не внедренных в экономику и социум технологий

¹ Понкин И. В. Понятие «аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. 2019. № 10. С. 80.

² Исаков В. Б. Право на аналитику // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 120.

³ Понкин И. В. Указ. соч. С. 86.

⁴ Mazhorina M., Nikishin V. Training of lawyers in the field of megascience projects: innovations in legal education // Journal of Physics: Conference Series. 2020. Vol. 1685. 012005. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012005.

на развитие предпринимательской активности, на баланс в обеспечении прав человека, на геополитические процессы и миропорядок, на обеспечение безопасности граждан и государства, на изменение социальных связей, появление новых общественных институтов, на когнитивный суверенитет государства, на обеспечение занятости и социального обеспечения населения и т.д. (кроме того, в проблемное поле прогностической деятельности здесь попадают и технологии, находящиеся еще в стадии разработки, или minimum viable products (MVP)). Как гласит китайская мудрость, «лучшее время для посадки дерева было 20 лет назад».

Взаимосвязь общественных отношений, правовой науки и образования с точки зрения методологии Run — Change — Disrupt

С точки зрения данного подхода **инновационный потенциал права** следует понимать как объективную «возможность права или его отдельных институтов регулировать новые общественные отношения, предвидеть системные изменения в развитии и результате инновационных процессов, определять направления, темпы, количественные и качественные показатели при реализации общественно значимых задач и

формировать правовые модели на основе имеющихся методов, функций, механизмов и принципов, без которых невозможно представить будущее человека, общества и государства»⁵.

Оценка инновационного потенциала права, получение «опережающего» знания и разработка новых масштабируемых регуляторных моделей достижимы только путем синтеза аналитической и прогностической деятельности, рассмотрения во взаимосвязи нормативной регуляtorики и правового поведения.

По К. В. Агамирову, **юридическое прогнозирование** — «это систематическое исследование перспектив развития правовых явлений и процессов на определенных уровнях осуществления: стратегии развития законодательства и правовой системы в целом (первый уровень), отраслей, институтов и норм (второй уровень), функционирования правовых учреждений (третий уровень), процессов правообразования и законотворчества (четвертый уровень), правового поведения (пятый уровень)»⁶.

Аналитическая и прогностическая деятельность в рамках инновационной юриспруденции ориентирована на получение конкретных продуктов, а значит, осуществляется в методологии проектно-продуктового управления.

Проект можно рассматривать как комплекс взаимосвязанных мероприятий (работ), направленных на создание уникального результата или продукта, а также существенное улучшение существующего продукта в условиях временных и ресурсных ограничений.

Проект должен отвечать следующим основным характеристикам:

- 1) уникальность и/или инновационность ожидаемых результатов и продуктов;
- 2) ограниченность по срокам реализации в соответствии с дорожной картой и по требуемым ресурсам;
- 3) ориентированность на достижение эффектов на общероссийском, отраслевом, региональном и/или университетском уровне;

⁵ Атлас технологий, трансформирующих юриспруденцию / под ред. М. В. Мажориной, В. Д. Никишина. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 8.

⁶ Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы : монография. М. : Проспект, 2021. С. 28.

4) востребованность ожидаемых результатов и продуктов профессиональным сообществом, государственными органами, представителями сектора экономики и образовательными учреждениями, а также возможность масштабирования, коммерциализации, внедрения.

Ключевой признак проекта — уникальный результат или продукт, т.е. достигаемый конечный или промежуточный итог реализации проекта, что может приобретать форму:

- различных результатов интеллектуальной деятельности;

- новых образовательных программ среднего профессионального образования, высшего и дополнительного профессионального образования;

- правовых моделей, документов стратегического, аналитического характера, нацеленных на развитие и совершенствование российского законодательства, международных договоров Российской Федерации, в том числе в прорывных областях, обеспечивающих научно-технологическое и социально-гуманитарное лидерство России;

- цифровых платформ, решений, сервисов и алгоритмов, программного обеспечения, баз данных, систем управления обучением, наукой, коммерциализацией и иных результатов интеллектуальной деятельности, обеспечивающих цифровую трансформацию университета;

- новых элементов системы управления проектами, подразделений, рабочих групп, консорциумов, сетевых партнерств, иных форм коммуникации с широким кругом заинтересованных лиц в целях реализации проектов;

- новых методик, решений, масштабируемых моделей организации деятельности в области инновационной юриспруденции;

- иных конкретных, востребованных и значимых результатов, соответствующих программе развития вуза.

Методология аналитической, прогностической и в целом проектной деятельности предполагает **обновление форматов научно-практических мероприятий** в сфере юриспруденции:

- для получения продуктов прогностического характера целесообразно применение в том числе формата **форсайт-сессии (rapid foresight)**⁷;

- в рамках организации аналитической деятельности возможно применение формата **дизайн-сессии (design-thinking session)**⁸;

- для выработки проектных решений и формирования проектных команд подходит формат **стратегической сессии (strategic session)**⁹.

2. Внедрение юридической инноватики в экосистему вуза: опыт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Как показал опыт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в контексте целевой модели «инновационный университет», предполагающей глубокий синтез образования, науки и инноваций, в основу образовательного процесса должна закладываться инновационная проектная деятельность, которая предполагает а) интеграцию в образование результатов научных исследований (исследовательский компонент); б) проектную работу по созданию новаций и их трансформацию в инновации совместно с

⁷ Форсайт (от англ. foresight — «взгляд в будущее, предвидение») — это социальная технология, формат коммуникации, который позволяет участникам договориться о желаемом образе будущего и о действиях в его контексте.

⁸ Дизайн-сессия — формат по разработке инновационных идей для решения сложных проблем, в основе которого лежат творческий подход и ориентация на решение конкретных потребностей/задач. Формат отлично подходит для создания принципиально новых идей: разработки правового регулирования отношений, которых раньше не существовало; новых юридических документов; поиска решений ранее не возникавших проблем и т.д.

⁹ Стратегическая сессия — формат проектной работы, направленный на совместную деятельность представителей заинтересованных сторон с целью анализа и оценки текущей ситуации, выявления проблем, разработки решений и общего видения развития на определенный период. Стратегическая сессия включает две базовые части: конференциальную часть и групповую работу.

индустриальными партнерами Университета (инновационный компонент).

Образовательная политика юридического университета должна быть нацелена на вовлечение студентов в инновационную проектную деятельность на всех уровнях образования и их становление в качестве самостоятельных субъектов такой деятельности. Так, в МГЮА одним из показателей эффективности научно-исследовательских и иных проектов выступает степень участия в их реализации студентов и аспирантов как в рамках центров компетенций, так и в рамках стратегических академических единиц Университета (лабораторий инноваций, точек роста, центров превосходства и др.). Например, в ходе проектно-прогностической деятельности Лаборатории юридической инноватики студентами и преподавателями МГЮА был разработан Атлас технологий, трансформирующих юриспруденцию, — уникальное исследование, подготовленное с опорой на видения футурологов о влиянии передовых технологий на различные сферы жизнедеятельности, отечественные и иностранные акты стратегического планирования, естественно-научные, технические и социально-гуманитарные исследования о достижениях науки и техники, а также результаты научных исследований профессорско-преподавательского состава Университета. В данном продукте была принята попытка не только описать сущность технологий, трансформирующих общественные отношения, а следовательно, и юриспруденцию, но и дать качественную и количественную оценку влияния данных технологий на человека, бизнес-среду, безопасность, социальные коммуникации, а также раскрыть инновационный потенциал права в регулировании внедрения и использования данных технологий.

Кроме общеуниверситетской модели организации проектной деятельности, в бакалавриате «Инновационная юриспруденция», реализуемом на экспериментальной площадке (гринфилде) Университета — в Высшей школе права, апробируется методология юридической инноватики¹⁰. Так, в учебном плане, наряду с

инновационными учебными дисциплинами, предусмотрены:

— компонент «Правовая инноватика» — занятия с приглашенными лекторами — носителями прежде всего естественно-научных и технических знаний (цель — формирование у обучающихся комплексного представления о тенденциях инновационного развития, способствующего научно-техническому и социально-гуманитарному лидерству России в условиях больших вызовов и возрастания сложности мироустройства, и моделях правового сопровождения перспективных направлений развития общества за счет интеграции в программу подготовки научных и практических знаний по разрешению наиболее актуальных социально-экономических, научно-технических и социокультурных проблем);

— дисциплина «Акселератор инновационных правовых проектов» (формирование компетенций в области проектной деятельности (научные, социальные и IT-проекты), продуктового подхода, основ управления изменениями, трансляция знаний в сфере мер грантовой поддержки молодежи и т.д.);

— с 1-го курса предусмотрено *прохождение практики в НОЦ и центрах компетенций*, созданных в рамках программы развития «Приоритет-2030», для раннего вовлечения в проектную и исследовательскую деятельность; на практике студенты выполняют исследования, участвуют в создании продуктов в рамках программы развития «Приоритет-2030»;

— в программу ГИА включена *защита собственного проекта*, направленного на создание инновационного юридического продукта.

3. Полиматическое мышление юриста-стратега: инструменты формирования «стыковых» компетенций и присвоения дополнительных квалификаций

С точки зрения необходимости формирования специалиста с полиматическим мышлением подготовка юриста-стратега предполагает пре-

¹⁰ См. подробнее: Мажорина М. В. Юридическая инноватика и юридическое образование // Lex russica. 2023. Т. 76. № 4. С. 9–17.

доставление обучающимся возможности получения дополнительной (неюридической) квалификации в сфере проектного управления и управления изменениями, продуктовой аналитики, аналитики данных, а также в «стыковых» с юриспруденцией сферах: маркетинга, PR, GR, дизайна, финансового менеджмента и т.д.

Учитывая стремительное развитие технологий, их перманентное внедрение в экономику и запрос рынка труда иметь специалистов здесь и сейчас, методология юридической инноватики предполагает, во-первых, прогнозирование вузом изменений общественных отношений и, соответственно, новых предметных областей, где нужна юридическая экспертиза, в том числе в синтезе с техническими и естественно-научными знаниями; во-вторых, создание вузом такой образовательной модели, которая будет, реагируя на актуальный, быстро меняющийся, а также прогнозируемый запрос рынка труда, давать возможность обучающимся приобрести смежные, «стыковые», компетенции параллельно с получением высшего образования.

В МГЮА данная модель предполагает в том числе использование потенциала дополнительного профессионального образования (профессиональной переподготовки и повышения квалификации) и внеучебной проектной деятельности в рамках стратегических академических единиц. Так, для студентов-юристов разработаны и успешно внедрены в том числе следующие программы профессиональной переподготовки, которые обучающиеся могут бесплатно освоить параллельно с получением высшего образования:

1) «Проектное управление и управление бизнес-процессами в юридической деятельности» с присвоением дополнительной квалификации «Менеджер по управлению проектами».

Запрос современного рынка труда — иметь в качестве сотрудника не просто юриста-правоприменителя, а юриста-партнера и юриста-стратега, способного в кросс-функциональных командах компании (организации) участвовать в реализации проектов и трансформации бизнес-процессов. Данная программа направлена на формирование у слушателей теоретических знаний и практических навыков для эффектив-

ного управления проектами и операционной деятельностью именно в профессиональной юридической сфере;

2) «Юрист-аналитик» с присвоением дополнительной квалификации «Аналитик данных».

Юрист-аналитик способен заниматься аналитической работой, подготовкой правовых заключений с использованием методов анализа больших данных, SQL Python, визуализации данных в «МойОфис Таблица», Power BI; выявлять возможные риски и находить эффективные решения; осуществлять работу с количественными и качественными методами анализа.

Большое внимание в программе уделяется статистическим методам в аналитике. Несмотря на то что в сознании большинства статистика сегодня — дисциплина, далекая от права и социогуманитарного знания в целом, слово «статистика» изначально означало именно «государствоведение» и происходит от немецкого Statistik, итальянского stator, позднелатинского status — «государство». Термин появился в середине XVIII в., уходя корнями в политическую арифметику, которая определяла статистику как количественное описание происходящих в обществе социальных явлений и процессов с использованием «меры, веса и числа».

Таким образом, статистика изучает закономерности социальных явлений методом обобщающих показателей и позволяет «измерять» происходящие изменения в общественных отношениях, которые, собственно, и выступают предметом правового регулирования. Программа «Юрист-аналитик» позволяет сформировать навыки статистического и иных видов анализа (аналитики) данных с использованием современных IT-инструментов, основ программирования, больших данных и т.д. *Юрист-аналитик, применяя междисциплинарные знания, способен значительно снизить издержки и повысить конкурентоспособность компании. Всё это делает данного специалиста двойной компетенции более востребованным на рынке труда;*

3) «Маркетинг и дизайн в юридическом бизнесе» с присвоением дополнительной квалификации «Специалист по маркетингу».

Программа сформирует у слушателей представление о роли маркетинга в управлении современной компанией, об особенностях покупательского поведения, понимание способов позиционирования юридической компании и продвижения юридических услуг и продуктов. В ходе обучения слушатели получают навыки по созданию вовлекающего контента, а также учатся запускать рекламу, разрабатывать маркетинговую стратегию, рекламные материалы, осуществлять продвижение услуг и продуктов в социальных сетях.

Составной частью маркетинга является дизайн, поэтому ему посвящен отдельный модуль программы, в рамках которого слушатели изучают основы цифрового маркетинга и digital-стратегий, традиционных и современных инструментов продвижения юридических услуг и продуктов в цифровой экономике; получают знания об основах web-аналитики и основных сервисах; изучают концепции айдентики; овладевают навыками анализа бренда, создания логотипов, баннеров, лендингов и иных продуктов, навыками legal-дизайна, коммуникаций внутри команды, работы с мотивацией, развития личного бренда юриста, а также приобретают знания об авторском праве в дизайне и законодательстве в области рекламы.

Кроме того, разработана для реализации в 2025 г. для студентов программа профессиональной переподготовки **«Финансовая грамотность для юристов: бухгалтерский учет, аудит и налогообложение»** с присвоением дополнительной квалификации «Финансовый менеджер». Указанная программа направлена на подготовку специалистов, сочетающих в себе качества менеджера (в том числе финансового), аналитика, аудитора, юриста. В настоящее время многие компании испытывают потребность в подобных специалистах, способных осуществлять анализ финансовой деятельности и другой экономической информации, принимать грамотные и эффективные решения по управлению финансами, управлению рисками с учетом нормативных требований и ограничений.

4. Автоматизация юридической функции. Подготовка специалистов в сфере LegalOps

Среди основных компетенций, о важности развития которых свидетельствует анализ юридического рынка, профессиональной и научной литературы, наиболее часто упоминаются навыки в сфере информационных технологий, в том числе в области LegalTech.

Не только юристы в сфере IT и IP, но и весомая доля работников юридических департаментов компаний абсолютно разной отраслевой принадлежности должны понимать суть и задачи внедрения того или иного программного обеспечения, иметь представление о методологии разработки ПО, управлять IT-проектом, грамотно формулировать технические задания для IT-подразделений, чтобы обеспечить автоматизацию того или иного процесса операционной деятельности юридического департамента и (или) дать надлежащее, проактивное правовое сопровождение IT-проектов или модернизации бизнес-процессов иных подразделений компании.

Как показало совместное исследование Nextons и МГЮА «Legal Operations: реальность и перспективы»¹¹, среди ключевых трендов трансформации юридической функции оптимизация юридических процессов, снижение доли юристов в юридическом департаменте и развитие функции LegalOps (Legal Operations) и др.

По прогнозам некоторых компаний, в ближайшие годы около половины штатного состава юридических департаментов будут составлять именно LegalOps-специалисты с двойной компетенцией, понимающие содержание юридической функции и способные управлять IT-проектами для ее автоматизации. Специалисты в области LegalOps (LegalOps-менеджеры, LegalOps-исполнители, Legal Engineers и др.) должны обладать широкой палитрой не только юридических, но и управленческих, технологических, а также финансовых знаний.

Респонденты вышеприведенного опроса Nextons и МГЮА отметили, что для LegalOps-специалистов обязателен практический опыт в

¹¹ Исследование Nextons и МГЮА «Legal Operations: реальность и перспективы» // URL: <https://nextons.ru/upload/iblock/fd6/14tj3w84b8vp6bfwwvc22tacprlidnfu.pdf> (дата обращения: 14.09.2024).

следующих областях: менеджмент (39 %); анализ данных / IT (35 %); финансы и бухгалтерия (22 %); свои варианты: медиация, программирование, управление проектами, организационное развитие, дизайн процессов, автоматизация, soft skills, HR и даже психология.

На цифровых кафедрах вузов — участников программы «Приоритет-2030» студенты имеют возможность бесплатно получить дополнительную IT-квалификацию. В МГЮА в рамках проекта «Цифровая кафедра» с 2022 г. реализуется программа профессиональной переподготовки **«Автоматизация юридических процессов»**, с одной стороны, дающая IT-квалификацию менеджера по информационным технологиям, но, с другой стороны, имеющая предметным полем именно юридическую деятельность.

Программа направлена на подготовку LegalOps-специалистов, которые, обладая глубокими познаниями в области права, полученными в ходе обучения по основной образовательной программе, будут отлично ориентироваться в сфере разработки и внедрения IT-продуктов, смогут грамотно выстраивать автоматизацию юридических процессов в организации, а также руководить IT-проектами.

Основными дисциплинами указанной программы выступают «Алгоритмика», «Анализ и моделирование бизнес-процессов», «Управление IT-проектами», «Методология разработки программного обеспечения», «Автоматизация юридической работы (LegalTech)», а также стажировка.

Юридическая профессия, по оценкам экспертов, в числе лидеров по объему функций, подверженных автоматизации с использованием в том числе искусственного интеллекта (ИИ). Применение генеративного ИИ в качестве подспорья, для справочных подсказок юристу, на наш взгляд, имеет серьезные риски как ввиду возможных «галлюцинаций» ИИ, так и ввиду того, что такое «подсаживание на иглу» ИИ влечет деградацию творческих способностей юриста, навыков критического мышления, умений искать и анализировать информацию в сложных иерархических системах источников и верифицировать их, и т.д.

Освоение алгоритмики и построение алгоритмов на основе технологий No-Code и Low-Code (в конструкторах типа Botman.one,

«ТурбоКонтракт» и т.д.), напротив, работает не на отмирание юридического мышления, а на его структуризацию. Создание алгоритмических экспертных правовых систем требует разложения юридических норм по логической формуле «если — то — иначе»; анализа массива нормативных правовых актов во взаимосвязи, с учетом бланкетных норм и т.д. для выстраивания онтологии экспертной системы; моделирования правовых ситуаций с анализом законодательства и правоприменительной практики, что может повлечь в том числе и обнаружение правовых пробелов в «пустотах» и «тупиках» алгоритма.

Для того чтобы автоматизировать тот или иной процесс, необходимо его алгоритмизировать, понимая базовые структуры данных, особенности их реализации и способы представления и использования различных структур данных и т.д.

Важным умением будущего LegalOps-специалиста является его способность анализировать бизнес-процессы, идентифицировать и классифицировать узкие места в них, моделировать бизнес-процессы с учетом способов их оптимизации.

В рамках дисциплины «Управление IT-проектами» студенты получают системное представление о современной методологии управления IT-проектами; обучаются комплексному подходу к процессам проектного управления на основе нормативного, методического и технологического обеспечения; рассматривают подходы к разработке IT-проектов, типы жизненных циклов проекта, артефакты проекта, подходы к организации управления в проекте, методологию планирования, мониторинга и контроля в проекте; учатся анализировать требования заинтересованных сторон и приоритизировать их и т.д. Помимо прочего, в рамках дисциплины оттачивается умение планировать командную работу, распределять поручения и делегировать полномочия членам команды. Таким образом, слушатели «Цифровой кафедры» овладевают навыками управления IT-проектом на всех этапах его жизненного цикла.

Завершается программа итоговым испытанием, а именно защитой проекта, который студенты разрабатывают под руководством преподавателей и кураторов из партнерских организаций. Итоговый проект может быть связан с

1) разработкой ПО с нуля (программы для ЭВМ, информационной системы и т.п.); 2) внедрением в подразделение/компанию существующего на рынке «коробочного» решения без доработки; 3) внедрением имеющегося на рынке IT-решения с настройкой (доработкой); 4) разработкой собственного продукта с использованием имеющихся на рынке систем Low- или No-Code (например, разработка конструкторов, генераторов юридических документов, калькуляторов, чат-ботов, экспертных правовых систем и т.п.) и др.

Заключение

В рамках настоящего исследования была теоретически осмыслена, обобщена и систематизирована практика внедрения юридической инноватики в проектную деятельность, включая прогностическую и аналитическую.

Следует отметить, что в линейку продуктов — результатов инновационно-проектной деятельности могут входить в том числе стратегии/концепции, цифровые базы знаний, базы данных, IT-сервисы, юридические алгоритмы, инструменты юридического сопровождения управления инновациями, методики, кейс-обзоры, «белые книги», рекомендации, сборники практик, правовые экспертизы законопроектов, дорожные карты прогностического характера, проекты нормативных правовых актов, международных договоров и конвенций, методики оценки правовых рисков по инновационным областям права и т.д.

Рассмотренные подходы к формированию «стыковых» (в том числе цифровых и управленческих) компетенций юристов через потенциал дополнительного профессионального образования могут быть экстраполированы на другие юридические вузы и факультеты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы : монография. — М. : Проспект, 2021. — 528 с.
2. Атлас технологий, трансформирующих юриспруденцию / под ред. М. В. Мажориной, В. Д. Никишина. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — 214 с.
3. Исаков В. Б. Право на аналитику // Гражданин. Выборы. Власть. — 2018. — № 4. — С. 116–135.
4. Понкин И. В. Понятие «Аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. — 2019. — № 10. — С. 80–90.
5. Mazhorina M., Nikishin V. Training of lawyers in the field of megascience projects: innovations in legal education // Journal of Physics: Conference Series. — 2020. — Vol. 1685. — 012005. — DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012005.

Материал поступил в редакцию 24 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agamirov K. V. Yuridicheskoe prognozirovanie kak faktor sovershenstvovaniya rossiyskoy pravovoy sistemy: monografiya. — M.: Prospekt, 2021. — 528 s.
2. Atlas tekhnologiy, transformiruyushchikh yurisprudentsiyu / pod red. M. V. Mazhorinoy, V. D. Nikishina. — M.: Universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. — 214 s.
3. Isakov V. B. Pravo na analitiku // Grazhdanin. Vybery. Vlast. — 2018. — № 4. — S. 116–135.
4. Ponkin I. V. Ponyatie «Analitika» // International Journal of Open Information Technologies. — 2019. — № 10. — S. 80–90.
5. Mazhorina M., Nikishin V. Training of lawyers in the field of megascience projects: innovations in legal education // Journal of Physics: Conference Series. — 2020. — Vol. 1685. — 012005. — DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012005.

Особенности финансовой компетенции сложносоставных субъектов Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются отличительные черты компетенции субъектов Российской Федерации, имеющих сложный состав, в финансовой сфере, прежде всего в области бюджета и налогов. Практика существования сложносоставных субъектов свойственна только Российской Федерации и иногда подвергается критике, поскольку требует решения сложной задачи — разграничения компетенции в сфере публичных финансов между равными субъектами при условии вхождения одного публично-правового образования в состав другого. На основе изучения нормативных правовых актов федерального уровня, а также уставов и договоров интегрированных субъектов Российской Федерации делается вывод, что на особенности компетенции данных субъектов влияет как собственно конструкция этих интегрированных субъектов, так и распределение полномочий между ними. Конструкция сложносоставных субъектов воздействует на правовое регулирование доходов и расходов их бюджетов и на объем их полномочий в бюджетной и налоговой сферах. Основным инструментом распределения полномочий внутри сложносоставного субъекта является договор, влекущий возникновение расходных обязательств соответствующих бюджетов, но при этом на практике позволяющий расширять права автономных округов, входящих в состав сложносоставных субъектов, делать их компетенцию более гибкой и соответствующей потребностям субъекта.

Ключевые слова: сложносоставные субъекты Российской Федерации; бюджет; налог; норматив отчислений; автономный округ; область; расходные обязательства; полномочия; компетенция; расходы бюджетов; доходы бюджетов.

Для цитирования: Штерн С. М. Особенности финансовой компетенции сложносоставных субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 34–41. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.034-041.

© Штерн С. М., 2025

* Штерн Семен Михайлович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
shternsm@mail.ru

Peculiarities of Financial Competence of Complex Constituent Entities of the Russian Federation

Semen M. Shtern, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
shternsm@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the distinctive features of the financial competence of constituent entities of the Russian Federation with a complex composition, primarily in the areas of budget and taxes. The practice of having complexly composed entities is unique to the Russian Federation and is sometimes criticized due to the challenging task of delineating financial public competence between equal entities, considering that one public legal entity is part of another. Based on the study of federal normative legal acts, as well as the charters and agreements of integrated entities of the Russian Federation, the author concludes that the main factors influencing the competence features of these entities are the actual structure of these integrated entities and the distribution of powers between them. The structure of complexly composed entities affects the legal regulation of their budget revenues and expenditures, as well as the scope of their authority in the budgetary and tax spheres. The primary instrument for distributing powers within a complexly composed entities is an agreement, which leads to the emergence of expenditure obligations for the respective budgets. However, in practice, this allows for the expansion of the rights of the autonomous okrugs that are part of these complex entities, making their competence more flexible and aligned with the needs of the constituent entity.

Keywords: constituent entities of the Russian Federation; budget; tax; rates of deductions; autonomous okrug; region; expenditure commitments, powers; competence; expenditure commitments; fiscal revenues.

Cite as: Shtern SM. Peculiarities of Financial Competence of Complex Constituent Entities of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):34-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.034-041.

Содержание компетенции государства и его составных частей, а также разграничение компетенции между ними зависят от формы государственного устройства. Однако в федеративном государстве субъектный состав не всегда однороден, что влияет на объем или на специфические черты компетенции указанных субъектов.

Примерами государств с однородным субъектным составом могут быть Федеративная Республика Германия, включающая в себя 16 федеральных земель, Соединенные Штаты Америки (50 штатов и федеральный округ), Швейцария (состоит из кантонов), Мексика (из штатов) или Объединенные Арабские Эмираты (7 эмиратов). Однако есть государства, где федеративное устройство предполагает многообразие видов

субъектов федерации: Канада состоит из провинций и территорий, различие которых имеет исторические корни; Индия включает в себя штаты и союзные территории; в Бразилии в союз входят штаты, федеральный округ и муниципии; в Малайзии — штаты и федеральные территории.

В Российской Федерации в состав государства в соответствии со ст. 65 Конституции РФ¹ входят республики, края, области, города федерального значения, автономные округа и автономная область. Некоторые из указанных субъектов отличаются объемом компетенции, например, подчеркиваются особенности статуса республик во взаимоотношениях с Российской Федерацией², города федерального значения также, в частности, имеют дополнительные полномочия, связанные с особенностями организа-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237.

² См. подробнее: Черепанов В. А. Теория российского федерализма. М. : МЗ-Пресс, 2005 ; Саликов М. С. Многообразие и равноправие субъектов Российской Федерации: статика и динамика // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 61–71.

ции местного самоуправления, по сравнению с остальными субъектами.

Особенности компетенции региона³ зависят не только от его статуса, но и от его устройства. Большинство из 89 субъектов являются по своему строению (по внутренней структурной организации, как определяет такую классификацию М. С. Саликов⁴) так называемыми простыми, обычными, моносубъектами⁵, но несколько регионов имеют сложное строение, когда одно публично-правовое образование субфедерального уровня включает в себя другое. Для наименования таких субъектов Федерации чаще всего используются термины «сложносоставные» или «интегрированные», но встречаются также «сложноустроенные»⁶, «двухуровневые»⁷ и «матрешечные»⁸. В связи с этим в данной статье слова «интегрированные» и «сложносоставные» используются в качестве синонимов.

Подобный подход не является новым: в состав некоторых союзных республик, входящих в СССР, включались автономные советские социалистические республики. В настоящее время в качестве частей другого субфедерального субъекта выступают автономные округа в составе областей. Указанные округа могли определять, быть ли им самостоятельными субъектами Российской Федерации или войти в состав края или области, сохраняя статус субъекта Федерации. В связи с этим один из существующих ныне автономных округов является «простым» субъектом Федерации: Чукотский автономный округ в

1992 г. вышел из состава Магаданской области и вошел в состав Российской Федерации в качестве самостоятельного субъекта, подтвердив легальность такого выхода в Конституционном Суде РФ. Последний определил, что вхождение округа в состав или выход из состава другого субъекта Российской Федерации не идентичны процессам объединения нескольких субъектов в один или разделения одного субъекта на несколько регионов, и связал включение территории одного субъекта в территорию другого с определением пределов распространения властных полномочий различного уровня и характера⁹, т.е., по сути, с распределением компетенции соответствующих субъектов.

Остальные три автономных округа входят в состав областей: Ненецкий автономный округ — в состав Архангельской области, а Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский — в состав Тюменской. Изначально автономных округов было больше, но постепенно многие из них объединились с краем или областью и прекратили существование в качестве отдельных субъектов Российской Федерации, при этом приобретая особый статус внутри субъекта Федерации как административно-территориальная единица.

Единой точки зрения о целесообразности существования сложносоставных публично-правовых образований субфедерального уровня до сих пор не сложилось. Некоторые авторы оценивают их положительно и считают наличие таковых признаком российского федерализма¹⁰.

³ В статье термины «регион» и «субъект Российской Федерации» и производные от них используются как синонимы.

⁴ Саликов М. С. Указ. соч. С. 61–71.

⁵ Степаненко Ю. В., Поташкова Н. И. К вопросу о конституционно-правовом статусе сложноустроенных субъектов Российской Федерации // Современный юрист. 2016. № 4. С. 20–31.

⁶ Степаненко Ю. В., Поташкова Н. И. Указ. соч.

⁷ Кулешов Е. Особенности разграничения предметов ведения и полномочий в сложносоставных субъектах Федерации // Законодательство и экономика. 2005. № 10.

⁸ Кравцова Е. А. Правовое положение сложносоставных субъектов Российской Федерации с точки зрения конституционного принципа равноправия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 35–38.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.1993 № 9-П «По делу о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 года “О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1993. № 28. Ст. 1083.

Часть ученых критикует¹¹, в том числе в связи с недостаточной самостоятельностью. Некоторые предлагают вывести автономные округа из состава областей¹². Другие квалифицируют их как «правовой нонсенс»¹³, фикцию¹⁴.

В соответствии со ст. 66 Конституции РФ отношения автономных округов и области, в состав которой они входят, могут регламентироваться двумя способами: с помощью специального федерального закона или договора между региональными органами государственной власти этих субъектов. Такой федеральный закон, принятие которого предполагалось данной конституционной нормой, издан не был, поэтому инструментом взаимодействия составных частей интегрированных субъектов Федерации стали договоры, установившие распределение полномочий между областью и округом (округами). Эти договоры также выступили основанием расходных обязательств соответствующих субъектов Федерации¹⁵. Кроме того, на распределение полномочий внутри сложносоставных субъектов влияют и уставы субъектов Федерации, которые обычно регламентируют базовые принципы и основы отношений областей и округов, входящих в их состав. Например, глава 2 Устава Тюменской области устанавливает принципы отношений органов государственной власти области и автономных округов, регулирует основы разграничения их полномочий, закрепляет полномочия органов государственной власти всех трех регионов, входящих в сложносоставной субъект,

отнесенные к совместному ведению на основе договора, а также перечень полномочий, передаваемых путем заключения договора органам государственной власти области от органов государственной власти округов, описывает статус и значение совместных правовых актов органов государственной власти области и округов и т.д.¹⁶

Поскольку каждый из субъектов, являющийся составной частью интегрированного субъекта (область и округ), является самостоятельным, включается в конституционно закрепленный перечень субъектов Российской Федерации и обладает равным объемом прав как субъект Федерации, возникает необходимость исследования соотношения их компетенции, в том числе в финансовой сфере. Как отмечает Н. А. Филиппова, «ни одному другому федеративному государству не пришлось решать задачу разграничения полномочий между органами государственной власти двух субъектов федерации в ситуации, когда один из них входит в состав другого»¹⁷.

Представляется, что именно соотношением компетенции составных частей таких субъектов, наличием дополнительных связей между субъектами внутри одного субъекта в первую очередь можно объяснить отличительные черты, особенности финансовых отношений между ними. Автономным округом в соответствии со ст. 41 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Феде-

¹⁰ Филиппова Н. А. Автономный округ в составе области: договорный процесс в контексте российской конституционной реформы 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 46–51.

¹¹ См., например: Княгинин К. Н. Развитие конституционного статуса автономных (национальных) округов в составе края или области: цепь решений «как лучше» // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 15–22.

¹² Кравцова Е. А. Указ. соч.

¹³ См. подробнее: Кожевникова М. Л. Особенности конституционного статуса автономных округов, входящих в состав края, области (на примере рассмотрения правового статуса Тюменской области) // Военно-юридический журнал. 2007. № 5. С. 20–32.

¹⁴ Нарутто С. В. Единство и многообразие российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 60.

¹⁵ См. подробнее: Хаитов Г. А. Договоры и соглашения как основания возникновения расходных обязательств: правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 48.

¹⁶ Устав Тюменской области от 30.06.1995 № 6 // Вестник Тюменской областной Думы. 1995. № 7.

¹⁷ Филиппова Н. А. Указ. соч.

рации»¹⁸ самостоятельно реализуются полномочия, закрепленные за ним как за субъектом Федерации, если иное не установлено договором между округом и областью, что, в свою очередь, влечет за собой возникновение расходных обязательств соответствующего бюджета. Если области, включающей автономный округ (округа), делегируются федеральные полномочия либо полномочия в рамках совместных предметов ведения Федерации и ее субъектов, реализация указанных федеральных (совместных) полномочий должна происходить на территории всего интегрированного публично-правового образования, включая территорию округа (округов), если иное не установлено федеральным законом. Это возлагается на органы государственной власти области, поэтому возникнет расходное полномочие области как субъекта Федерации, но не округа.

Отдельные закрепленные в ст. 41 Федерального закона № 414-ФЗ субфедеральные полномочия по общему правилу также реализуются областными органами государственной власти на всей территории интегрированного субъекта (включая территорию округа/округов), если иное не установлено федеральным законом и (или) договором между органами государственной власти сложносоставных субъектов. На практике регламентация осуществлялась с помощью последнего, потому что специальный нормативный правовой акт федерального уровня принят так и не был. В связи с этим финансирование осуществления полномочий и возложение финансового бремени на конкретный бюджет зависят от договоренности между сторонами и от полноты описания распределения полномочий в документе. Например, в случае отсутствия в договоре распределения полномочий внутри интегрированного (сложносоставного)

субъекта расходные полномочия автономного округа и объем его расходных обязательств будут меньше, чем у области. В результате юридически равные публично-правовые образования (области и округа) на практике будут отличаться объемом полномочий, влияющих на их расходные обязательства, следовательно, на объем бюджетных расходов. В связи с этим следует отметить, что такой подход использовался и в предыдущем нормативном правовом акте — ранее действовавшем Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁹ — и уже тогда критиковался в литературе как влияющий на равенство регионов, входящих в сложносоставные субъекты²⁰. Подход законодателя в связи с принятием нового нормативного правового акта принципиально не изменился и также подвергался критике еще на стадии обсуждения законопроекта как нарушающий принципы самостоятельности и равноправия субъектов РФ²¹.

Специфика взаимоотношений публично-правовых образований внутри сложносоставного субъекта влияет и на поступление и распределение доходов между бюджетами составных частей интегрированного субъекта. В наибольшей степени это касается налоговых доходов как основного доходного источника бюджета. В статье 56 БК РФ²² определяется порядок распределения налоговых доходов между бюджетами субъектов, входящих в состав сложносоставных областей. Обычно основной объем указанных доходов закрепляется за областным бюджетом. Отличающийся от этого подхода порядок распределения налогов может быть установлен законом о федеральном бюджете либо договором между субъектами Федерации. Послед-

¹⁸ СЗ РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.

¹⁹ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 (документ утратил силу).

²⁰ См. подробнее: *Малый А. Ф.* О равноправии субъектов Российской Федерации и критериях его проявления // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 51–54; *Виноградов Т. П.* Некоторые проблемы российского федерализма и возможные способы их решения // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 10. С. 69–72.

²¹ См. подробнее: *Кравцова Е. А.* Указ. соч.

²² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

ний может закреплять нормативы отчислений налогов за бюджетами и объемы отчислений в областной бюджет для финансового обеспечения функционирования совместных органов управления (например, в Тюменской области созданы два совета — законодателей и губернаторов). По общему правилу при осуществлении областью каких-либо полномочий на территории округа доходы от федеральных налогов и сборов в той части, в которой они поступают в бюджеты регионов, полностью идут в бюджет области, даже если они взимаются на территории округа (округов). Как и в предыдущем случае, изменить этот подход субъекты могут, если это предусмотрено в законе или договоре.

Федеральные законы, влекущие за собой дополнительное изменение распределения полномочий или налоговых доходов между регионами, входящими в интегрированные публично-правовые образования, помимо общих правил, не принимались, следовательно, и здесь основным инструментом остается договор. Однако не всегда регионы пользуются этой возможностью на практике. Так, в договоре²³ между Тюменской областью и автономными округами в ее составе в 2023 г. в связи с принятием Федерального закона № 414-ФЗ было зафиксировано распределение полномочий таким образом, что автономные округа на своей территории реализуют полномочия, которые для сложносоставных субъектов закреплены обычно за областью (ч. 8 ст. 41 Федерального закона № 414-ФЗ), если это не оговорено договором. Распределение налоговых доходов в соответствии с этим договором предполагает норматив отчислений в областной бюджет лишь от налога на прибыль, собираемого в округе, в размере 29,5 % (кроме налогов, которые были

собраны в связи с участием организации в консолидированной группе налогоплательщиков) и необходимость целевого использования собранного налога. Расходовать собранные средства следует на областные программы, которые осуществляются на основании решения Совета губернаторов области и округов.

Договор между Ненецким автономным округом и Архангельской областью²⁴ подробно фиксирует распределение компетенции между этими публично-правовыми образованиями в финансовой сфере, особенно в части распределения налоговых доходов. Например, акцизы на спирт этиловый из пищевого сырья и на спирто-содержащую продукцию, которые по общему правилу поступают в бюджет субъекта Российской Федерации по нормативу 100 %, остаются в объеме 25 % в бюджете автономного округа, туда же поступает 50 % налога на добычу общераспространенных полезных ископаемых, также в равных долях между бюджетами делится сбор за пользование объектами животного мира, сбор за пользование объектами водных биологических ресурсов, в том числе по внутренним водным объектам, достается бюджету округа в размере 40 %, и т.д. Автономный округ имеет право установить пониженные ставки (вплоть до полной отмены) для отдельных категорий налогоплательщиков по налогу на прибыль (ст. 10 Договора), однако использование такого права округом следует согласовать с областью и компенсировать ее бюджету выпадающие налоговые доходы при нарушении процедуры согласования.

В данном случае автономный округ, изначально обладающий несколько ограниченными правами в связи со спецификой его правового статуса как составной части интегрированного

²³ Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 16.06.2023 № 47-оз «О Договоре между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа о продлении (пролонгации) действия Договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 июля 2004 года» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Закон Архангельской области от 20.03.2014 № 138-9-ОЗ «Об утверждении Договора между органами государственной власти Архангельской области и Ненецкого автономного округа о взаимодействии при осуществлении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Волна. 2014. № 25.

субъекта Федерации, получил расширенные возможности в финансовой сфере за счет использования такого инструмента регулирования отношений между регионами, входящими в состав одного субъекта Федерации, как договор, и подробного закрепления в этом документе соответствующих возможностей округа.

На основе анализа можно выделить следующие отличительные черты компетенции интегрированных (сложносоставных) публично-правовых образований субфедерального уровня в финансовой сфере. На указанную компетенцию влияют как сама конструкция, внутренняя организация этих субъектов, так и распределение полномочий внутри них. Конструкция интегрированных субъектов является той отличительной чертой, которая воздействует на нормативное регулирование бюджетных доходов и расходов и на объем прав этих публично-правовых образований в финансовой сфере. Еще одним фактором стало распределение полномочий между областями и автономными округами, а также способ закрепления такого распределения на практике. В нормативном правовом акте

определено, что закрепление (по сути, распределение между регионами) полномочий производится либо в законе, либо в договоре, но фактически применялся только договор, который влечет расходные обязательства соответствующих бюджетов. Следует учитывать, что бюджеты области и округа (округов) в этом случае включаются в один уровень бюджетной системы. Перераспределение доходов между областным и окружным бюджетами в зависимости от закрепления полномочий за тем или иным публично-правовым образованием также следует признать одной из особенностей компетенции сложносоставных субъектов Федерации. В этой ситуации вводятся нормативы налоговых отчислений в другой региональный бюджет внутри интегрированного субъекта Федерации либо средства аккумулируются в областном бюджете для исполнения общих задач по результатам совместных решений органов управления регионов. Таким образом, само существование данных органов также влияет на бюджетную политику сложносоставного региона и субъектов, входящих в него.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Виноградов Т. П.* Некоторые проблемы российского федерализма и возможные способы их решения // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 10. — С. 69–72.
2. *Княгинин К. Н.* Развитие конституционного статуса автономных (национальных) округов в составе края или области: цепь решений «как лучше» // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 21. — С. 15–22.
3. *Кожевникова М. Л.* Особенности конституционного статуса автономных округов, входящих в состав края, области (на примере рассмотрения правового статуса Тюменской области) // Военно-юридический журнал. — 2007. — № 5. — С. 20–32.
4. *Кравцова Е. А.* Правовое положение сложносоставных субъектов Российской Федерации с точки зрения конституционного принципа равноправия // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 9. — С. 35–38.
5. *Кулешов Е.* Особенности разграничения предметов ведения и полномочий в сложносоставных субъектах Федерации // Законодательство и экономика. — 2005. — № 10.
6. *Малый А. Ф.* О равноправии субъектов Российской Федерации и критериях его проявления // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 51–54.
7. *Нарутто С. В.* Единство и многообразие российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 9. — С. 56–67.
8. *Саликов М. С.* Многообразие и равноправие субъектов Российской Федерации: статика и динамика // Российский юридический журнал. — 2024. — № 2. — С. 61–71.

9. Степаненко Ю. В., Поташкова Н. И. К вопросу о конституционно-правовом статусе сложноустроенных субъектов Российской Федерации // Современный юрист. — 2016. — № 4. — С. 20–31.
10. Филиппова Н. А. Автономный округ в составе области: договорный процесс в контексте российской конституционной реформы 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 11. — С. 46–51.
11. Хайтов Г. А. Договоры и соглашения как основания возникновения расходных обязательств: правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 8. — С. 45–52.
12. Черепанов В. А. Теория российского федерализма. — М. : МЗ-Пресс, 2005. — 319 с.

Материал поступил в редакцию 9 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vinogradov T. P. Nekotorye problemy rossiyskogo federalizma i vozmozhnye sposoby ikh resheniya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2014. — № 10. — S. 69–72.
2. Knyagin K. N. Razvitie konstitutsionnogo statusa avtonomnykh (natsionalnykh) okrugov v sostave kraia ili oblasti: tsep resheniy «kak luchshe» // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2009. — № 21. — S. 15–22.
3. Kozhevnikova M. L. Osobennosti konstitutsionnogo statusa avtonomnykh okrugov, vkhodyashchikh v sostav kraia, oblasti (na primere rassmotreniya pravovogo statusa Tyumenskoy oblasti) // Voенно-yuridicheskiy zhurnal. — 2007. — № 5. — S. 20–32.
4. Kravtsova E. A. Pravovoe polozhenie slozhnosostavnykh subektov Rossiyskoy Federatsii s tochki zreniya konstitutsionnogo printsipa ravnopraviya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2023. — № 9. — S. 35–38.
5. Kuleshov E. Osobennosti razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochiy v slozhnosostavnykh subektakh Federatsii // Zakonodatelstvo i ekonomika. — 2005. — № 10.
6. Malyy A. F. O ravnopravii subektov Rossiyskoy Federatsii i kriteriyakh ego proyavleniya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 7. — S. 51–54.
7. Narutto S. V. Edinstvo i mnogoobrazie rossiyskogo federalizma // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2017. — № 9. — S. 56–67.
8. Salikov M. S. Mnogoobrazie i ravnopravie subektov Rossiyskoy Federatsii: statika i dinamika // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 2. — S. 61–71.
9. Stepanenko Yu. V., Potashkova N. I. K voprosu o konstitutsionno-pravovom statuse slozhnoustroennykh subektov Rossiyskoy Federatsii // Sovremennyy yurist. — 2016. — № 4. — S. 20–31.
10. Filippova N. A. Avtonomnyy okrug v sostave oblasti: dogovornyy protsess v kontekste rossiyskoy konstitutsionnoy reformy 2020 g. // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2023. — № 11. — S. 46–51.
11. Khaitov G. A. Dogovory i soglasheniya kak osnovaniya vznikeniya raskhodnykh obyazatelstv: pravovoy aspekt // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — № 8. — S. 45–52.
12. Cherepanov V. A. Teoriya rossiyskogo federalizma. — M.: MZ-Press, 2005. — 319 s.

Правовое регулирование и перспективы развития проектов социального воздействия

Аннотация. В статье проведен анализ реализации проектов социального воздействия на основании нормативных правовых актов федерального и регионального уровней. С 2019 по 2024 г. сформировалась практика применения инструмента проектов социального воздействия в субъектах Российской Федерации в рамках пилотной апробации. В целях осуществления проектов социального воздействия принимаются нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие описание социального эффекта, достижение целевых показателей которого позволит частному инвестору получить грант из бюджета бюджетной системы Российской Федерации. В то же время определен ряд факторов, которые препятствуют широкому использованию инструмента. Основное содержание статьи составляют систематизация и анализ нормативной правовой базы Российской Федерации и обобщение практического опыта реализации проектов социального воздействия в субъектах Российской Федерации. Сделан вывод о том, что для расширения реализации проектов социального воздействия необходимо на постоянной основе на законодательном уровне установить возможность использования данного инструмента, а на подзаконном — подход к исполнению проектов социального воздействия с учетом практики, которая сложилась за период их пилотной апробации.

Ключевые слова: бюджетная эффективность; грант; инвестор; национальные проекты; независимая оценка; нормативные правовые акты; плата за успех; право; проекты социального воздействия; социальный эффект; финансовое право.

Для цитирования: Чернов И. М. Правовое регулирование и перспективы развития проектов социального воздействия // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 42–48. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.042-048.

Legal Regulation and Development Prospects of Social Impact Projects

Ivan M. Chernov, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), VEB.RF State Corporation of Development, Moscow, Russian Federation
imchernov@me.com

Abstract. The paper analyzes implementation of social impact projects based on federal and regional normative legal acts. From 2019 to 2024, the practice of implementing social impact projects has developed in the constituent entities of the Russian Federation within the framework of pilot testing. For the implementation of social impact projects, constituent entities of the Russian Federation adopt normative legal acts that include a description of the social effect, the achievement of which allows private investors to receive a grant from the budget of the budgetary system of the Russian Federation. At the same time, the study identifies several factors that hinder the widespread use of this instrument. The paper mainly describes systematization and analysis of the normative legal framework

© Чернов И. М., 2025

* Чернов Иван Михайлович, соискатель кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
imchernov@me.com

of the Russian Federation and the summarization of practical experience in implementing social impact projects in constituent entities of the Russian Federation. The author concludes that to expand the practice of implementing social impact projects, it is necessary to establish the possibility of using this instrument on a permanent basis at the legislative level, and at the sub-legislative level, to develop an approach to the implementation of social impact projects taking into account the practice that has developed during their pilot testing.

Keywords: budget efficiency; grant; investor; national projects; independent evaluation; normative legal acts; payment for success; law; social impact projects; social effect; financial law.

Cite as: Chernov IM. Legal Regulation and Development Prospects of Social Impact Projects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):42-48. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.042-048.

Политика Российской Федерации как социального государства, в соответствии с Конституцией РФ¹, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Органами власти обеспечивается государственная поддержка различных социальных категорий: семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, и предусмотрены различные гарантии социальной защиты.

Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 в развитие норм Конституции РФ и в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.²

Достижение национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» предполагает решение задач в том числе по повышению суммарного коэффициента рождаемости, увеличению ожидаемой продолжительности жизни, снижению уровня бедности, созданию эффективной системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров для приоритетных

отраслей экономики, исходя из прогнозируемой потребности в них. Выполнение указанных задач неразрывно связано с предоставлением государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере, требует новых подходов и существенных затрат из бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Привлечение внебюджетных средств может способствовать поиску более оптимальных способов решения задач, обозначенных в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309, и, соответственно, повышению эффективности бюджетных расходов. Инструментом, позволяющим привлечь внебюджетные средства для поиска решений социальных задач, могут стать проекты социального воздействия.

Целесообразность применения данного инструмента впервые была закреплена в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов³, которой в рамках повышения эффективности и качества оказания государственных услуг в социальной сфере, наряду с развитием существующих форм государственно-частного партнерства, предусмотрено развитие новых механизмов, обеспечивающих соблюдение экономических интересов частного партнера.

Концепцией предложено привлекать на решение социальных задач средства частных

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

² Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 07.05.2024.

³ Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.02.2019.

инвесторов, а средства из бюджета бюджетной системы Российской Федерации предоставлять им только по факту достижения социального эффекта, а не за выполнение услуг или их количество. При этом ожидаемые социальные эффекты, единицы их измерения, размер возмещения за счет средств соответствующего бюджета затрат на решение социальной задачи регион определяет в нормативном правовом акте заранее.

Согласно Концепции такой инструмент целесообразно внедрять после пилотной апробации в ряде субъектов Российской Федерации, привлекая созданные институты развития.

В развитие вышеуказанных положений Концепции постановлением Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491⁴ определен период пилотной апробации инструмента проектов социального воздействия (далее — проекты) с 2019 по 2024 г. и утверждено Положение о ее проведении.

По логике Концепции и в соответствии с Положением:

- упомянутые проекты направлены на достижение социальных эффектов — положительных изменений состояния и (или) жизненных условий определенной группы граждан (социальных бенефициаров);

- проекты осуществляются за счет средств инвесторов (определены Положением как организаторы) с последующим предоставлением им гранта в форме субсидии из бюджетов субъектов Российской Федерации при условии достижения показателей социального эффекта;

- инвестор может реализовывать мероприятия проекта самостоятельно либо, при отсутствии кадровых, материально-технических, организационных и иных ресурсов, привлекать третье лицо (исполнителя), которое будет за счет средств инвестора непосредственно работать с гражданами для достижения социального эффекта.

Риск недостижения социального эффекта и, как следствие, неполучения гранта из бюджет-

та полностью лежит на инвесторе. Важно, что факт достижения/недостижения социального эффекта должен быть подтвержден заключением независимого оценщика. Выплата гранта из бюджета субъекта Российской Федерации осуществляется при наличии заключения независимого оценщика о достижении социального эффекта, а не о количестве оказанных услуг или об объеме выполненных работ в рамках реализации проекта, что является существенным отличием от действующих подходов к финансированию социальных услуг.

Важной чертой проектов является то, что они нацелены на выработку уникального механизма и технологий работы в социальной сфере, направленных на улучшение жизни граждан, для его дальнейшего тиражирования и масштабирования (после подтверждения его эффективности по результатам независимой оценки). Цель каждого проекта увязана со стратегическими задачами развития государства, а социальный эффект и целевые показатели — инструмент для их измерения и подтверждения эффективности⁵.

Помимо инвестора (организатора), исполнителя и социальных бенефициаров, Положением определены следующие участники проектов:

- уполномоченный орган — орган государственной власти субъекта Российской Федерации, в полномочия которого входит решение социальных задач в сфере реализации проекта;

- оператор — организация, которая осуществляет организационное сопровождение проекта, мониторинг и привлечение независимого оценщика (во всех реализуемых в рамках пилотной апробации проектах оператором является Государственная корпорация развития «ВЭБ. РФ»);

- независимый оценщик — организация, привлекаемая для установления факта достижения или недостижения социального эффекта по итогам реализации проекта.

⁴ Постановление Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491 «Об организации проведения субъектами Российской Федерации в 2019–2024 годах пилотной апробации проектов социального воздействия» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.11.2019.

⁵ Мануилов Н. Проекты социального воздействия в России: первые итоги 2022 года // Позитивные изменения. 2022. № 2(4). С. 42–55.

По состоянию на июнь 2024 г. девятью субъектами Российской Федерации принято решение о реализации 12 проектов.

Пять проектов уже завершены:

- в сфере образования в Республике Саха (Якутия)⁶;
- в сфере здравоохранения⁷ и социальной защиты⁸ в Приморском крае;
- в сфере социального обслуживания в Челябинской области⁹ и в Республике Саха (Якутия)¹⁰.

Мероприятия семи проектов продолжаются:

- в сфере социального обслуживания в Хабаровском крае¹¹ и Республике Башкортостан¹²;
- в сфере образования в Костромской области¹³;
- в сфере здравоохранения в Свердловской области¹⁴;
- в сфере образования¹⁵ и занятости¹⁶ в Камчатском крае;
- в сфере социальной защиты в Кемеровской области¹⁷.

⁶ Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 04.06.2019 № 573 (ред. от 26.12.2022) «О реализации проектов социального воздействия в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. № 20. 07.09.2019.

⁷ Постановление Правительства Приморского края от 18.12.2020 № 1049-пп (ред. от 08.12.2021) «О реализации в Приморском крае проекта социального воздействия в сфере здравоохранения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 22.12.2020.

⁸ Постановление Правительства Приморского края от 18.12.2020 № 1048-пп (ред. от 28.10.2021) «О реализации в Приморском крае проекта социального воздействия в сфере социальной защиты населения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 22.12.2020.

⁹ Постановление Правительства Челябинской области от 21.05.2021 № 187-П (ред. от 15.06.2023) «О реализации в Челябинской области проекта социального воздействия в сфере социального обслуживания населения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 27.05.2021.

¹⁰ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 09.03.2021 № 62 (ред. от 28.03.2024) «Об утверждении паспорта проекта социального воздействия в сфере социального обслуживания» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 11.03.2021.

¹¹ Постановление Правительства Хабаровского края от 23.05.2022 № 255-пр (ред. от 08.08.2023) «О реализации в Хабаровском крае проекта социального воздействия в сфере социального обслуживания» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.05.2022.

¹² Постановление Правительства Республики Башкортостан от 12.10.2023 № 602 «Об организации в 2023–2025 годах в Республике Башкортостан реализации проекта социального воздействия в сфере социального обслуживания населения “Организация дневной занятости для инвалидов “Новые возможности”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 18.10.2023.

¹³ Постановление администрации Костромской области от 31.01.2022 № 27-а (ред. от 01.04.2024) «О реализации в Костромской области проекта социального воздействия в сфере образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/>. 01.02.2022.

¹⁴ Постановление Правительства Свердловской области от 24.03.2022 № 187-ПП (ред. от 03.08.2023) «О пилотной апробации проекта социального воздействия в сфере здравоохранения “Профилактика ожирения у детей 6–9 лет, проживающих в Свердловской области”» // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: <http://www.pravo.gov66.ru>. 25.03.2022.

¹⁵ Постановление Правительства Камчатского края от 19.05.2022 № 247-П (ред. от 01.09.2023) «О реализации в Камчатском крае проекта социального воздействия в сфере образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 19.05.2022.

¹⁶ Постановление Правительства Камчатского края от 30.05.2022 № 272-П (ред. от 06.09.2023) «О реализации в Камчатском крае проекта социального воздействия в сфере занятости граждан, которые были привлечены к уголовной ответственности, “Второй шанс”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 31.05.2022.

¹⁷ Постановление Правительства Кемеровской области — Кузбасса от 03.10.2023 № 648 «О реализации в Кемеровской области — Кузбассе проекта социального воздействия в сфере социальной защиты насе-

Всего на реализацию проектов в России привлечено 449,2 млн руб. внебюджетных средств, а сумма грантов инвесторам из бюджетов субъектов Российской Федерации составляет 484,8 млн руб.

В целях реализации проектов необходимо принять нормативный правовой акт, который, помимо утверждения паспорта проекта, содержащего основные параметры проекта (социальный эффект, группы социальных бенефициаров, сроки реализации и иные), устанавливает порядки:

- проведения независимой оценки;
- предоставления гранта инвестору;
- предоставления гранта оператору (в целях возмещения затрат на организацию независимой оценки).

На сегодняшний день в соответствии с постановлением Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491 проекты реализуются только на региональном уровне, в то время как полномочия в социальной сфере распределены между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Анализ нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о реализации проектов показал, что нет единого подхода к содержанию таких актов. Например, в паспорте проекта в Свердловской области есть норма об определении организатора путем проведения конкурсного отбора, при этом при реализации остальных проектов конкретный организатор как получатель гранта сразу поименован в паспорте проекта (с 2024 г. — на основании решения высшего исполнительного органа субъекта

Российской Федерации, принятого в соответствии с пп. 1 п. 2 ст. 78.5 БК РФ¹⁸).

В паспорте проекта, реализуемого в Республике Башкортостан, указан не только организатор, но и исполнитель, хотя формой паспорта, рекомендованной постановлением Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491, это не предусмотрено. Другими регионами такая практика не используется.

В порядке предоставления гранта в форме субсидии организатору проекта, осуществляемого в Хабаровском крае, целью предоставления гранта является возмещение фактически понесенных затрат на реализацию на территории Хабаровского края проекта при условии достижения социального эффекта. В аналогичных порядках других субъектов Российской Федерации грант организатору предоставляется в целях реализации проекта при условии достижения социального эффекта по результатам реализации проекта или на финансовое обеспечение результата реализации проекта.

Неоднородность формулировок вызвана диспозитивностью норм постановления Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491 и отсутствием отдельных положений, определяющих особенности предоставления грантов при реализации проектов, в общих требованиях к нормативным правовым актам, регулирующим предоставление из бюджетов субъектов Российской Федерации субсидий юридическим лицам¹⁹, и Правилах предоставления из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации субсидий юридическим лицам²⁰.

ления Кемеровской области — Кузбасса “Обучение и содействие в обеспечении занятости незрячих и слабовидящих людей и их родственников — ‘Видимые возможности’”» // Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области — Кузбасса. URL: <http://bulleten-kuzbass.ru/>. 03.10.2023.

¹⁸ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 25.10.2023 № 1782 «Об утверждении общих требований к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление из бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг и проведение отборов получателей указанных субсидий, в том числе грантов в форме субсидий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.11.2023.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 25.10.2023 № 1780 «Об утверждении Правил предоставления из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации субсидий, в том числе грантов в форме субсидий,

В половине проектов грант из бюджета превышает затраты инвестора на реализацию проектов, что может рассматриваться как «плата за успех» при достижении социального эффекта.

Стоит отметить, что проекты являются аналогом *social impact bond*²¹, используемого в международной практике как один из инструментов, соответствующих принципу «плата за успех»²². Этот принцип предполагает государственно-частное партнерство в широкой трактовке этого термина, когда частный партнер финансирует социальные проекты, а государственные органы выплачивают ему грант, размер которого зависит от достижения ранее согласованных целевых результатов и может превышать затраты.

Проекты, в нормативном правовом акте о реализации которых установлено, что размер гранта превышает затраты на их исполнение, более привлекательны для инвесторов, т.к. эта разница частично нивелирует обесценивание денежных средств во времени. Проекты, ввиду высокого риска неполучения гранта для инвестора, неконкурентоспособны по уровню финансовой отдачи, если сравнивать их с традиционными финансовыми инструментами, например облигациями федерального займа, но при этом являются как альтернативой традиционной благотворительности, так и реализацией повестки социальной ответственности бизнеса через социальные инвестиции²³. Нормативно «плата за успех» ни в одном проанализированном акте о реализации проектов не установлена.

Реализация проектов соотносится с принципом эффективности использования бюджетных

средств в части результативности их использования согласно БК РФ, даже при условии превышения размера гранта над затратами инвестора, что подтверждается следующими преимуществами:

- выплата гранта из бюджета происходит только после подтверждения социального эффекта, соответственно, риск недостижения социального эффекта лежит на инвесторе;

- в рамках реализации проекта социальный эффект достигается путем апробирования нового подхода к решению социальных задач. Регион в дальнейшем может использовать новый, доказавший свою эффективность подход в рамках своей социальной политики для расширения территории его применения и увеличения числа социальных бенефициаров.

Завершающаяся в 2024 г. пилотная апробация проектов позволяет сделать вывод об успешности использования указанного инструмента для решения социальных задач субъектов Российской Федерации с привлечением средств инвесторов. Полученных по результатам пилотной апробации данных достаточно для принятия решения о закреплении инструмента проектов социального развития на постоянной основе²⁴.

Дальнейшее использование инструмента проекта должно содействовать достижению национальных целей и стратегических задач Российской Федерации, а также задач субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в социальной сфере.

Проекты не являются заменой существующих инструментов бюджетного финансирования,

---

юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 10.11.2023.

²¹ Вяткина Ю. Игра вдолгую: точки роста и перспективы Social Impact Bonds в России // Позитивные изменения. 2022. № 2 (2). С. 14–23.

²² What is Pay for Success? Pay for Success is an innovative model to finance effective social programs // URL: <https://socialfinance.org/what-is-pay-for-success/>.

²³ Тестина Я. С., Печерица Е. В. Социальные инвестиции как форма реализации корпоративной социальной ответственности // Фундаментальные исследования. 2016. № 7-1. С. 185–189. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40482> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁴ Минфин России поддерживает применение проектов социального воздействия на постоянной основе // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39033-minfin_Rossii_podderzhivaet_primenenie_proektov_sotsialnogo_vozdeistviya_na_postoyanno_osnove.

а дополняют их, давая возможность апробировать новые подходы к решению социальных задач региона без принятия риска на бюджет.

Для расширения практики использования проектов необходимо на законодательном уровне предусмотреть возможность их использования публично-правовыми образованиями, а также нормативно установить порядок реализации проектов на постоянной основе с учетом практики, которая сложилась за период пилотной апробации.

В вышеуказанном акте важно предусмотреть:

— возможность реализации проектов не только на региональном, но и на федеральном и муниципальном уровнях. Финансовое обеспечение исполнения проектов осуществляется за счет бюджета публично-правового образования, принявшего решение о реализации проекта. Софинансирование вышеуказанных расходных обязательств субъекта Российской Федерации из федерального бюджета, с последующим использованием выработанных в

рамках реализации проектов подходов на федеральном уровне, придаст дополнительный стимул регионам и муниципалитетам осуществлять проекты;

— особенности отношений и содержания соглашений между участниками проектов.

Кроме того, урегулирование гранта в форме субсидии инвестору с учетом увеличения его размера в зависимости от достижения социального эффекта будет дополнительной мотивацией для инвесторов и установит единообразный подход к расчету гранта для уполномоченных органов субъектов Российской Федерации, что позволит расширить практику реализации проектов. Указанные изменения целесообразно предусмотреть в общих требованиях к нормативным правовым актам, регулирующим предоставление из бюджетов субъектов Российской Федерации субсидий юридическим лицам, и Правилах предоставления из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации субсидий юридическим лицам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вяткина Ю. Игра вдолгую: точки роста и перспективы Social Impact Bonds в России // Позитивные изменения. — 2022. — № 2 (2). — С. 14–23.
2. Мануилов Н. Проекты социального воздействия в России: первые итоги 2022 года // Позитивные изменения. — 2022. — № 2 (4). — С. 42–55.
3. Тестина Я. С., Печерица Е. В. Социальные инвестиции как форма реализации корпоративной социальной ответственности // Фундаментальные исследования. — 2016. — № 7-1. — С. 185–189.

Материал поступил в редакцию 17 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vyatkina Yu. Igra vdolguyu: tochki rosta i perspektivy Social Impact Bonds v Rossii // Pozitivnye izmeneniya. — 2022. — № 2 (2). — S. 14–23.
2. Manuilov N. Proekty sotsialnogo vozdeystviya v Rossii: pervye itogi 2022 goda // Pozitivnye izmeneniya. — 2022. — № 2 (4). — S. 42–55.
3. Testina Ya. S., Pecheritsa E. V. Sotsialnye investitsii kak forma realizatsii korporativnoy sotsialnoy otvetstvennosti // Fundamentalnye issledovaniya. — 2016. — № 7-1. — S. 185–189.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.049-056

Д. Е. Зайков*

Проблемы определения субъекта ответственности в виде судебного штрафа в арбитражном процессе

Аннотация. Арбитражное процессуальное законодательство в целях обеспечения исполнения судебных актов и требований судей арбитражных судов, соблюдения порядка в судебном заседании предусматривает ряд процессуальных инструментов воздействия на участников судопроизводства и иных лиц в целях понуждения к выполнению возложенных на них обязанностей. Одним из них является институт судебного штрафа, который представляет собой меру юридической ответственности (государственного принуждения), выражаемую в виде денежного взыскания. Несмотря на достаточно развитое правовое регулирование института судебного штрафа в арбитражном процессуальном законодательстве, многолетнюю и широко распространенную практику его применения, актуальны вопросы необходимости и целесообразности наложения судебного штрафа на публично-правовые субъекты, конкуренции субъектов юридической ответственности в виде судебного штрафа: публично-правового субъекта (организации), его должностных лиц и судебных представителей. В статье анализируются различные толкования отдельных процессуальных норм, регламентирующих институт судебного штрафа, и разнонаправленно развивающаяся судебная практика, обозначаются проблемы, их опосредующие, и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: судебный штраф; арбитражный суд; государственный орган; организация; должностное лицо; юридическая ответственность; неуважение к суду; неисполнение судебного акта.

Для цитирования: Зайков Д. Е. Проблемы определения субъекта ответственности в виде судебного штрафа в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 49–56. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.049-056.

© Зайков Д. Е., 2025

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта Образцова ул., д. 9, стр. 9, г. Москва, ГСП-4, Российская Федерация, 127994
joburist@yandex.ru

Problems of Determining the Subject of Liability in the Form of a Court Fine in Arbitrazh Proceedings

Denis E. Zaykov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure, Institute of Law, кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation
joburist@yandex.ru

Abstract. The arbitrazh procedural legislation aims to ensure the enforcement of judicial acts and the requirements of judges in arbitrazh courts, and to maintain order during court sessions. It provides several procedural tools to influence participants in the proceedings and other persons to compel them to fulfill their obligations. One such tool is the institution of judicial fines that represents a measure of legal responsibility (state coercion) expressed in the form of monetary penalties. Despite well-developed legal regulation of the institution of judicial fines in arbitrazh procedural legislation and long-standing and widespread practice of its application, there are still relevant issues concerning the necessity and expediency of imposing judicial fines on public legal entities, the competition between subjects of legal responsibility in the form of judicial fines, namely, public legal entities (organizations), their officials, and legal representatives. The paper analyzes different interpretations of specific procedural norms regulating the institution of judicial fines and the divergent development of judicial practice. It identifies the problems that mediate these issues and proposes ways to resolve them.

Keywords: judicial fine; arbitrazh court; government body; organization; official; legal responsibility; contempt of court; non-compliance with judicial act.

Cite as: Zaykov DE. Problems of Determining the Subject of Liability in the Form of a Court Fine in Arbitrazh Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):49-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.049-056.

Судебный штраф представляет собой важный процессуальный институт арбитражного судопроизводства, являющийся самостоятельной мерой юридической ответственности (государственного принуждения) в виде денежного взыскания за нарушение арбитражного процессуального законодательства (невыполнение (несвоевременное, неполное выполнение) судебных актов арбитражного суда, его требований¹, неуважение к суду)².

Судебный штраф впервые был предусмотрен АПК РФ 1992 г. (в качестве арбитражного штрафа), получил развитие в АПК РФ 1995 г. и, несмотря на безусловную преемственность от института судебного штрафа, известного ГПК

РСФСР 1964 г., в арбитражном процессе обрел правовое регулирование, отличающееся рядом значимых новаций (градация порядка установления размера судебного штрафа, применение «классического» способа обжалования определений о наложении судебного штрафа, регламентация назначения взысканных судебных штрафов — в федеральный бюджет³).

АПК РФ 2002 г. продолжил совершенствование института судебного штрафа:

— подробно регламентирован порядок рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа;

— установлена дифференциация максимальных размеров судебного штрафа в зави-

¹ См., например: ч. 1 ст. 16 АПК РФ.

² Позиции о правовой природе судебного штрафа см.: Васин В. Н., Казанцев В. И. К вопросу о правовой природе штрафа // Российский судья. 2006. № 1. С. 29–34; Гушин В. В. Правовая природа штрафной процессуальной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 63–66.

³ Например, соответствующее положение было внесено в ГПК РФ только в 2019 г. См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

симости от субъекта, на которого он налагается, причем в отдельных случаях судебный штраф закреплён в твердом размере. Это позволило при определении размера такой ответственности, с одной стороны, в рамках дискреции арбитражного суда, принимая во внимание статус нарушителя, учитывать его вину, негативные последствия, а также иные обстоятельства совершенного правонарушения, а с другой стороны, исключить необходимость усмотрения арбитражного суда в отношении конкретных правонарушений, последствия которых предсказуемы и могли быть оценены законодателем⁴;

— дополнительным основанием наложения судебного штрафа выступило проявленное неуважение к суду;

— повышение размеров судебных штрафов⁵ позволило расширить пределы дискреции арбитражного суда;

— предусмотрено положение, в силу которого судебные штрафы, наложенные арбитражным судом на должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления и других органов (далее — органы власти), организаций, взыскиваются из их личных средств, что исключило возможность должностных лиц уйти от указанной меры ответственности либо переложить ее бремя на соответствующий орган или организацию.

Указанные обстоятельства привели к повышению эффективности института судебного штрафа и его более широкому использованию арбитражными судами⁶. Вместе с тем наличие отдельных проблем правового регулирования и практики применения судебного штрафа оказы-

вает негативное влияние на рассматриваемые отношения и не позволяет в полной мере реализовать потенциал указанной меры юридической ответственности. Так, в ч. 1 ст. 119 АПК РФ определены лица, на которых может быть наложен судебный штраф: граждане, должностные лица, организации. Однако среди указанных субъектов отсутствуют органы власти, которые являются частыми участниками арбитражного процесса⁷. Почему законодатель отказался от их упоминания в указанной норме?

Мнение о том, чтобы исключить возможность наложения на указанных субъектов судебных штрафов, не выдерживает критики. Это бы повлекло нарушение фундаментального принципа арбитражного процесса — равенства всех перед законом и судом, создало бы предпосылки для ухода от ответственности за нарушение арбитражного процессуального законодательства и обусловило бы невозможность выполнения такой задачи судопроизводства в арбитражных судах, как формирование уважительного отношения к закону и суду.

Вероятной причиной может выступать позиция, которая находит отражение в практике арбитражных судов.

Орган государственной власти финансируется за счет федерального бюджета, а судебные штрафы, накладываемые арбитражным судом, подлежат взысканию в доход федерального бюджета (ч. 7 ст. 119 АПК РФ). С учетом изложенного наложение судебного штрафа на орган государственной власти не приведет к выполнению задач судопроизводства⁸ (ст. 2 АПК РФ). При этом руководитель органа государственной

⁴ См.: ч. 2, 3 ст. 119 АПК РФ.

⁵ См., например: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ.

Впрочем, это изменение не коснулось максимального размера судебного штрафа в отношении юридических лиц, который с 2002 г. остается равным 100 000 руб.

⁶ Так, в 2022 г. арбитражными судами первой инстанции было наложено 1 255 судебных штрафов на общую сумму более 18 млн руб., а в 2023 г. — 1 312 судебных штрафов на общую сумму более 20 млн руб. (см.: URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.06.2024)).

⁷ Аналогичный подход реализован в ч. 1 ст. 105 ГПК РФ. Однако в ч. 1 ст. 122 КАС РФ органы власти прямо поименованы в градации предельных размеров судебных штрафов.

⁸ Похожая ситуация складывается с уплатой государственной пошлины при обращении органов государственной власти в суды. Однако она нашла отражение в налоговом законодательстве (см., например: ст. 333.37 НК РФ).

власти несет персональную ответственность за выполнение возложенных на орган государственной власти полномочий. Наложение на указанное должностное лицо судебного штрафа, который будет взыскан за счет его личных средств, позволит обеспечить как неотвратимость ответственности, так и эффективность (фактическую и экономическую) рассматриваемого процессуального института⁹. Иными словами, за нарушения арбитражного процессуального законодательства целесообразно и действительно привлекать к ответственности не публично-правовые субъекты, а их должностных лиц. Данный вывод подтверждает и часть 6 ст. 119 АПК РФ, согласно которой орган власти несет ответственность за нарушение арбитражного процессуального законодательства путем наложения судебного штрафа на его должностное лицо, из личных средств которого он подлежит взысканию.

Данный подход видится вполне разумным объяснением ограниченного субъектного состава в ч. 1 ст. 119 АПК РФ. Однако внесенные в 2010 г. изменения в ч. 1 ст. 332 АПК РФ¹⁰ дали повод усомниться в следовании законодателя такому подходу: указанная норма предусмотрела возможность наложения судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного

суда в том числе и на орган власти¹¹. Тем не менее революционного значения это положение не имело: и до 2010 г., и тем более после судебная практика фактически игнорировала установленное ограничение по субъектному признаку¹², арбитражные суды, несмотря на отсутствие в АПК РФ специального указания о максимальном размере судебного штрафа для органов власти, применяли для них ч. 1 ст. 119 АПК РФ в части, касающейся организаций¹³.

Данная позиция, вероятно, была обусловлена приобретением арбитражными судами более широких дискреционных полномочий: с одной стороны, наличие возможности выбора субъекта ответственности за нарушение арбитражного процессуального законодательства — орган власти (как организация) или его должностное лицо, а с другой — значительное увеличение предельного размера судебного штрафа (до 100 000 руб. для организации)¹⁴.

Однако возможность и обоснованность подобного расширительного толкования представляются неоднозначными.

Анализ используемой в АПК РФ терминологии позволяет утверждать, что законодатель прямо разграничивает организации и органы власти, что особенно проявляется в нормах, регулирующих субъектный состав соответствующей

⁹ См., например: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.05.2022 № 13АП-8805/22 по делу № А56-118730/2020.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».

¹¹ Несмотря на неоднозначность толкования ч. 1 ст. 332 АПК РФ в части определения нормы, устанавливающей размер судебного штрафа, арбитражные суды для указанной цели в основном применяли ч. 1 ст. 119 АПК РФ.

¹² При этом арбитражные суды, отказавшись от буквального толкования ч. 1 ст. 119 АПК РФ в качестве обстоятельства, применяемого в качестве основания для уменьшения размера назначаемого судебного штрафа, указывали правовой статус органов власти — их финансирование из федерального бюджета. См., например: постановления Третьего арбитражного апелляционного суда от 23.10.2008 № 03АП-2756/2008 по делу № А69-2014/08-8-03АП-2756/2008 ; Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.01.2009 № 09АП-17506/2008 по делу № А40-56359/2006.

¹³ См., например: постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2007 № 09АП-19103/2006 по делу № 09АП-19103/2006-АК ; Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.04.2012 № Ф08-2693/12 по делу № А32-17998/2011 ; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.07.2021 № Ф04-6764/20 по делу № А46-8470/2020.

¹⁴ Только с 1 октября 2019 г. максимальный размер судебного штрафа для должностных лиц был повышен с 5 000 руб. до 30 000 руб. См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ.

щих отношений¹⁵. И телеологическое толкование ч. 1 ст. 119 АПК РФ исключает органы власти из числа лиц, на которых может быть наложен судебный штраф.

Наиболее рациональный подход законодателя к определению размеров судебного штрафа в зависимости от правового статуса нарушителя закреплен в ч. 1 ст. 122 КАС РФ. Указанная норма прямо разграничивает органы власти и организации, устанавливая для них разные предельные размеры судебного штрафа.

Вместе с тем АПК РФ в ряде норм вместо термина «организация» использует «юридическое лицо». Это обусловлено необходимостью как соблюдения терминологической точности применения соответствующих определений, так и указания на правовой статус такой организации¹⁶. При этом арбитражные суды связывают наличие у органа власти статуса юридического лица с возможностью наложения на него судебного штрафа¹⁷. Такая позиция объясняется необходимостью обосновать применение к органу власти ч. 1 ст. 119 АПК РФ как к организации.

Именно данное обстоятельство лежит в основе решения проблемы установления органа принудительного исполнения, несущего ответственность в виде судебного штрафа за нарушение требований ст. 332 АПК РФ¹⁸: несмотря на совершение явившихся причиной неисполнения судебного акта действий (бездействия) работниками подразделения территориального органа принудительного исполнения (например, отдел службы судебных приставов управления Феде-

ральной службы судебных приставов по соответствующему субъекту РФ), судебный штраф может быть наложен только непосредственно на территориальный орган принудительного исполнения (управление Федеральной службы судебных приставов по соответствующему субъекту РФ) в связи с наличием статуса юридического лица у последнего¹⁹.

Неоднозначность подхода арбитражных судов к возможности применения к органам власти судебного штрафа как к организациям не влияет на его безусловно превалярующее применение в судебной практике. Вместе с тем это делает необходимым разрешение актуальных вопросов об определении субъекта ответственности при наличии правовых оснований для наложения судебного штрафа (конкуренция между организацией и ее должностным лицом), а также о возможности одновременного наложения судебного штрафа на указанных субъектов за одно и то же нарушение.

Основным содержанием определений о наложении судебных штрафов, выносимых арбитражными судами, является анализ обстоятельств дела и доказательств, подтверждающих наличие (отсутствие) правовых оснований для наложения судебного штрафа. При этом наиболее часто именно орган власти (организация) выступает в качестве субъекта ответственности²⁰, являясь таковым по умолчанию. В отдельных случаях арбитражный суд, анализируя обязанности соответствующих должностных лиц, как правило, служащих единоличным исполнительным органом юридического лица, приходит

¹⁵ См., например: ч. 2 ст. 5, ч. 1 ст. 16, ч. 1 ст. 188.1 АПК РФ.

¹⁶ При этом вопрос о соотношении категорий «организация» и «юридическое лицо» не имеет однозначного разрешения: это и аналогичные понятия (ч. 4 ст. 59 АПК РФ), и различающиеся как общее и частное (ч. 6 ст. 27 АПК РФ).

¹⁷ См., например: постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.12.2021 № 07АП-10482/21 по делу № А45-20110/2021 ; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2022 № Ф04-269/22 по делу № А45-14123/2021.

¹⁸ См., например: постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.12.2021 № 07АП-10482/21 по делу № А45-20110/2021 ; Арбитражного суда Московского округа от 22.03.2023 № Ф05-6284/23 по делу № А41-15236/2022.

¹⁹ См.: п. 12 Типового положения о территориальном органе Федеральной службы судебных приставов (утв. приказом Минюста России от 30.03.2020 № 64).

²⁰ См., например: постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2013 № 07АП-8798/12 по делу № А45-20513/2012.

к выводу о необходимости наложения судебного штрафа именно на должностное лицо²¹.

Встречаются в судебной практике и довольно своеобразные позиции арбитражных судов по данной проблематике. Так, Восьмой арбитражный апелляционный суд ушел от дилеммы о том, кто является надлежащим субъектом ответственности, следующим образом: «Наложить на ООО “АС-Эксперт” (в лице директора П. Ю. Кошкина) судебный штраф в размере 5 000 руб.»²². Но возникает вопрос, как исполнять такой судебный акт.

Впрочем, каковы критерии принятия решения по проблеме конкуренции между органом власти (организацией) и его должностным лицом в части ответственности в виде судебного штрафа? Какие-либо общие подходы к их определению отсутствуют, а фактически они устанавливаются арбитражным судом применительно к обстоятельствам конкретного дела и обусловлены его дискрецией²³. Между тем отсутствие таких критериев приводит к зависимости выбора лица, ответственного за нарушение арбитражного процессуального законодательства, исключительно от усмотрения арбитражного суда, что создает неопределенность в процессуальных отношениях, является важным коррупциогенным фактором²⁴, не соответствует задачам судопроизводства в арбитражных судах и оказывает негативное влияние на эффективность судебной

защиты прав и законных интересов субъектов права. В то же время вопрос о наложении судебного штрафа зачастую инициируется лицом, участвующим в деле, в заявительном порядке: это обуславливает его рассмотрение арбитражным судом в отношении именно субъекта, указанного заявителем, что нередко и предопределяет решение данной проблемы²⁵.

Иная ситуация складывается по вопросу об одновременном привлечении органа власти (организации) и его должностного лица к ответственности в виде судебного штрафа за одно и то же нарушение. АПК РФ такой возможности не предусматривает. Однако лица, участвующие в деле, нередко обращаются с заявлением о наложении судебного штрафа сразу на обоих указанных субъектов. В этом случае арбитражный суд вынужден проводить анализ соотношения их ответственности и специфики допущенного нарушения. Единство судебной практики по данному вопросу отсутствует. Судебный штраф применяется как к должностному лицу с учетом его полномочий, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых явилось причиной нарушения требований арбитражного процессуального законодательства²⁶, так и к органу власти, если нарушенная обязанность возлагалась на орган власти, а не на должностное лицо, которое не являлось субъектом спорных правоотношений²⁷,

²¹ См., например: постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2022 № 18АП-5398/22 по делу № А34-11631/2021.

²² Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2021 № 08АП-9846/21 по делу № А46-10798/2019.

²³ Вместе с тем пункт 43 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» содержит частное решение вопроса о надлежащем субъекте ответственности в виде судебного штрафа.

²⁴ См.: п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96).

²⁵ См.: постановления Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.07.2012 № Ф03-3182/12 по делу № А51-5888/2011 ; Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.04.2019 № Ф08-1439/19 по делу № А32-19269/2015 ; Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2019 № 16АП-2723/16 по делу № А15-4827/2015.

²⁶ См., например: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2017 № 17АП-17942/16 по делу № А50-11006/2015.

²⁷ См., например: определение Арбитражного суда Свердловской области от 13.12.2013 № А60-27196/2013 ; постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2013 № 07АП-8798/12 по делу № А45-20513/2012.

не доказаны виновные действия должностного лица²⁸.

Одновременное наложение судебного штрафа на организацию и ее должностное лицо за одно нарушение применяется крайне редко²⁹. Вместе с тем законность и обоснованность такого решения вызывают сомнения, которые обусловлены сложностью разграничения вины указанных лиц.

Аналогичная ситуация, но в более широком масштабе, давно существует в административном праве: возможность привлечения к административной ответственности юридического лица и его должностного лица за одно административное правонарушение предусмотрена частью 3 ст. 2.1 КоАП РФ. Данная норма всегда оценивалась неоднозначно и вызвала обоснованную критику в юридическом сообществе. По сути, речь идет о том, что за одно правонарушение может наступить двойная ответственность с точки зрения субъектов ответственности, тем самым нарушаются основополагающие принципы ответственности, не говоря уже о том, что подобное положение создает благодатную почву для коррупционных правонарушений³⁰. Включение в КоАП РФ части 3 ст. 2.1, допускающей фактически двойную ответственность за одно и то же административное правонарушение, рассматривается как иллюстрация того, что раздвоение ответственности ведет к безответственности, как прикрытие неумения установить истинного, конкретного виновника³¹.

Вместе с тем указанная проблема нашла частичное решение: законом определены случаи и обстоятельства, когда одновременное привлечение к административной ответственности

юридического лица и его должностного лица не допускается³². Подобная позиция законодателя, коренным образом изменившая существовавшее длительное время правовое регулирование административной ответственности в рассматриваемой части, дает основание полагать недопустимым одновременное наложение судебного штрафа на организацию и ее должностное лицо за одно нарушение.

Не менее важна проблема конкуренции ответственности в виде судебного штрафа за проявленное неуважение к арбитражному суду между органом власти (организацией) и его представителем. С одной стороны, действия (бездействие), составляющие содержание проявленного неуважения к суду, осуществляет непосредственно представитель (готовит и подписывает процессуальный документ, содержащий недопустимые, некорректные выражения, заявляет неоднократные отводы суду, нарушает порядок в судебном заседании, не подчиняется законным распоряжениям судьи и др.). С другой стороны, представитель, имея необходимые полномочия, все соответствующие действия (бездействие) выполняет от имени и в интересах представляемого органа власти (организации).

Подобная неоднозначность рассматриваемой ситуации приводит к разнонаправленному развитию судебной практики. Отдельные арбитражные суды, не принимая во внимание степень участия (вину) представителя в совершении действий (бездействия) в проявленном неуважении к суду, привлекают к ответственности в виде судебного штрафа орган власти (организацию)³³. Другие для определения субъекта

²⁸ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2023 № 10АП-14394/23 по делу № А41-48864/2021.

²⁹ См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2015 № 09АП-40804/15 по делу № А40-165521/2014.

³⁰ *Хмара А. М.* О некоторых проблемных вопросах современного административно-деликтного законодательства // *Административное право и процесс.* 2014. № 3. С. 81 ; см. также: *Носков Б. П.* К вопросу о классификации лиц, привлекаемых к административной ответственности // *Административное право и процесс.* 2010. № 3. С. 28.

³¹ См.: *Денисенко В. В.* Традиционные и новые очертания института административной ответственности: философско-правовое эссе // *Административное право и процесс.* 2016. № 6. С. 8.

³² См.: Федеральный закон от 26.03.2022 № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

ответственности устанавливают обстоятельства, свидетельствующие об ознакомлении, о согласовании содержания документов (правовых позиций), поведения представителя со своим доверителем. При их отсутствии судебный штраф налагают на представителя³⁴.

Как представляется, второй из указанных подходов позволяет с учетом специфики статуса представителя создать необходимые условия для реализации принципа законности и привлечения к ответственности в виде судебного штрафа виновного лица.

Таким образом, институт судебного штрафа в арбитражном процессе, представляя собой достаточно эффективную и широко применяемую

меру юридической ответственности, имеет ряд недостатков, обусловленных несовершенством правового регулирования и разнонаправленным развитием судебной практики. Кроме того, отсутствие явно выраженной позиции законодателя по отдельным вопросам регламентации института судебного штрафа создает предпосылки для различного толкования и применения АПК РФ, нарушения законодательства и процессуальных прав участников арбитражного судопроизводства. Указанная ситуация требует разрешения путем внесения необходимых изменений в процессуальный закон, а также дачи Верховным Судом РФ разъяснений об особенностях применения судебных штрафов при осуществлении правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васин В. Н., Казанцев В. И. К вопросу о правовой природе штрафа // Российский судья. — 2006. — № 1. — С. 29–34.
2. Гушин В. В. Правовая природа штрафной процессуальной ответственности // Административное право и процесс. — 2016. — № 5. — С. 63–66.
3. Денисенко В. В. Традиционные и новые очертания института административной ответственности: философско-правовое эссе // Административное право и процесс. — 2016. — № 6. — С. 4–11.
4. Носков Б. П. К вопросу о классификации лиц, привлекаемых к административной ответственности // Административное право и процесс. — 2010. — № 3. — С. 26–30.
5. Хмара А. М. О некоторых проблемных вопросах современного административно-деликтного законодательства // Административное право и процесс. — 2014. — № 3. — С. 79–81.

Материал поступил в редакцию 2 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasin V. N., Kazantsev V. I. K voprosu o pravovoy prirode shtrafa // Rossiyskiy sudya. — 2006. — № 1. — S. 29–34.
2. Gushchin V. V. Pravovaya priroda shtrafnoy protsessualnoy otvetstvennosti // Administrativnoe pravo i protsess. — 2016. — № 5. — S. 63–66.
3. Denisenko V. V. Traditsionnye i novye ochertaniya instituta administrativnoy otvetstvennosti: filosofsko-pravovoe esse // Administrativnoe pravo i protsess. — 2016. — № 6. — S. 4–11.
4. Noskov B. P. K voprosu o klassifikatsii lits, privlekaemykh k administrativnoy otvetstvennosti // Administrativnoe pravo i protsess. — 2010. — № 3. — S. 26–30.
5. Khmara A. M. O nekotorykh problemnykh voprosakh sovremennogo administrativno-deliktnogo zakonodatelstva // Administrativnoe pravo i protsess. — 2014. — № 3. — S. 79–81.

³³ См., например: постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.11.2017 № 15АП-16696/17 по делу № А32-3896/2017 ; Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.02.2021 № Ф02-111/21 по делу № А69-880/2020.

³⁴ См., например: определение Пятого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2022 по делу № А51-6456/2021.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.057-069

А. Ю. Чурилов*

Эволюция стандарта due diligence в правоотношениях морской перевозки груза — от Древнего Рима до наших дней

Аннотация. В работе рассмотрена эволюция стандарта due diligence, или должной осмотрительности, которую обязан проявлять перевозчик при подготовке судна к осуществлению морской перевозки. Подчеркивается, что термин due diligence можно обнаружить еще со времен Рима: он восходит к латинскому слову diligentia, которое означало «осмотрительность, забота». В сфере морской перевозки due diligence следует рассматривать как элемент надлежащего исполнения обязательства по перевозке груза морским транспортом и как основание для освобождения перевозчика от ответственности. Мореходность судна определяется по трем основным параметрам: состояние судна и его оборудования; состояние экипажа судна и пригодность судна к перевозке конкретного груза. Автор демонстрирует, как развитие технологий влияет на требования к мореходности судна. В результате исследования выявлены три пути включения технологий в стандарт мореходности: закрепление в нормах позитивного права; широкое применение перевозчиками и подтверждение судами общепризнанности такой практики; закрепление в договоре между сторонами.

Ключевые слова: договор перевозки груза; морское право; due diligence; должная осмотрительность; мореходность; международное право; нарратив; эволюция; технологии; римское право; источник права; судебная практика.

Для цитирования: Чурилов А. Ю. Эволюция стандарта due diligence в правоотношениях морской перевозки груза — от Древнего Рима до наших дней // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 57–69. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.057-069.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

© Чурилов А. Ю., 2025

* Чурилов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, аналитик Научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Юридического института НИ ТГУ
Ленина пр., д. 36, г. Томск, Российская Федерация, 634050
Lefikantor@yandex.ru

The Evolution of the Due Diligence Standard in Maritime Cargo Transportation Legal Relations: From Ancient Rome to the Present Day

Aleksey Yu. Churilov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute, National Research Tomsk State University; Analyst, «Intellectual Property and Intellectual Rights» Science and Education Center, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Lefikantor@yandex.ru

Abstract. The paper examines the evolution of the due diligence standard that a carrier must exercise when preparing a vessel for maritime transportation. It is emphasized that the term *due diligence* can be traced back to Roman times, originating from the Latin word *diligentia* that meant «care» or «prudence». In maritime transportation, due diligence should be considered both as an element of the proper fulfillment of the obligation to transport cargo by sea and as a basis for the carrier's exemption from liability. Seaworthiness of a vessel is determined by three main parameters: the condition of the vessel and its equipment; the condition of the vessel's crew; and the suitability of the vessel for transporting specific cargo. The author demonstrates how technological advancements affect the requirements for a vessel's seaworthiness. The study identifies three ways in which technology can be integrated into the seaworthiness standard: codification in positive law; widespread adoption by carriers and recognition by courts as customary practice; and incorporation into contractual agreements between the parties.

Keywords: contract of carriage of goods; maritime law; due diligence; seaworthiness; international law; narrative; evolution; technology; roman law; source of law; judicial practice.

Cite as: Churilov AYu. The Evolution of the Due Diligence Standard in Maritime Cargo Transportation Legal Relations: From Ancient Rome to the Present Day. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):57-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.057-069.

Acknowledgements. The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

В последнее время всё чаще в разноотраслевой литературе используется термин *due diligence* («должная осмотрительность»)¹. Вместе с тем единого определения *due diligence* нет ни в законодательстве, ни в литературе, что представляется разумным с учетом того, что это явление крайне разноплановое, а его правовая природа остается, как правило, за рамками юридических исследований. В данной работе будет рассмотрен лишь один из первоначальных подходов к *due diligence* — как к элементу надлежа-

щего исполнения обязательства по перевозке груза морским транспортом и как основание для освобождения перевозчика от ответственности за утрату или повреждение груза.

В отечественной литературе делается предположение, что понятие *due diligence*, а также одноименное наименование соответствующей процедуры первоначально входят в деловой оборот в результате издания в США закона, регулирующего приобретение и продажу ценных бумаг, в 1933 г.² В действительности термин

¹ См.: Шестакова Е. Модное слово или эффективная проверка. *Due diligence* производственного предприятия // Финансовая газета. 2018. № 4. С. 5–8; Кувалдина Т. Б. Принцип должной осмотрительности // Бухгалтерский учет. 2023. № 1. С. 98–104; Мамагеев В. З. К проблеме обеспечения знаний участников оборота об ограничениях полномочий директоров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 66–86.

² Таут С. В., Бурский И. Г. Правовые и методические проблемы стандартизации комплексной юридической проверки (дью-дилидженс) // Международное публичное и частное право. 2023. № 2. С. 41–46.

due diligence можно обнаружить еще со времен Рима: он восходит к латинскому слову *diligentia*, которое означало «осмотрительность, забота»³ и, по замечанию исследователей, было «существенно богаче по содержанию, чем добросовестность»⁴. Непроявление *diligentia* обязанным лицом считалось основанием для привлечения к ответственности.

Римскими юристами выделялись три вида *diligentia*:

а) *diligentia bonus paterfamilias*, или *exacta diligentia*, представлявшая собой наиболее высокий стандарт осмотрительности. При необходимости проявления такой *diligentia* ответственность возлагалась независимо от вины или обстоятельств непреодолимой силы⁵. Этот вид *diligentia* можно встретить в договорном праве Рима. Так, тот, кто принял заем, если в каком бы то ни было случае утратил то, что получил, тем не менее остается обязанным, т.е. даже если в силу случайной причины заемщик не имел возможности воспользоваться переданными ему вещами, он не освобождается от обязанности (*nihilominus obligatus permanet*)⁶;

б) *diligentia quam suis rebus* — категория менее строгая, т.к. должник, допустивший простую неосторожность, не подлежит ответственности, если докажет, что он приложил к исполнению своего обязательства столько же внимательности (осмотрительности), сколько он употребляет обыкновенно в собственных делах⁷. Примером такой *diligentia* являлась ответственность в римских товариществах. Как указывает Гай во вто-

рой книге «Повседневных дел», участник товарищества отвечает перед другим участником и за вину, т.е. за бездействие и небрежность. Вина же определяется не в соответствии с требованиями точнейшей заботливости (*exacta diligentia*), поскольку достаточно к общим делам прилагать такую же заботливость, какую следует применять к своим делам⁸;

в) *custodia*, относившаяся только к договорам, касающимся хранения вещей. Есть основание считать, что *custodia* возлагала ответственность на должника за кражу доверенных ему вещей, совершенную третьим лицом, независимо от вины должника, а также за вред, причиненный вещам третьими лицами. Как отмечается в литературе, понятие *custodia* ставит вопрос о возможности ответственности должника, независимо от его вины, т.е. об ответственности за *casus* (случай)⁹. В этом *custodia* очень сходна с *exacta diligentia* и потенциально может быть отнесена к ее разновидности.

В морской перевозке грузов до появления концепции *due diligence* обязанность перевозчика (особенно в странах общего права) была абсолютной, т.е. — в терминологии современного отечественного законодательства — ответственность за ее неисполнение была безвиновной¹⁰. При этом нормы об ответственности перевозчика без вины можно обнаружить уже в древнейших источниках права. В частности, согласно Законам Хаммурапи, если человек наймет корабельщика и судно, нагрузит его хлебом, шерстью, маслом, финиками или другим гру-

³ Дождев Д. В. Римское частное право / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. 3-е изд. М. : Норма; Инфра-М, 2016. С. 508–509.

⁴ См. более подробно: Дождев Д. В. Умысел (*dolus*) и «природа человека» в системе критериев договорной ответственности // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 9–54.

⁵ Сударев Г. А. Теоретические модели вины потерпевшего в трудах пандектистов // Вестник гражданского права. 2022. № 5. С. 192–235.

⁶ Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юрист, 2004. С. 410.

⁷ Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5. С. 171–215.

⁸ Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2008. Т. 3. С. 553.

⁹ Римское частное право : учебник. С. 368.

¹⁰ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019.

зом, а этот корабельщик будет небрежен и потопит судно или погубит находящееся в нем, то корабельщик должен возместить потопленное им судно и все погибшее¹¹. Несмотря на то что в Законах используется термин «небрежность», исследователи права того периода утверждают, что корабельщик в любом случае был обязан возместить причиненный ущерб, независимо от его вины, добросовестности и т.д.¹²

В соответствии с Родосским морским законом, самым прогрессивным в то время в сфере морских перевозок, если корабль и груз погибнут вследствие небрежности купца или навклира¹³, то собственники груза, который находился в трюме, не должны пострадать. Однако если груз погиб в результате бури, то все спасенное должно пойти в раскладку ущерба¹⁴. Основанием освобождения от ответственности и в более поздние времена являлись только обстоятельства непреодолимой силы (Act of God), а в Англии — также военные действия (Act of the King/Queen's Enemies)¹⁵.

В Олеронских свитках, источнике, который считается родоначальником морского права Европы и Англии, также содержались нормы об ответственности перевозчика¹⁶. Так, капитан корабля, предоставляя его для перевозки купцам, должен показать им снасти, веревки и стропы, с помощью которых груз должен быть поднят на борт или на берег, и, когда судно прибывает благополучно к месту разгрузки, снасти, которыми все было скреплено. Если груз уменьшился по причине плохих креплений либо снастей, капитан и матросы должны заплатить

купцам, и капитан должен потом заплатить, т.к. он берет разгрузку на себя. Олеронские свитки предполагали возможность освобождения от ответственности перевозчика в случае воздействия непреодолимой силы (Ill weather — плохой погоды, которая во многих правовых порядках рассматривалась и рассматривается как Act of God). В частности, в ст. XI Олеронских свитков можно увидеть следующую ситуацию: если судно, груженное винами или другими подобными товарами в Бордо или каком-нибудь другом порту, выйдет в море в непогоду с не приведенными в порядок (не убранными) парусами и обломившийся из-за этого грот-рей при падении на палубу повредит или снесет в море стоящие на ней таны или хогсхеды с вином, то по его прибытии в порт разгрузки купцы-грузополучатели вправе потребовать с капитана возмещения стоимости вина. Если капитан возразит, что все было не так, то и он сам, и члены его команды должны поклясться, что вино было уничтожено не ими и не из-за их упущения. И тогда капитан и его команда должны быть оправданы. Но если они откажутся поклясться, то должны будут удовлетворить предъявленные к ним требования, поскольку не привели паруса в порядок, несмотря на плохую погоду, прежде выхода из порта, где они взяли палубный груз¹⁷. Таким образом, уже в это время ответственность за предоставление немореходного судна поставлена в зависимость от факта причинения ущерба, независимо от вины капитана.

Не следует забывать и о влиянии римского права, а также Олеронских свитков на развитие

¹¹ Кодекс законов Царя Хаммурапи / пер. и комм. И. М. Волкова в перераб. И. М. Дьяконова // Хрестоматия по истории Древнего мира / под ред. акад. В. В. Струве. М. : Учпедгиз, 1950. Т. 1 : Древний Восток. С. 149–176.

¹² Driver G. R., Miles J. C. The Babylonian Laws. Wipf & Stock Publishers, 2007. P. 465.

¹³ Собственник или капитан корабля.

¹⁴ Сюсюмов М. Я. Морской закон // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1969. Вып. 6. С. 3–54.

¹⁵ Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 78–93.

¹⁶ Скаридов А. С. Адмиралтейское и морское право зарубежных стран : учеб. пособие / Институт по изучению проблем морского права. СПб. : Academus, 2018.

¹⁷ Договоры коммерческого права. Акты частнопредправовой унификации в системе источников договорного торгового права : учеб. пособие для вузов / В. А. Белов [и др.] ; отв. ред. В. А. Белов. М. : Юрайт, 2024. С. 226.

английского права¹⁸, которое является прообразом современного морского права в целом. Воздействие римского права на правовую систему Англии, особенно в XII и XIII вв., оценивают как «римскую эпоху английской юридической истории»¹⁹ не в последнюю очередь потому, что основная часть морского законодательства Англии была представлена «Черной адмиралтейской книгой» и состояла из компиляции памятников римского права, а также Олеронских свитков и Родосского морского закона²⁰. Такого же мнения придерживались и судьи Англии в середине XIX в., объясняя влиянием римского права строгую ответственность перевозчика²¹. Как отмечается в таких делах, перевозчик (*common carrier*) не несет ответственности за любое происшествие, в отношении которого он сможет доказать, что оно произошло по естественным причинам, непосредственно и исключительно без вмешательства человека и что его нельзя было предотвратить с помощью какой-либо разумной предусмотрительности, усилий и заботы, требовавшейся от него в силу обязательства и обычаев.

Из вышеприведенных источников видно, что до появления первых международных конвенций обязанность предоставить судно в мореходном состоянии также была абсолютной, поскольку сохранность груза и своевременность его доставки напрямую зависят от состояния судна, и при рассмотрении споров о компенсации за поврежденный или утраченный груз не имело значения, проявлял ли заботливость

или осмотрительность перевозчик: за редким исключением ответственность всегда возлагалась на него. Такая ответственность, возлагавшаяся независимо от действий перевозчика, была существенным бременем для них, и поэтому перевозчики с конца XIX в. начали включать в договоры условия, освобождавшие их от ответственности (иногда — от любой), что в итоге приводило к ущемлению прав уже отправителей грузов²².

Такое положение дел потребовало вмешательства со стороны международного сообщества, итогом которого стало принятие в 1924 г. Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте, впервые на международном уровне закрепившей общий стандарт *due diligence*²³. Несмотря на отсутствие определения, в Конвенции содержатся три основных элемента должной осмотрительности²⁴. В соответствии со ст. 3 Конвенции перевозчик обязан перед рейсом и в начале его проявить должную осмотрительность:

- а) привести судно в мореходное состояние;
- б) надлежащим образом укомплектовать людьми, снарядить и снабдить судно;
- в) приспособить и привести в состояние, пригодное для приема, перевозки и сохранения грузов, трюмы, рефрижераторные и холодильные помещения и все другие части судна, в которых перевозятся грузы.

Конвенция устанавливает период, когда вышеупомянутая обязанность должна быть исполнена — «перед рейсом и в начале его».

¹⁸ Правовое регулирование США отдельно в рамках работы рассматриваться не будет, поскольку оно практически идентично праву Англии того периода.

¹⁹ *Sherman Ch. P. The Romanization of English Law // The Yale Law Journal. 1914. Vol. 23. No. 4. P. 318–329.*

²⁰ *Gold E. Maritime transport: The evolution of international marine policy and shipping law. Lexington : LexingtonBooks, 1981. P. 39.*

²¹ *Nugent v. Smith (1876) 1 CPD 423.*

Это дело цитировалось и в других решениях судов, например, см.: *Mustard v. Paterson [1922] ScotLR 114.*

²² *Limitation of the Liability of Shipowners // Columbia Law Review. 1935. Vol. 35. No. 2. P. 246–264 ; Poor W. A Shipowner's Right to Limit Liability in Cases of Personal Contracts // The Yale Law Journal. 1922. Vol. 31. No. 5. P. 505–513.*

²³ Гаагские или — после внесения изменений — Гааго-Висбийские правила.

²⁴ Перевозчики Конвенции использовали термин «разумная заботливость». Однако, поскольку в оригинальном тексте употребляется *due diligence*, а также для унификации в работе будет применяться термин «должная осмотрительность».

Логично предположить, что если проблемы с судном возникли до начала рейса и не могли быть обнаружены путем проявлений должной осмотрительности, а также если они появились после начала рейса, то перевозчик освобождается от ответственности за утрату или повреждение груза.

Применительно к понятию «мореходность» в науке обычно выделяют следующие группы факторов: конструктивные (конструкция корпуса, главного двигателя, других механизмов, оборудования и т.д.); эксплуатационные (годность грузовых помещений, загрузка, балластировка, снабжение, снаряжение и т.д.); человеческие (укомплектованность экипажа, его квалификация, состояние здоровья членов экипажа, натренированность и т.д.)²⁵. Исходя из Конвенции, перевозчик обязан проявить должную осмотрительность в достаточной мере для того, чтобы судно могло исполнить обязательство по перевозке. Эту обязанность можно разделить на три основные сферы:

а) состояние самого суда — речь идет о физическом состоянии корпуса судна и его основных механизмов и оборудования (двигателя, снастей и т.д.);

б) состояние экипажа (количество, квалификация);

в) состояние, касающееся пригодности судна для перевозки конкретных грузов.

Соблюдение в совокупности этих трех элементов должной осмотрительности является основанием для освобождения от ответственности перевозчика, при этом бремя доказывания проявления разумной заботливости возлагается на перевозчика или на других лиц, требующих освобождения от ответственности. Так, в одном из отечественных дел суд указал, что поскольку перед выходом в рейс судно изначально находилось в немореходном состоянии и перевозчик не представил доказательств того,

что немореходное состояние судна было вызвано скрытыми недостатками, которые не могли быть обнаружены при проявлении им должной заботливости, оснований для освобождения перевозчика от ответственности за утрату груза на основании п. 2 ст. 124 КТМ РФ не имеется²⁶.

Наиболее лаконично по смыслу Конвенции можно определить *due diligence* как такие действия перевозчика, совершаемые перед рейсом и в его начале, направленные на подготовку судна к плаванию и приведению его в мореходное состояние, которые обычно ожидаются от разумного профессионального участника оборота при сходных обстоятельствах и оцениваются не по абстрактным стандартам, но в зависимости от обстоятельств каждого конкретного дела (по аналогии с *diligentia quam suis rebus*, существовавшей еще в Древнем Риме). Похожие определения встречаются и в зарубежной судебной практике²⁷. Следовательно, для перевозчика быть осмотрительным означает принять все разумные меры для того, чтобы судно было в надлежащем мореходном состоянии с точки зрения как самого судна, так и экипажа, а также было пригодным для перевозки конкретного груза.

Применительно к оценке мореходного состояния судна в настоящее время сложилось два стандарта: абсолютный и относительный. Абсолютный стандарт мореходного состояния судна заключается в оценке пригодности судна в принципе безопасно совершать морское предприятие как с точки зрения его способности выдержать путь, так и с точки зрения безопасности навигации. Стандарты объективной мореходности устанавливаются международными конвенциями, такими как Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС), Резолюция № А.741(18) Международной морской организации «Международный кодекс по управлению безопасной эксплуатацией

²⁵ Дмитриев М. С. Немореходность судна // Юридическая и правовая работа в страховании. 2007. № 4. С. 66–71.

²⁶ Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.05.2008 № Ф03-А51/07-1/3726 по делу № А51-4706/02-11-101 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Более подробно см.: Чурилов А. Ю. Due diligence в сфере морской перевозки грузов // Актуальные проблемы права. 2022. № 9. С. 101–105.

судов и предотвращением загрязнения (Международный кодекс по управлению безопасностью (МКУБ))», Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 г. (ПДНВ) и т.д. Например, в отечественной практике суды приходили к выводу о немореходном состоянии судна на основе акта Ространснадзора, которым было установлено, что судовладелец в нарушение п. «а» правила 11 гл. I Конвенции СОЛАС не поддерживал судно и его оборудование в состоянии, отвечающем правилам, для обеспечения того, чтобы судно во всех отношениях оставалось годным для выхода в море без опасности для судна и людей на борту²⁸. В зарубежной практике суды придерживаются аналогичного подхода: отклонение от установленных международными актами стандартов является основанием для признания судна немореходным²⁹.

Относительный стандарт оценки мореходного состояния судна зародился в середине XIX в. в Англии. В деле *Steel & Craig v. The State Line Steam-ship Co.* 1877 г.³⁰ суд отметил, что оценка мореходного состояния судна должна учитывать все обстоятельства дела: особенности груза, время года, местоположение и состояние портов отбытия и прибытия. Относительный стандарт, таким образом, хотя и представляется более справедливым, гораздо сложнее в доказывании, нежели абсолютный.

Положения Конвенции нашли отражение в национальном законодательстве всех стран-участниц: Англии (*The Carriage of Goods by Sea Act* 1924 г., а затем 1971 г.), США (*The Carriage of Goods by Sea Act* 1936 г., также известный как *Harter Act*), Германии (*Германское торговое уложение (Handelsgesetzbuch)*), России (КТМ РФ) и др. Рассмотрим, что значит проявлять долж-

ную осмотрительность в соответствии с правилами Конвенции и как требования к ней менялись с развитием технологий.

Мореходное состояние судна, его основных механизмов и оборудования. Вопросы мореходного состояния судна рассматривались судами уже с начала XIX в. Так, в деле *E. J. DuPont de Nemours & Co. v. Vance* 1856 г. Верховный суд США указал: «Чтобы быть мореходным, корпус судна должен быть настолько плотным, стойким и прочным, чтобы выдерживать обычное воздействие моря во время плавания без повреждения или потери груза»³¹. С развитием технологий это требование расширилось и начало включать не только пригодность корпуса судна, но и установку соответствующего оборудования (см., например, ст. 203 КТМ РФ) и подготовку экипажа для обеспечения правильной и безопасной навигации судна (см., например, дело *The Southwark*³² 1903 г. в США). Действительно, еще в 1827 г. в деле *Tidmarsh v. Washington Fire & Marine Ins. Co.*³³ суд отметил, что стандарты мореходности судна меняются с развитием технологии и то оборудование, которое сейчас представляется необходимым, ранее не встречалось ни на одном корабле. В соответствии с позицией суда в данном деле для признания судна мореходным необходимо наличие запасных парусов, хотя ранее такого требования не существовало. А в деле *The Southwark* суд указал, что развитие навигационных технологий требует применения оборудования, которое ранее не считалось необходимым, но по прошествии времени стало обязательным условием для признания судна мореходным. Примеры требований к судну и механизмам на практике следующие: двигатели должны быть в «хорошем состоянии»³⁴ и надлежащей мощности³⁵;

²⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.05.2020 № Ф05-6929/2020 по делу № А40-101639/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ *The S. S. Black Gull v. American Diamond Lines.* 90 F.2d 619 (2d Cir. 1937) ; *The Kapitan Sakharov* [2000] 2 Lloyd's Rep. 255.

³⁰ *Steel & Craig v. The State Line Steam-ship Co.* [1877] ScotLR 14_432 (31 March 1877).

³¹ *E. J. DuPont de Nemours & Co. v. Vance*, 60 U.S. 162 (1856).

³² *Martin v. Southwark*, 191 U.S. 1, 9 (1903).

³³ *Tidmarsh v. Washington Fire & Marine Ins. Co.*, 4 Mason 439.

³⁴ *Hong Kong Fir Shipping Co. Ltd. v. Kawasaki Kisen Kaisha Ltd.* [1961] EWCA Civ 7.

корпус должен быть без трещин³⁶; на судне должно быть всё необходимое для погрузки и разгрузки оборудование³⁷. В целом оценка мореходного состояния самого судна зачастую сводится к оценке соответствия абсолютным стандартам, установленным международными конвенциями или национальными актами.

Оборудование, в свою очередь, нужно для того, чтобы находящееся в надлежащем техническом состоянии судно могло безопасно путешествовать по морю. К оборудованию, отсутствие которого приводит к немореходности судна, суды относят компас, секстант³⁸, путеводные карты, радиокоды³⁹ и действующие редакции нормативных актов и иных необходимых документов⁴⁰. При этом, как отмечают суды США, «никогда нельзя установить с помощью норм позитивного права, насколько далеко распространяется обязательство по обеспечению мореходности судна в конкретном случае, поскольку улучшения и изменения в средствах и способах навигации часто требуют новых улучшений или новых форм старых средств; и эти усовершенствования, хотя и не являлись необходимыми изначально, становятся таковыми, когда существует устоявшаяся практика, что все

суда определенного качества или те, которые отправляются в определенные рейсы или используются для определенных целей, должны их иметь»⁴¹. Им вторят английские суды, которые исходят из того, что мореходность должна оцениваться по стандартам и практике отрасли, действовавшим в соответствующий момент, по крайней мере до тех пор, пока эти стандарты и практика являются разумными⁴². Именно в этой сфере наиболее очевидно воздействие технологий на формирование стандарта должной осмотрительности. Так, если еще в 1962 г. радары не рассматривались судами как общепринятое и необходимое оборудование, которое должно быть установлено на корабле⁴³, то для судов, построенных после 1 июля 2002 г., это требование стало обязательным в силу правила 19 гл. 5 Конвенции СОЛАС.

Вместе с тем далеко не любое оборудование, устанавливаемое на судно, является общепринятым. В деле *Anglo-Saxon Petroleum Co. v. United States*⁴⁴ суд указал: чтобы придать какому-либо обычаю силу закона, должны быть доказательства того, что это определенная, единообразная и известная практика. Кроме того, он отметил, что даже если это общепри-

³⁵ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30.01.2013 по делу № А40-69337/12-50-723 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ *Carisbrooke Shipping CV5 v. Bird Port Ltd.* [2005] EWHC 1974.

³⁷ *Hang Fung Shipping & Trading Company, Ltd. v. Mullion & Co., Ltd.* [1966] 1 Lloyd's Rep. 511.

³⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.07.2019 № Ф08-3463/2019 по делу № А32-3639/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Одно из первых дел, в котором мореходность судна была поставлена в зависимость от наличия компаса на борту, — *Richelieu & Ontario Nav. Co. v. Boston Marine Ins. Co.* (136 U.S. 408 (1890)).

³⁹ *Trinidad Shipping & Trading Co. v. Frame, Alston & Co.*, 88 F. 528 (S.D.N.Y. 1898); *The American Smelting v. Irish Spruce*, 548 F.2d 56 (2d Cir. 1977).

⁴⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.07.2019 № Ф08-3463/2019 по делу № А32-3639/2018.

⁴¹ *Martin v. Southwark*, 191 U.S. 1, 9 (1903).

Более подробно см.: *Girvin S. D. The Carriers' Fundamental Duties to Cargo under the Hague and Hague-Visby Rules* // *Journal of International Maritime Law*. 2020. No. 6. P. 443–462.

⁴² *Demand Shipping Co. Ltd. v. Ministry of Food, Government of the People's Republic of Bangladesh & Another* [2001] EWHC 524.

⁴³ *President of India v. West Coast Steamship Company*, 213 F. Supp. 352 (D. Or. 1962).

Примечательно, что уже в середине 1940-х гг. отсутствие радара (или его нерабочее состояние) суды признавали основной причиной столкновений судов (см.: *The Medford*, 65 F. Supp. 622 (E.D.N.Y. 1946)).

⁴⁴ *Anglo-Saxon Petroleum Co. v. United States*, 78 F. Supp. 62 (D. Mass. 1948).

нятая практика, необходимо также учитывать, насколько она удобна или насколько она будет иметь «большую ценность» по сравнению со сложившимися ранее стандартами поведения. Примечательно, что суды, например, США признавали необходимой для признания судна мореходным установку радио даже до введения в действие соответствующих норм закона, поскольку в суде было установлено, что если бы буксиры были оборудованы соответствующими и исправными средствами радиосвязи на борту, очевидно, они пошли бы к волнорезу так же, как это сделали остальные четыре буксира, и потери груза можно было бы избежать⁴⁵.

Мореходное состояние экипажа. Наличие подготовленного и профессионального экипажа, очевидно, также является фундаментальной частью мореходности судна. Надлежащее состояние экипажа имеет особое значение, в связи с чем даже международные конвенции требуют, чтобы все суда имели на борту достаточное количество моряков для обеспечения их безопасной и эффективной эксплуатации, с должным учетом вопросов охраны при любых условиях и принимая во внимание проблемы, связанные с усталостью моряков, а также особый характер и условия рейса⁴⁶. В отечественной судебной практике укомплектованным считается экипаж, члены которого имеют надлежащую квалификацию и состав которого достаточен по численности для обеспечения безопасности плавания судна, защиты морской среды, выполнения требований к соблюдению рабочего времени на борту, недопущения перегрузки членов экипажа судна работой⁴⁷. Нарушение таких абсолютных стандартов является основанием для признания судна находящимся в немореходном состоя-

нии. На практике перевозчик признается ответственным, если убытки были вызваны в связи с недостаточной квалификацией экипажа судна⁴⁸. В одном из современных дел⁴⁹ английский суд разработал два критерия оценки проявления перевозчиком должной осмотрительности при подборе экипажа:

1) назначение в целом компетентного капитана и подбор компетентного экипажа. Компетентность оценивается путем запроса соответствующих документов об образовании и квалификации, проведения собеседования и запросов предыдущим работодателям. Например, основанием для признания судна не соответствующим требованиям безопасности является «несоответствие свидетельства ГМССБ капитана и квалификационных свидетельств некоторых лиц рядового состава Манильским поправкам»⁵⁰. При этом в судебной практике сложилось мнение, что проверки документов недостаточно для подтверждения компетентности. Так, в одном из дел суд указал, что пятиминутного интервью мало для оценки компетентности капитана и экипажа⁵¹;

2) наличие специальных компетенций у капитана применительно к конкретному судну или маршруту. Например, в деле *Hong Kong Fir Shipping* суд указал, что, поскольку двигатели судна были довольно старыми, экипаж должен был обладать соответствующей квалификацией, чтобы поддерживать их в надлежащем и работоспособном состоянии. В другом деле, демонстрирующем, как развитие технологий влияет на требования к компетентности экипажа, суд констатировал, что новая или нестандартная конструкция судна требует особых знаний этого судна от экипажа⁵². Судовладелец должен про-

⁴⁵ The T. J. Hopper 53 F.2d 107 (S.D.N.Y. 1931).

⁴⁶ Конвенция 2006 г. о труде в морском судоходстве с поправками (Maritime Labour Convention).

⁴⁷ Определение ВАС РФ от 27.09.2012 № ВАС-11949/12 по делу № А58-4922/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸ *Hong Kong Fir Shipping Co. Ltd. v. Kawasaki Kisen Kaisha Ltd.* [1961] EWCA Civ 7.

⁴⁹ *Papera Traders Co. Ltd. & Others v. Hyundai Merchant Marine Co. Ltd. & Another* [2002] EWHC 118.

⁵⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.07.2019 № Ф08-3463/2019 по делу № А32-3639/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹ *Hague/Hague-Visby Rules and Common Law Doctrine of Stages. A revisit to The Makedonia* [1962] 1 Lloyd's Rep 316 // *Lloyd's Shipping & Trade Law*. Vol. 22. No. 6. P. 5–13.

⁵² *Standard Oil Company of New York v. Clan Line Steamers, Ltd.* [1924] A.C. 100.

информировать капитана и команду обо всех технологиях, которые применяются на судне, чтобы персонал, который он нанимает, гарантированно обладал техническими знаниями для управления таким оборудованием. В одном из дел судно, должным образом оснащенное радаром, потерпело крушение, поскольку его капитан не имел опыта работы с ним и не получил инструкций по его использованию⁵³. Суд отметил, что главной заботой судовладельцев является безопасность жизни на море. В связи с этим в обязательство по обеспечению мореходных качеств судна входит укомплектование судна квалифицированным экипажем. Для этого требовалось присутствие капитана и экипажа, должным образом проинструктированных о том, как обращаться с соответствующей техникой.

Пригодность для перевозки груза также можно разделить на два основных аспекта:

1) пригодность для перевозки конкретного груза, которая подразумевает как наличие определенного оборудования, например помп для откачивания воды⁵⁴, так и пригодность самих трюмов, как минимум их чистоту⁵⁵. При этом развитие технологии постепенно увеличивает количество оборудования, необходимого на борту корабля, применительно к отдельным видам груза. В начале XX в. появились дела, в которых признавалось непригодным для перевозки груза судно без холодильных установок⁵⁶, а уже в 1997 г. в деле *Associated Metals & Minerals Corp. v. M/V Arktis Sky*⁵⁷ суд признал перевоз-

чика ответственным, поскольку отсутствие на борту приборов для измерения температуры и влажности свидетельствовало о немореходном состоянии судна для предусмотренного договором перевозки груза. Пригодность для перевозки груза во многом определяется условиями договора между перевозчиком и грузоотправителем, и очевидно, что судно должно быть в состоянии выполнить перевозку груза надлежащим образом в соответствии с условиями договора;

2) корректную погрузку груза на судно, которая включает в себя как правильное расположение груза в трюмах, так и его корректные объем и вес. Немореходным считается судно, на которое погрузили груза больше, чем позволяют требования безопасности, и оно перестало быть стабильным⁵⁸. Немореходным с точки зрения погрузки груза также признавали судно в случае неплотного закрытия перегородок, вследствие чего намок груз пшеницы⁵⁹.

С развитием технологий перевозки груза и ростом популярности контейнерных перевозок актуальным можно назвать такое направление пригодности для перевозки груза, как **контейнеропригодность**. С начала 1970-х гг. суды в США начали признавать контейнеры частью судна⁶⁰ и оценивать их пригодность для перевозки грузов как элемент мореходности судна⁶¹. Следовательно, непригодные или некорректно расставленные контейнеры, снижающие стабильность судна, являются основанием для признания судна немореходным. Так, в одном из

⁵³ *Arthur Guinness, Son & Company (Dublin) Ltd. v. The Freshfield (Owners)*, [1965] EWCA.

⁵⁴ *Stanton v. Richardson* (1874) 9 CP 390.

⁵⁵ *Compania De Naviera Nedelka S. A. v. Tradax International S. A. (The «Tres Flores»)* [1972] 2 Lloyd's Rep 384.

⁵⁶ *The Southwark*, 191 U.S. 1 (1903).

⁵⁷ *Associated Metals & Minerals Corp. v. M/V Arktis Sky* 978 F.2d 47 (2 Cir. 1992).

⁵⁸ *The Friso* [1980] 1 Lloyd's Rep 469 ; *Alize 1954 & Another v. Allianz Elementar Versicherungs AG & Others* [2021] UKSC 51.

⁵⁹ *Steel v. State Line Steamship Co.* (1877) 3 App Cas 72.

⁶⁰ Представляется, что даже если не признавать контейнеры частью судна, они всё равно являются элементом мореходности судна как оборудование. Справедливости ради следует отметить, что по смыслу Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте перевозчик обязан привести в мореходное состояние «все другие части судна, в которых перевозятся грузы», к которым, разумеется, относятся и контейнеры.

⁶¹ *Leather's Best Inc. v. SS Mormaclynx*, 313 F. Supp. 1373 (E.D.N.Y. 1970).

отечественных дел перевозчик был привлечен к ответственности за повреждение судна, поскольку оно произошло в том числе в результате нарушения технологии крепежа контейнеров в трюме, сверхнормативных нагрузок, образовавшихся в результате значительной качки⁶².

Можно выделить три основных пути приобретения технологиями статуса обязательных к использованию для того, чтобы судно соответствовало требованиям мореходности: закрепление в нормах позитивного права — как в международных конвенциях, так и в национальном законодательстве; широкое применение перевозчиками в собственной практике и, как следствие, подтверждение судами общепризнанности такой практики; закрепление в договоре между сторонами, особенно когда речь идет о перевозке конкретных видов грузов. При отношении технологии к необходимой для признания судна мореходным ответственность может быть возложена на перевозчика в трех случаях: а) если она не используется на судне; б) если она установлена на судне, но неисправна, и в) если технология установлена на судне, но у капитана или экипажа не хватает необходимых

знаний для правильного использования этого оборудования.

Таким образом, с развитием технологий, применяемых в морских перевозках, стандарты *due diligence* также эволюционировали. Вместе с тем если современные международные абсолютные стандарты, установленные международными актами, такими как конвенции СОЛАС и ПДНВ, закрепляют конкретные критерии мореходного состояния судна, то суды, адаптируясь к новым технологическим условиям и утверждая относительные стандарты мореходности, руководствуются не только нормами международного и национального законодательства, но и сложившейся практикой использования новых технологий перевозчиками. Эволюция стандарта должной осмотрительности отражает стремление государств к достижению баланса интересов перевозчиков и отправителей грузов, а также к повышению безопасности морских перевозок в целом. Тем не менее постоянное развитие технологий и нормативных требований усложняет судебное применение стандарта *due diligence*, требуя от судов адаптивности и тщательного анализа каждой конкретной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 3. — 2-е изд., испр. — М. : Статут, 2008. — 780 с.
2. Дмитриев М. С. Немореходность судна // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2007. — № 4. — С. 66–71.
3. Договоры коммерческого права. Акты частноправовой унификации в системе источников договорного торгового права : учеб. пособие для вузов / В. А. Белов [и др.] ; отв. ред. В. А. Белов. — М. : Юрайт, 2024. — 336 с.
4. Дождев Д. В. Римское частное право / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. — 3-е изд. — М. : Норма, Инфра-М, 2016. — 784 с.
5. Дождев Д. В. Умысел (*dolus*) и «природа человека» в системе критериев договорной ответственности // Вестник гражданского права. — 2023. — № 5. — С. 9–54.

Примечательно, что впоследствии контейнеры некоторыми судами рассматривались как оборудование судна (см.: *Houlden Co., Ltd. v. S. S. Red Jacket*, 1977 A.M.C. 1382), однако затем практика вернулась в прежнее русло (в деле *Northeast Marine Terminal Co., Inc. v. Caputo* (432 U.S. 249) Верховный суд США и вовсе провел аналогию между трюмом судна и контейнером). См. также: *Eastman Kodak Company v. S.S. Sealand Voyager, Her Engines, Boilers, Sea-land Services, Inc*, 958 F.2d 362 (3d Cir. 1992).

⁶² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.03.2017 № Ф03-349/2017 по делу № А51-7158/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кодекс законов Царя Хаммурапи / пер. и комм. И. М. Волкова в перераб. И. М. Дьяконова // Хрестоматия по истории Древнего мира / под ред. акад. В. В. Струве. — Т. 1 : Древний Восток. — М. : Учпедгиз, 1950. — 358 с.
7. Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему // Журнал российского права. — 2008. — № 3. — С. 78–93.
8. Кувалдина Т. Б. Принцип должной осмотрительности // Бухгалтерский учет. — 2023. — № 1. — С. 98–104.
9. Мамагшишвили В. З. К проблеме обеспечения знаний участников оборота об ограничениях полномочий директоров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 7. — С. 66–86.
10. Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. — 2010. — № 5. — С. 171–215.
11. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин. — М. : Юстицинформ, 2019. — 664 с.
12. Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — М. : Юрист, 2004. — 544 с.
13. Скаримов А. С. Адмиралтейское и морское право зарубежных стран : учеб. пособие / Институт по изучению проблем морского права. — СПб. : Academus, 2018. — 173 с.
14. Сударев Г. А. Теоретические модели вины потерпевшего в трудах пандектистов // Вестник гражданского права. — 2022. — № 5. — С. 192–235.
15. Сюсюмов М. Я. Морской закон // Античная древность и Средние века. — Вып. 6. — Свердловск, 1969. — С. 3–54.
16. Таут С. В., Бурский И. Г. Правовые и методические проблемы стандартизации комплексной юридической проверки (дью-дилидженс) // Международное публичное и частное право. — 2023. — № 2. — С. 41–46.
17. Чурилов А. Ю. Due diligence в сфере морской перевозки грузов // Актуальные проблемы права. — 2022. — № 9. — С. 101–105.
18. Шестакова Е. Модное слово или эффективная проверка. Due diligence производственного предприятия // Финансовая газета. — 2018. — № 4. — С. 5–8.
19. Driver G. R., Miles J. C. The Babylonian Laws. — Wipf & Stock Publishers, 2007. — 986 p.
20. Girvin S. D. The Carriers' Fundamental Duties to Cargo under the Hague and Hague-Visby Rules // Journal of International Maritime Law. — 2020. — No. 6. — P. 443–462.
21. Gold E. Maritime transport: The evolution of international marine policy and shipping law. — Lexington : LexingtonBooks, 1981. — 425 p.
22. Hague/Hague-Visby Rules and Common Law Doctrine of Stages. A revisit to The Makedonia [1962] 1 Lloyd's Rep 316 // Lloyd's Shipping & Trade Law. — Vol. 22. — No. 6. — P. 5–13.
23. Limitation of the Liability of Shipowners // Columbia Law Review. — 1935. — Vol. 35. — No. 2. — P. 246–264.
24. Poor W. A Shipowner's Right to Limit Liability in Cases of Personal Contracts // The Yale Law Journal. — 1922. — Vol. 31. — No. 5. — P. 505–513.
25. Sherman Ch. P. The Romanization of English Law // The Yale Law Journal. — 1914. — Vol. 23. — No. 4. — P. 318–329.

Материал поступил в редакцию 2 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Digesty Yustiniana / per. s lat.; отв. ред. Л. Л. Кованов. Т. 3. — 2-е изд., испр. — М.: Statut, 2008. — 780 с.
2. Dmitriev M. S. Nemorekhodnost sudna // Yuridicheskaya i pravovaya rabota v strakhovanii. — 2007. — № 4. — С. 66–71.
3. Dogovory kommercheskogo prava. Akty chastnopravovoy unifikatsii v sisteme istochnikov dogovornogo trgovogo prava: ucheb. posobie dlya vuzov / V. A. Belov [i dr.]; отв. ред. В. А. Белов. — М.: Yurayt, 2024. — 336 с.

4. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo / pod obshch. red. V. S. Nersesyantsa. — 3-e izd. — M.: Norma, Infra-M, 2016. — 784 s.
5. Dozhdev D. V. Umysel (dolus) i «priroda cheloveka» v sisteme kriteriev dogovornoj otvetstvennosti // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2023. — № 5. — S. 9–54.
6. Kodeks zakonov Tsarya Khammurapi / per. i komm. I. M. Volkova v pererab. I. M. Dyakonova // Khrestomatiya po istorii Drevnego mira / pod red. akad. V. V. Struve. — T. 1: Drevniy Vostok. — M.: Uchpedgiz, 1950. — 358 s.
7. Korshunova N. P. Nepreodolimaya sila: novyy vzglyad na staruyu problemu // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 3. — S. 78–93.
8. Kuvaldina T. B. Printsip dolzhnoy osmotritelnosti // Bukhgalterskiy uchët. — 2023. — № 1. — S. 98–104.
9. Mamageishvili V. Z. K probleme obespecheniya znaniy uchastnikov oborota ob ogranicheniyakh polnomochiy direktorov // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 7. — S. 66–86.
10. Pirvits E. E. Znachenie viny, sluchaya i nepreodimoy sily v grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2010. — № 5. — S. 171–215.
11. Predprinimatelskoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya: monografiya / E. G. Afanaseva, A. V. Belitskaya, V. A. Vaypan [i dr.]; otv. red. E. P. Gubin. — M.: Yustitsinform, 2019. — 664 s.
12. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnyk / V. A. Krasnokutskiy, I. B. Novitskiy, I. S. Pereterskiy [i dr.]; pod red. I. B. Novitskogo, I. S. Pereterskogo. — M.: Yurist, 2004. — 544 s.
13. Skaridov A. S. Admiralteyskoe i morskoe pravo zarubezhnykh stran: ucheb. posobie / Institut po izucheniyu problem morskogo prava. — SPb.: Academus, 2018. — 173 s.
14. Sudarev G. A. Teoreticheskie modeli viny poterpevshego v trudakh pandektistov // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2022. — № 5. — S. 192–235.
15. Syuzumov M. Ya. Morskoy zakon // Antichnaya drevnost i Srednie veka. — Vyp. 6. — Sverdlovsk, 1969. — S. 3–54.
16. Taut S. V., Burskiy I. G. Pravovye i metodicheskie problemy standartizatsii kompleksnoy yuridicheskoy proverki (dyu-dilidzhens) // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. — 2023. — № 2. — S. 41–46.
17. Churilov A. Yu. Due diligence v sfere morskoy perevozki грузов // Aktualnye problemy prava. — 2022. — № 9. — S. 101–105.
18. Shestakova E. Modnoe slovo ili effektivnaya proverka. Due diligence proizvodstvennogo predpriyatiya // Finansovaya gazeta. — 2018. — № 4. — S. 5–8.
19. Driver G. R., Miles J. C. The Babylonian Laws. — Wipf & Stock Publishers, 2007. — 986 p.
20. Girvin S. D. The Carriers' Fundamental Duties to Cargo under the Hague and Hague-Visby Rules // Journal of International Maritime Law. — 2020. — No. 6. — P. 443–462.
21. Gold E. Maritime transport: The evolution of international marine policy and shipping law. — Lexington: LexingtonBooks, 1981. — 425 p.
22. Hague/Hague-Visby Rules and Common Law Doctrine of Stages. A revisit to The Makedonia [1962] 1 Lloyd's Rep 316 // Lloyd's Shipping & Trade Law. — Vol. 22. — No. 6. — P. 5–13.
23. Limitation of the Liability of Shipowners // Columbia Law Review. — 1935. — Vol. 35. — No. 2. — P. 246–264.
24. Poor W. A Shipowner's Right to Limit Liability in Cases of Personal Contracts // The Yale Law Journal. — 1922. — Vol. 31. — No. 5. — P. 505–513.
25. Sherman Ch. P. The Romanization of English Law // The Yale Law Journal. — 1914. — Vol. 23. — No. 4. — P. 318–329.

Представительская природа единоличного исполнительного органа корпорации: несколько дополнительных аргументов

Аннотация. Определение правового статуса директора и иных членов органов управления юридического лица во многом зависит от концепций, раскрывающих правовую природу органов управления. Органическая теория считает директора неотъемлемой частью юридического лица и не позволяет распространять на него нормы о представительстве. Представительская теория, напротив, предлагает интеграцию директоров и других управляющих в парадигму давно известных институтов гражданского права. Напряжение между этими двумя подходами и продолжающиеся апелляции к органической теории побуждают нас привести в статье дополнительные аргументы (в том числе экономико-правовой, функциональный и исторический) в пользу концепции представительства органов юридического лица. По результатам исследования выясняется, что органическая теория действительно мало приспособлена для решения практических проблем, в то время как представительский подход не только вполне применим на практике, но и находит всё больше поддержки отечественных судов, соответствует традиции континентального частного права и доктрине юрисдикций общего права.

Ключевые слова: теории юридического лица; правовая природа; корпоративное право; общие положения о юридических лицах; директор корпорации; представительство; полномочия в гражданском праве; агентская проблема; фидуциарные обязанности; конфликт интересов.

Для цитирования: Филипенко В. А. Представительская природа единоличного исполнительного органа корпорации: несколько дополнительных аргументов // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 70–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.070-083.

Representative Nature of a Sole Executive Body of a Corporation: Several Additional Arguments

Viktor A. Filipenko, Postgraduate Student, Department of Business Law Regulation, Faculty of Law,
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
viktoraf@bk.ru

Abstract. Determination of a legal status of a director and other members of management bodies of a legal entity largely depends on the concepts that reveal the legal nature of these organs of governance. The organic theory views the director as an integral part of the legal entity and does not allow the application of representation norms to directors. Conversely, the representative theory suggests integrating directors and other executive officers into the paradigm of well-known institutions of civil law. The tension between these two approaches and the ongoing

---

© Филипенко В. А., 2025

* Филипенко Виктор Александрович, аспирант департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
viktoraf@bk.ru

appeals to the organic theory prompt the author to provide additional arguments in the paper (including economic-legal, functional, and historical perspectives) in favor of the concept of representation of the governance bodies of a legal entity. The study reveals that the organic theory is insufficient to address practical issues, whereas the representative approach is not only practically applicable but also increasingly supported by domestic courts. It aligns with the tradition of continental private law and the doctrine of common law jurisdictions.

Keywords: theories of a legal entity; legal nature; corporate law; general provisions on legal entities; corporate director; representation; powers in civil law; agency problem; fiduciary duties; conflict of interest.

Cite as: Filipenko VA. Representative Nature of a Sole Executive Body of a Corporation: Several Additional Arguments. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):70-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.070-083.

Правовой статус единоличного исполнительного органа (ЕИО) юридического лица — унитарного или корпоративного, — как и правовая природа органов юридического лица, конвенционально не определен. Споры по этому поводу идут не одно столетие, в том числе в отечественном правовом порядке, причем основные столкновения происходят на полях корпоративного права, ведь для данной подотрасли гражданского права субстанциально важным является вопрос о правовом статусе директора корпорации.

По большей части дискуссии ведутся вокруг двух теорий: представительской, в соответствии с которой директор выступает представителем корпорации¹, и органической, рассматривающей директора в качестве органа — неотъемлемой части юридического лица².

Проблема выделяется из ряда других похожих теоретических споров своей практической значимостью, поскольку выбор той или иной позиции (теории) обуславливает конструирование на уровне закона специальных положений о статусе, обязанностях и ответственности директоров, реализацию этих положений на этапе

правоприменения. При этом в зависимости от выбранной позиции статус директора может укладываться в давно известные частному праву институты, помогающие ответить на отдельные вопросы, прямо не предусмотренные законодательством, либо, наоборот, статус директора (а равно его права и обязанности) будет выводиться из каких-то «особых» построений, в достаточной степени не описанных цивилистической наукой и требующих принципиально нового подхода (если такой подход вообще можно сформулировать на данном этапе развития права и общества).

Несмотря на большое количество публикаций по заявленной теме и заметный отход судебной практики от одной из теорий (о чем более подробно будет сказано далее), споры относительно природы ЕИО по-прежнему продолжают, а некоторые исследователи настаивают на отсутствии у директора корпорации представительского статуса. В связи с этим полагаем необходимым еще раз обратить внимание на ряд принципиальных моментов, связанных с практической реализацией обеих теорий, и привести дополнительные аргументы в пользу

¹ См., например: Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. С. 85 ; Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Юрайт, 2017. С. 91 ; Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 4–31 ; Он же. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М. : Статут, 2017 ; Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. С. 939–945 (автор комментария — Е. А. Папченкова).

² См., например: Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М. : Статут, 1997. Ч. 1. С. 126 ; Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 188 (автор главы — Е. А. Суханов) ; Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2019. С. 523 (автор главы — И. С. Шиткина).

представительской теории, не ограничиваясь аргументами формально-юридического (догматического) и сравнительно-правового характера.

Формально-юридический аргумент

Органическая теория, насчитывающая сегодня больше всего сторонников в отечественной юридической науке³ и, как принято считать, закрепленная в законе⁴, рассматривает директоров как выразителей воли корпорации, не имеющих собственной правосубъектности⁵. Они не представляют корпорацию в отношениях с третьими лицами, а «представляют» от ее имени⁶. Соответственно, к директорам неприменимы нормы о представительстве и доверенности⁷; директора просто реализуют полномочия «части юридического лица», установленные законом, уставом и внутренними документами корпорации.

Получается, если директор является частью юридического лица, то он имеет права, исполняет обязанности и несет ответственность перед самим собой (точнее, юридическое лицо в проявлении директора исполняет перед собой обязанности добросовестности и разумности, несет определенную ответственность). С точки зрения догматической юриспруденции и формальной логики данное положение вещей выглядит как минимум спорно и даже абсурдно.

Сторонники органической теории, осознавая, вероятно, спорность обозначенного выше построения, предпринимают попытки сделать некоторые уточнения. Они утверждают, что сами по себе органы юридического лица не являются субъектами права, поэтому, например, не несут обязанности действовать добросовестно в интересах юридического лица. Однако «субъектами права, несомненно, являются члены органов управления, которые наделены правами и обязанностями, в том числе обязан-

³ Мамагешвили В. З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36–73 ; Крашенинникова И. С. Орган юридического лица: правовая природа, понятие, признаки // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 28.

⁴ Согласно п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. Некоторые авторы полагают, что приведенная формулировка указывает на органическую теорию, поскольку речь якобы идет о приобретении прав и принятии обязанностей юридическим лицом через «части единого целого», а не через физических лиц — представителей (см.: Мамагешвили В. З. Указ. соч.). Однако, на наш взгляд, формулировка ст. 53 ГК РФ сама по себе едва ли говорит нам об однозначно избранном законодателем подходе и не представляет собой квалифицированное умолчание, согласно которому лица, входящие в органы управления, не являются представителями.

⁵ Сумской Д. А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 20.

⁶ Черепяхин Б. Б. Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 472.

Очевидная подмена понятий, сделанная Б. Б. Черепяхиным, по всей видимости, призвана сгладить противоречие в аргументации сторонников органической теории, возникающее при переходе к вопросу о взаимодействии корпорации с третьими лицами. Но данное противоречие, конечно, нельзя произвольно устранить заменой слова «представляют» на симулякр «представляют», и в этом видится первый изъян органической теории.

⁷ В той части, которая непосредственно не затрагивает самих директоров, поскольку они и так действуют в интересах юридического лица без доверенности. Но, например, судьба доверенностей, выданных сотрудникам корпорации бывшим директором, может быть различна в зависимости от того, какой статус «применяется» на директора.

ностью действовать добросовестно»⁸. Тогда становится еще более непонятно, в чем разница между неправосубъектным ЕИО и правосубъектным лицом, осуществляющим функции ЕИО, какие последствия из этого вытекают и почему нельзя считать директора представителем. Полагаем, противоречия возникают вследствие искусственного разделения органа юридического лица как совокупности предусмотренных законом и уставом полномочий и физических лиц⁹, осуществляющих данные полномочия. Последние, вне всяких сомнений, являются субъектами гражданского права, реализующими совокупность предоставленных (делегированных) им полномочий.

Противоречия органической теории усугубляются, когда те же самые авторы раскрывают концепцию конфликта интересов членов органов управления корпорации, обращаясь к агентской проблеме¹⁰. Это говорит либо о некоторой непоследовательности органической теории, либо о невозможности ее полного воспроизведения даже сторонниками консервативного подхода, поскольку конфликт интересов — это ключевая проблема именно агентских и представительских отношений¹¹.

Рассуждения об органической природе лиц, входящих в органы управления корпорации, не находят своего подтверждения даже в областях, на первый взгляд наиболее способствующих такой постановке вопроса (имеется в виду советская и современная доктрины административного права). Известно, что исполнительные органы в административном праве — составные части государственного аппарата¹². При этом на практике органы действуют и реализуют свои

полномочия не самостоятельно, а через должностных лиц, не являющихся исполнительными органами¹³. Должностные лица выступают представителями государства (государственного органа, государственной организации) и реализуют от имени государственного органа властные полномочия, имеют право совершать от имени соответствующих органов юридически значимые действия¹⁴.

Безусловно, представительство в административном праве понимается в специально отраслевом смысле и не является гражданско-правовым представительством, но методологически, полагаем, приведенные выше тезисы можно взять на вооружение. Доктрина административного права, обладая богатым опытом советского периода и неограниченной возможностью конструирования органических теорий и теорий «лица-функции», тем не менее не отстраняется от идентификации лиц, выступающих от имени государственных органов или государственных организаций, в качестве представителей. На наш взгляд, еще меньше оснований отстраняться от данной концепции у исследователей в сфере частного права, поскольку последнее как раз имеет давно оформившийся и достаточно проработанный институт представительства.

Шатки позиции органической теории и на практике. Если многие процессы, происходящие внутри корпорации (взаимодействие с работниками, выдача доверенностей, созыв и проведение собраний, издание локальных актов и т.п.), действительно могут быть объяснены через теорию органа юридического лица, то большое количество ситуаций, связанных с взаимодей-

⁸ Демьянова М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 170.

⁹ А также в определенных случаях юридических лиц (п. 3 ст. 65.3, пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ).

¹⁰ Демьянова М. В. Указ. соч. С. 170–173.

¹¹ Schneeman A. Law of Corporations and Other Business Organizations. 5th ed. Delmar Cengage Learning, 2009. Р. 13.

¹² Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. М. : Юрайт, 2014. С. 96.

¹³ Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров. С. 97.

¹⁴ Кононов П. И. Должностные лица в административных правоотношениях: понятие и виды // Полицейское право. 2007. № 1 (9). С. 18.

вием с третьими лицами и совершением сделок в отношении себя лично, фактически остаются без разрешения¹⁵. И здесь просто не обойтись без рассмотрения директора в качестве представителя (агента) корпорации.

Юридические лица не могут существовать абсолютно обособленно и вступать в отношения с третьими лицами через невидимые импульсы. Юридические лица полностью зависят от деятельности людей — физических лиц и обладают только теми возможностями, которые им предоставляют закон и учредительные документы¹⁶. Эти возможности потенциальны. Чтобы претворить их в жизнь путем коммуникации с третьими лицами, корпорациям нужны агенты-представители, а агентам нужны полномочия. Основные полномочия «уставных представителей» корпорации вытекают из закона, но многие важные вопросы регламентируются в уставе или внутренних документах, детализирующих скрытую от третьих лиц сторону представительства.

С точки зрения органической теории назначение директором премий и стимулирующих выплат самому себе может показаться нормальной ситуацией (орган, как часть юридического лица, определяет условия финансирования части юридического лица), но с позиции представительства это действия в состоянии явного конфликта интересов, совершение которых дает представляемому возможность оспорить сделку по правилам о сделках с заинтересованностью или, если речь идет о других

организационно-правовых формах (не хозяйственных обществах), на основании п. 3 ст. 182 ГК РФ¹⁷.

Если говорить о совершении сделок с нарушением директором уставных ограничений, то крайне сложно посредством органической теории обосновать, почему третьи лица не должны проверять содержание устава и внутренних документов корпорации на предмет ограничения условий осуществления полномочий директора¹⁸, ведь действия директора следуют в том числе из полномочий, установленных внутренними документами корпорации, а третьи лица вступают в отношения именно с корпорацией (кажущееся тождество внешней и внутренней стороны представительства). К. И. Скловский давно отметил, что только представительский подход может адекватно объяснить телеологию оспаривания сделок, совершенных директором с превышением полномочий (п. 1 ст. 174 ГК РФ) или в противоречии с интересами общества (ныне п. 2 той же статьи). Формальный органический подход, гласящий, что орган юридического лица способен на все действия, доступные самому юридическому лицу (воплощение всей дееспособности юридического лица в его органе), не описывает суть проблемы и уводит нас в сторону¹⁹.

Тот же автор ранее наглядно объяснил, что статья 174 ГК РФ, призванная оптимально разрешать практические ситуации с конфликтом интересов директоров, отражает проблематику внутренних и внешних условий осуществления полномочий, в аналогичном виде присутствующую

¹⁵ О некоторых примерах (уже, правда, решенных высшими судами с ориентацией на представительство) см.: Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 943–945 (автор комментария — Е. А. Папченкова) ; *Егоров А. В.* Директор юридического лица: на стыке гражданского и трудового права // Закон. 2022. № 10. С. 51–64.

¹⁶ *Comparative Company Law. Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA* / by A. Cahn, D. C. Donald. 2nd ed. Cambridge University Press, 2018. P. 366.

¹⁷ П. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» ; *Егоров А. В.* Указ. соч.

¹⁸ См.: п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

¹⁹ *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М. : Дело, 2002. С. 204.

щую в институте представительства²⁰. При этом из двух подходов к определению полномочий директора (формального, согласно которому полномочия директора исчерпываются неким закрытым перечнем, зафиксированным в законе или учредительном документе, и содержательного, в соответствии с которым директора вправе совершать любые действия, но ориентируясь при этом на интересы представляемого) К. И. Скловскому более обоснованным видится второй подход, поскольку он позволяет бороться с конфликтными действиями директоров и не забывать, что «полномочие существует лишь постольку, поскольку оно осуществляется в чужом интересе (принципала, доверителя, учредителя и пр.)»²¹.

Далее, при совершении сделок с корпорацией контрагенты зачастую исследуют всю цепочку делегирования полномочий (передачи представительства) от лица, подписывающего договор от имени корпорации, до конкретных положений устава и решения о назначении директора²². Получается, что полномочия, принадлежащие «части юридического лица», могут передаваться другим лицам. В таком случае либо эти лица становятся представителями корпорации, и тогда аналогичный вывод мы должны сделать в отношении директора, либо они тоже становятся частью юридического лица (органом). Конечно, более разумным представляется первый вывод.

В связи с наличием перечисленных выше и других примеров²³ отставания органической теории от потребностей оборота российский правопорядок приблизился к частичному утверждению представительской природы ЕИО. Так,

в п. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 отмечено, что в силу специфики представительства юридического лица на органы юридического лица распространяются некоторые положения ГК РФ о представительстве: п. 1 и 3 ст. 182 (основания представительства, сделочный эффект представительства и действия в состоянии конфликта интересов), ст. 183 (превышение представительских полномочий и действие без полномочий) и, в случае наделения полномочиями ЕИО нескольких лиц, п. 5 ст. 185 ГК РФ (доверенность, выданная нескольким лицам). Фактически были зафиксированы и две стороны представительских отношений с участием директора, которые ранее выделялись в доктрине (внешние и внутренние)²⁴.

Таким образом, отрицать представительский статус ЕИО юридического лица с точки зрения догматики на сегодняшний день крайне проблематично. Но в качестве компромисса с представителями органической теории полагаем возможным допустить, что директор юридического лица имеет двоякий статус: в отношениях внутри юридического лица он является органом, а в отношениях с третьими лицами и в ситуациях с конфликтом интересов — представителем. Показательно, что в одном из относительно недавних обзоров практики Верховный Суд РФ, описывая статус директора, указал, что директор отвечает перед участниками и за управление доверенным ему обществом (директор как орган юридического лица), и за представление интересов общества при заключении сделок с иными участниками оборота (директор как представитель)²⁵.

²⁰ Скловский К. И. Указ. соч. С. 187.

²¹ Скловский К. И. Указ. соч. С. 200–201.

²² Comparative Company Law. Р. 366.

²³ См. другие примеры применения положений о представительстве к проблемным аспектам деятельности директоров: Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель.

²⁴ Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк ; Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 620–622 (автор комментария — А. Г. Карапетов).

²⁵ П. 12 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Сравнительно-правовой аргумент и агентская проблема

Примерно так же, но гораздо более решительно на вопрос о статусе директора юридического лица отвечают в зарубежных юрисдикциях. В Германии директор признается не только органом юридического лица, но и представителем в контексте гл. 5 Германского гражданского уложения (BGB)²⁶. К директору применяются положения о представительстве, в частности о заключении сделок с самим собой и о множественном представительстве (§ 181 BGB)²⁷. Указание на органический аспект природы директора, по мнению некоторых исследователей, является лишь данью уважения авторитету О. фон Гирке²⁸, который и разработал в XIX в. органическую теорию юридического лица. В целом же постулаты представительской теории взаимоотношений между участниками, менеджментом и корпорацией принимаются юридическим сообществом Германии и не ограничиваются сугубо правовым истолкованием²⁹ (имеется в виду, например, экономический анализ права).

Англо-американское право наделило директора статусом агента по меньшей мере в середине XIX в. (ранее директора рассматривались как доверительные управляющие — трасти)³⁰. В одном из дел³¹ суд постановил, что корпорация является фиктивной личностью, способной действовать только через директоров. Отношения между корпорацией и директором не-

значительно отличаются от отношений между принципалом и агентом; по договорам, заключенным директором от имени корпорации, ответственность несет корпорация. На основе этого судебного акта впоследствии решалось множество дел, конкретизировались обязанности и ответственность директора как агента корпорации. В частности, были решены вопросы о прямой ответственности директора перед кредитором корпорации³² (казалось бы, этот вопрос вообще не может быть поставлен, если директор — это часть юридического лица), о разных правах и обязанностях директора нескольких корпораций³³, о возможности ратификации несанкционированных действий директора³⁴ и др.

Еще дальше пошел экономический анализ права (англ. law & economics, L&E) — политико-правовое методологическое направление, объясняющее юридические явления через призму экономики и поведенческих стимулов. В рамках L&E сформировалась так называемая агентская проблема (англ. agency problem), предполагающая, что в отношениях, в которых интересы отдельных лиц опосредуются наличием агентов, происходит конкуренция экономических и иных интересов, а также непропорциональное распределение издержек и информационная асимметрия³⁵.

Не вдаваясь в детали экономического анализа, отметим, что агентская проблема имеет вполне реальное правовое воплощение. Зарубежные юрисдикции (особенно англо-амери-

²⁶ Flume W. Die juristische Person. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Zweiter Teil. Springer-Verlag, 1983. S. 357 ff.

²⁷ Madisson K. Duties and Liabilities of Company Directors Under German and Estonian Law: A Comparative Analysis // RGSL Research Papers. 2012. No. 7. P. 19.

²⁸ Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель.

²⁹ Baums T. Personal Liabilities of Company Directors in German Law. Osnabrück : Univ., Inst. für Handels und Wirtschaftsrecht, 1996. P. 3–5.

³⁰ Kershaw D. The Path of Fiduciary Law // LSE Legal Studies Working Paper. 2011. No. 6. P. 25–29 ; Smith T. E. A Summary of the Law of Companies. 3rd ed. London : Stevens and Haynes, 1885. P. 53.

³¹ Ferguson v. Wilson (1886) L.R. 2 Ch. 77.

³² Elkington & Co. v. Hurter (1892) 2 Ch. D. 452.

³³ Re Hampshire Land Co., Ltd. (1896) 2 Ch. D. 743.

³⁴ Bhajekar v. Shanker (1934) 4 c. cases, 433 case.

³⁵ Jensen M. C., Meckling W. H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. Iss. 4. P. 305, 308–309.

канские), в отличие от отечественного право-порядка, почти всегда выделяют такой признак корпорации, как делегирование управленческих полномочий³⁶. Участники (акционеры) по большому счету устраняются от управления корпорацией (отделение собственности от контроля) и для минимизации управленческих издержек наделяют представляющее лицо (директора, совет директоров, правление) неограниченными полномочиями³⁷. При этом участники (акционеры) оставляют за собой возможность принимать наиболее важные решения путем использования корпоративного контроля, воплощенного в голосовании на общих собраниях.

В Германии управление всеми делами акционерного общества под свою ответственность осуществляет правление (нем. Vorstand, совет директоров в англо-американском праве или единоличные исполнительные директора в российском праве)³⁸. Немецкие комментаторы уточняют, что в этом контексте различают собственно управление (нем. Geschäftsführung) и руководство (нем. Leitung). Первое понятие является чрезвычайно широким по своему содержанию и включает в себя любую фактическую или юридическую активность от имени корпорации³⁹, управление текущей деятельностью компании⁴⁰; вторым понятием оперируют в специфических сферах деятельности директоров⁴¹ и при решении вопроса о соблюдении директором обязанности действовать с должной заботой.

Как видим, и немецкий правопорядок исходит из того, что сфера компетенции правле-

ния (и полномочий отдельных директоров) не ограничивается строго заданными рамками, а, напротив, простирается на любые действия, совершаемые от лица корпорации⁴². Более того, в соответствии с важным постулатом немецкого корпоративного права, правление действует независимо и на свое усмотрение, вправе не исполнять предписания общего собрания участников или наблюдательного совета⁴³.

Неограниченность полномочий по любым вопросам жизнедеятельности юридического лица неизбежно повышает риск недобросовестного (оппортунистского) поведения директоров и издержки участников на осуществление мониторинга, превенцию неправомерных действий. Зафиксировав статус директора в ключевых зарубежных правопорядках и важную роль представительских (агентских) концепций, перейдем теперь к функциональному аргументу в пользу представительской природы ЕИО и специфическим обязанностям, призванным минимизировать агентскую проблему.

Функциональный аргумент и фидуциарные обязанности директора

Инструментально и функционально агентская проблема если не исчерпывается, то по крайней мере минимизируется за счет специфических обязанностей и особой ответственности директора-представителя (агента) перед принципалом (участниками и самой корпорацией).

³⁶ Turner J. D. The Development of English Company Law Before 1900 // Queen's University Centre for Economic History Working Paper Series. 2017. No. 1. P. 2.

³⁷ Schneeman A. Op. cit. P. 338.

³⁸ § 76 (1) Закона об АО (AktG).

³⁹ AktG: Kommentar zum Aktiengesetz / T. Wachter, U. Blaurock, M. Bormann (Hgs.). 4 Aufl. RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH & Co. KG. Köln, 2022. § 76. Rn. 4. S. 524.

⁴⁰ Baums T. Op. cit. P. 2–3.

⁴¹ AktG: Kommentar zum Aktiengesetz. § 76. Rn. 4. S. 524.

⁴² При этом, конечно, закон устанавливает отдельные «управленческие задачи», на выполнение которых должны направляться усилия директоров. Эти задачи специально подчеркиваются для защиты интересов кредиторов или общественных интересов. Подробнее см.: AktG: Kommentar zum Aktiengesetz. § 76. Rn. 6. S. 524.

⁴³ AktG: Kommentar zum Aktiengesetz. § 76. Rn. 15. S. 526–527 ; GmbHG: Kommentar zum GmbH-Gesetz // R. Bork, C. Schäfer (Hgs.). 3 Aufl. RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH & Co. KG. Köln, 2015. § 35. Rn. 1. S. 754.

В условиях тотальной неполноты «корпоративного контракта» и бессрочности корпоративных правоотношений издержки на мониторинг могут оказаться колоссальными и совершенно неоправданными, поскольку директор для каждого вопроса своей компетенции может придумать вариант недобросовестного (оппортунистского) поведения. Отслеживать каждое действие директора и просчитывать все варианты недобросовестного поведения не только невозможно, но и не рационально. В этой связи уже право приходит на помощь экономическому анализу и разрабатывает стандарты поведения, применимые в условиях неограниченных полномочий директора-представителя, — фидуциарные обязанности⁴⁴.

Основная фидуциарная обязанность — обязанность лояльности (верности) — отражает многолетний опыт зарубежных судов по разрешению споров с конфликтом интересов директоров и подразумевает, что лицо, управляющее чужим делом (корпорацией, бизнесом), должно действовать в интересах чужого дела и не допускать извлечения частных выгод в свою пользу. Стандарты лояльного и заботливого поведения являются действенным изобретением трастового и корпоративного права, появившимся в качестве ответа на вызовы агентской проблемы. Интересно, что эти стандарты касаются не только внешней стороны деятельности директора (то есть отношений корпорации с третьими лицами), но и внутренней: директора и иные менеджеры должны действовать добросовестно и учитывать интересы участников (акционеров), работников, кредиторов, общества в целом.

Наличие фидуциарных обязанностей и фидуциарной ответственности, носящей штрафной характер, подчеркивает специфику отношений между директором и корпорацией по сравнению с иными гражданско-правовыми отношениями. При этом похожие стандарты поведения и подходы к ответственности обнаруживаются и

в других фидуциарных отношениях, отмеченных передачей чужого дела (имущества) под управление стороннего лица (трасти, поверенного, адвоката, доверительного управляющего и т.п.), что еще раз говорит в пользу представительского статуса директора. Органическая теория аналогичных решений и механизмов превенции недобросовестного поведения не предлагает.

Исторический аргумент

Возможно, аргументы в поддержку органической теории скрываются в истории корпоративного права и генезисе корпоративного управления. Но и здесь однозначных свидетельств отождествления ЕИО или иных управляющих исключительно с органом юридического лица мы не находим.

Корпорации античного периода, не имеющие в те далекие времена четкой легитимации со стороны уполномоченной власти и потому, на первый взгляд, подпадающие под органическую теорию, тем не менее выступали в суде через специального уполномоченного, действующего от имени и в интересах объединения, а не отдельных его членов⁴⁵.

Далее, однако, юриспруденция стала закрепощать корпоративную сущность некоторых союзов и объединений. Закрепощение происходило по двум направлениям: с одной стороны, религиозные организации (по большей части христианские) всё чаще признавались институтами-учреждениями (т.е. унитарными юридическими лицами), органически составляющими единую церковь; с другой стороны, императорская власть христианского периода стремилась показать, что только она является источником полномочий любых органов управления в иных корпорациях (городах, общинах и т.д.)⁴⁶. В этой связи управляющие и администраторы различных юридических лиц, наделен-

⁴⁴ Comparative Company Law. P. 351–352. В российском законодательстве фидуциарные обязанности лиц, входящих в органы управления корпорации, закреплены в п. 3 ст. 53 ГК РФ.

⁴⁵ Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 50.

⁴⁶ Суворов Н. С. Указ. соч. С. 52–54.

ные собственными правами и обязанностями⁴⁷, всё же рассматривались как органы, а не как представители⁴⁸.

В период раннего Средневековья, до укрепления теории фикции канонистами и легистами (а также папой Иннокентием IV) в XIII в., органическая теория уступила достаточно места представительской концепции. Например, действовавшим на протяжении более тысячи лет уставом одного из самых известных корпоративных монашеских орденов — ордена бенедиктинцев⁴⁹ предусмотрен двойной статус главы монастырской общины (аббата). С одной стороны, должность аббата является органической: лицо, достойное избрания на эту должность, принимает имя и бремя аввы, осуществляет функции попечителя и руководителя; аббат управляет всеми делами монастыря, принимает все необходимые решения и обладает авторитетом в глазах членов общины⁵⁰. С другой стороны, устав прямо указывает, что аббат является представителем Христа⁵¹ и несет специфические обязанности, которые в современной парадигме частного и корпоративного права можно назвать фидуциарными: перед принятием решения аббат обязан созвать совет братии (общее собрание участников корпорации), причем на совет должны быть приглашены все члены общины, даже самые юные⁵²; аббат вправе принять решение на свое усмотрение, но при этом обязан действовать «осмотрительно и с правдой»⁵³, ведь по результатам своей деятельности он бу-

дет призван к ответу⁵⁴. Большое значение имеет личность аббата и его персональные качества. Аналогичные положения были предусмотрены уставами других монашеских орденов и религиозных объединений.

Из этого следует, что руководители монашеских общин и даже орденов в раннем Средневековье не рассматривались исключительно с точки зрения органической теории, имели собственную правосубъектность и довольно обширные полномочия, причем как внутренние, так и внешние.

Еще меньше сомнений в представительской природе ЕИО должно было остаться по результатам утверждения и дальнейшего развития теории фикции⁵⁵, предполагающей, помимо прочего, что юридическое лицо не может самостоятельно вступать в правоотношения и нуждается в представителях⁵⁶. Однако сомнения продолжали возникать вследствие появления теоретического обоснования органической теории в XIX в.

Если говорить об истории коммерческих корпораций, то они в своем становлении и развитии во многом следовали за некоммерческими объединениями Средневековья и раннего Нового времени: церковными организациями, университетами, богадельнями, купеческими гильдиями и иными сообществами по интересам. Коммерческие корпорации в дополнение к признакам имущественной обособленности и самостоятельной юридической личности об-

⁴⁷ Например, правом отыскивать наследство, оставленное в пользу «членов» странноприимных домов. См.: *Savigny F. K. v. System des Heutigen Römischen Rechts. Bd. II. Berlin, 1840. S. 271.*

⁴⁸ *Savigny F. K. v. Op. cit. S. 271.*

⁴⁹ Содержание устава приводится в соответствии с одним из списков: *Regula Sancti Benedicti (787–799). Bayerische Staatsbibliothek. Bavaria, 1979. 128 S.*

⁵⁰ *Regula Sancti Benedicti (II, 1, 3 ; III, 2).*

⁵¹ *Regula Sancti Benedicti (II, 1).*

⁵² *Regula Sancti Benedicti (III, 1).*

⁵³ *Regula Sancti Benedicti (II, 2, 3, 6, 8 ; III, 1 ; LXIV, 2).*

⁵⁴ *Regula Sancti Benedicti (II, 8 ; III, 2).*

⁵⁵ Теория фикции, в отличие от органической теории, считает юридическое лицо продуктом мышления и юридической техники, не имеющим реального воплощения и существующим постольку, поскольку некое объединение или совокупность имущества признается правопорядком. Подробнее см.: *Savigny F. K. v. Op. cit. S. 236–240.*

⁵⁶ *Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 124.*

завелись уставным капиталом, разделенным на доли⁵⁷. Активно развивалась и идея делегирования полномочий директорам и другим управленцам. В каких-то акционерных компаниях Нового времени участники в соответствии с хартией монарха были вправе избирать членов совета директоров (англ. Court of Directors)⁵⁸; в других же компаниях директора назначались исключительно самим монархом, хотя неэффективность такого порядка формирования органов управления была осознана уже через несколько лет⁵⁹. И в том и в другом случае директора обладали значительной дискрецией и выступали от имени акционерной компании, особенно это прослеживалось в Московской компании, основанной в 1551 г.⁶⁰

В период между промышленной революцией и концом XIX в. в британских инкорпорированных и неинкорпорированных⁶¹ бизнес-компаниях происходило отделение собственности от контроля. Управленческие полномочия делегировались директорам и иным менеджерам⁶², которые, как уже было сказано ранее, признавались судебной практикой агентами корпорации (хотя представительство неинкорпорированных компаний при возникновении спорных ситуаций квалифицировалось с трудом)⁶³. Еще раньше директора и другие менеджеры рассматривались в качестве трасти, то есть своего рода доверительных управляющих чужим делом, что

также свидетельствует о восприятии представительской (агентской) теории.

Параллельно и в странах континентальной Европы шел процесс сближения статуса директора в корпоративных отношениях со статусом лиц, ведущих чужое дело (отношения агентирования)⁶⁴. Зарубежные исследователи отмечают, что статус директоров и их обязанности в европейских правовых системах генетически восходят к концепции древнеримского договора поручения⁶⁵.

Справедливости ради оговоримся, что из истории корпоративного права можно почерпнуть и ряд контраргументов в отношении представительской теории. Например, сложно оспаривать отчасти публично-правовой статус и органический характер полномочий генерал-губернатора Британской Ост-Индской торговой компании, оторванность подобных военизированных формирований, создаваемых пожалованием со стороны публичной власти, от привычных юридических лиц частного права и т.д. Однако здесь необходимо обратить внимание на одно обстоятельство.

Несмотря на то что мы приводим исторический материал для дополнительного опровержения органической теории, сам по себе исторический аргумент является, конечно, достаточно спорным. В отсутствие исчерпывающих и однозначных свидетельств содержание аргумента фактически сводится к следующим моментам:

⁵⁷ *Turner J. D. Op. cit. P. 4.*

⁵⁸ См., например, хартию, пожалованную Английской (позднее Британской) Ост-Индской торговой компании: *Shaw J. Charters Relating to the East India Company from 1600 to 1761: Reprinted From A Former Collection With Some Additions And A Preface For The Government Of Madras. Franklin Classics, 2018. P. 3–4.*

⁵⁹ Так было в компаниях «по колонизации Северной Америки»: Вирджинской и Плимутской. Подробнее см.: *Gevurtz F. A. The Historical and Political Origins of the Corporate Board of Directors // Hofstra Law Review. 2004. Vol. 33. Iss. 1. P. 111–115.*

⁶⁰ *Gevurtz F. A. Op. cit. P. 116.*

⁶¹ Под неинкорпорированными компаниями имеются в виду договорные партнерства, похожие на товарищества континентальной Европы, изначально не имеющие личности юридического лица, ограниченной ответственности и организационного единства.

⁶² *Turner J. D. Op. cit. P. 11.*

⁶³ *Turner J. D. Op. cit. P. 11–12.*

⁶⁴ *Gelter M., Helleringer G. Fiduciary Principles in European Civil Law Systems // ECGI Law Working Paper. 2018. No. 392. P. 11–14.*

⁶⁵ *Gelter M., Helleringer G. Op. cit. P. 11.*

1) какая теория юридического лица и модель получения правоспособности — концессионная (распорядительная), разрешительная или явочная — господствовала на том или ином этапе исторического развития;

2) какой управомоченный субъект — публичная власть (в том числе монарх) или участники (учредители) — формировал производные органы управления корпорации и назначал директоров;

3) насколько полным набором полномочий обладал директор и действительно ли он выступал от имени корпорации.

В этой связи мы согласны с некоторыми авторами в бесперспективности чрезмерного углубления в исторические аспекты природы ЕИО, поскольку та или иная концепция (теория) действительно имела значение на конкретном этапе исторического развития общества и государства и сейчас может быть неактуальной⁶⁶. Например, концессионная модель наделения акционерной компании правоспособностью путем пожалования этой компании хартии со стороны монарха сама по себе не означает, что директор является только представителем или только органом юридического лица. Назначение управляющих церковными иерархами не свидетельствует об органической природе аббата или руководителя религиозной организации и невозможности рассмотрения их природы с точки зрения представительства.

Тем не менее исторический аргумент показывает, что с течением времени законодатели и

суды всё чаще склонялись к представительской теории ЕИО (а точнее, высказывались в пользу применения норм о представительстве или поручении к директорам). Органическая теория (а точнее, ее предшественники до XIX в.), напротив, почти не была артикулирована и не имела какого-то конкретного содержания в контексте статуса ЕИО. Полагаем, сегодня, на данном этапе исторического развития, с учетом догматического, сравнительно-правового и функционального аргументов, более практически значимой и актуальной является представительская теория.

Заключение

Как показало исследование, органическая теория ЕИО вызывает гораздо больше вопросов, чем дает ответов. Она внутренне противоречива, догматически недостаточно обоснована и почти не помогает решать практические проблемы. В этой связи хочется еще раз обратить внимание на гораздо более осмысленный и функционально полезный подход — представительскую теорию.

В статье мы попытались показать, что представительская теория ЕИО не только вполне применима на практике, но и находит всё больше поддержки на уровне отечественных судов, соответствует традиции континентального частного права (а также юрисдикций общего права) и более четко прослеживается в истории корпоративного права и корпоративного управления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. — М. : Юрайт, 2014. — 519 с.
2. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2019. — Т. 1 : Общая часть. — 624 с.
3. Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. — 484 с.
4. Демьянова М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 252 с.

⁶⁶ Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель.

5. Егоров А. В. Директор юридического лица: на стыке гражданского и трудового права // Закон. — 2022. — № 10. — С. 51–64.
6. Кононов П. И. Должностные лица в административных правоотношениях: понятие и виды // Полицейское право. — 2007. — № 1 (9). — С. 16–24.
7. Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Статут, 2019. — 735 с.
8. Крашенинникова И. С. Орган юридического лица: правовая природа, понятие, признаки // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2017. — № 4. — С. 27–32.
9. Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2014. — № 10. — С. 4–31.
10. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. — М. : Статут, 2017. — 159 с.
11. Мамагешвили В. З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 3. — С. 36–73.
12. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. — М. : Статут, 1997. — Ч. 1. — 290 с.
13. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2018. — 1264 с.
14. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие. — 3-е изд. — М. : Дело, 2002. — 512 с.
15. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. — М. : Статут, 2000. — 299 с.
16. Сумской Д. А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 43 с.
17. Черепашин Б. Б. Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. — М. : Статут, 2001. — С. 467–477 с.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М. : Юрайт, 2017. — 532 с.

Материал поступил в редакцию 28 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov / отв. ред. Л. Л. Попов. — М.: Yurayt, 2014. — 519 s.
2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / отв. ред. Е. А. Sukhanov. — М.: Statut, 2019. — Т. 1: Obshchaya chast. — 624 s.
3. Gulyaev A. M. Russkoe grazhdanskoe pravo. Obzor deystvuyushchego zakonodatelstva i proekta Grazhdanskogo ulozheniya. — SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1911. — 484 s.
4. Demyanova M. V. Printsip dobrosovestnosti v korporativnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2022. — 252 s.
5. Egorov A. V. Direktor yuridicheskogo litsa: na styke grazhdanskogo i trudovogo prava // Zakon. — 2022. — № 10. — S. 51–64.
6. Kononov P. I. Dolzhnostnye litsa v administrativnykh pravootnosheniyakh: ponyatie i vidy // Politseyskoe pravo. — 2007. — № 1 (9). — S. 16–24.
7. Korporativnoe pravo: uchebnik / отв. ред. И. С. Шиткина. — М.: Statut, 2019. — 735 s.
8. Krasheninikova I. S. Organ yuridicheskogo litsa: pravovaya priroda, ponyatie, priznaki // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 4. — S. 27–32.
9. Kuznetsov A. A. Organ yuridicheskogo litsa kak ego predstavitel // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2014. — № 10. — S. 4–31.

10. Kuznetsov A. A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 159 s.
11. Mamageishvili V. Z. O znachenii teoriy yuridicheskogo litsa v sovremennom korporativnom prave // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 3. — S. 36–73.
12. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. — M.: Statut, 1997. — Ch. 1. — 290 s.
13. Sdelki, predstavitelstvo, iskovaya davnost: postateynny kommentariy k statyam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / V. V. Baybak, R. S. Bevzenko, S. L. Budylin [i dr.]; otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2018. — 1264 s.
14. Sklovskiy K. I. Sobstvennost v grazhdanskom prave: ucheb.-prakt. posobie. — 3-e izd. — M.: Delo, 2002. — 512 s.
15. Suvorov N. S. Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu. — M.: Statut, 2000. — 299 s.
16. Sumskoy D. A. Kontseptsiya organa yuridicheskogo litsa v teorii grazhdanskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2007. — 43 s.
17. Cherepakhin B. B. Organy i predstaviteli yuridicheskogo litsa // Trudy po grazhdanskomu pravu. — M.: Statut, 2001. — S. 467–477 s.
18. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. — M.: Yurayt, 2017. — 532 s.

Исключение участника как способ принудительного расторжения корпоративной сделки

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, связанные с имплементацией механизма исключения участника хозяйственного общества в российском корпоративном праве. Механизм исключения анализируется с позиций экономического анализа права и представления о корпорации как сделке между ее участниками и менеджментом. Целью исследования является теоретическое осмысление института исключения участника в качестве одной из форм расторжения договора и описание отдельных проблем, связанных с его применением. В результате исследования автор приходит к выводу, что механизм исключения участника построен по модели судебного расторжения договора в связи с его существенным нарушением, адаптированной к особенностям корпоративной сделки. Требование к объему корпоративных прав, которые должны принадлежать истцу по иску об исключении другого участника, по мнению автора, не соответствует природе корпоративных отношений и может быть заменено альтернативными барьерами. Предложенные законодателем основания для исключения с учетом нормативных разъяснений высших судов по своей сути сходны с критериями существенного нарушения договора и обеспечивают баланс между универсальностью и казуистичностью указаний для арбитражных судов в конкретных спорах. Автор делает вывод о необходимости актуализации законодательного регулирования института исключения участника хозяйственного общества посредством принятия ряда диспозитивных норм, в том числе в части установления компенсации исключаемому участнику и определения критериев существенного нарушения корпоративной сделки как основания для исключения.

Ключевые слова: предпринимательское право; корпоративное право; исключение участника; договорная природа корпорации; корпоративная сделка; расторжение договора; свобода договора; корпоративные конфликты; договорное право; корпоративные споры.

Для цитирования: Никольский Д. А. Исключение участника как способ принудительного расторжения корпоративной сделки // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 84–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.084-098.

© Никольский Д. А., 2025

* Никольский Даниил Александрович, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
danikolskiy@gmail.com

Exclusion of a Member as a Means of Forced Termination of a Corporate Transaction

Daniil A. Nikolskiy, Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
danikolskiy@gmail.com

Abstract. The paper addresses theoretical and practical issues related to the implementation of the mechanism for excluding a member from a business entity in Russian corporate law. The author analyzes an exclusion mechanism from the perspectives of economic analysis of law and the concept of a corporation as a transaction between its participants and management. The aim of the study is to theoretically conceptualize the institution of member exclusion as a form of contract termination and to describe specific issues related to its application. The author concludes that the mechanism of excluding a member is modeled on the basis of judicial contract termination due to a substantive breach, adapted to the peculiarities of corporate transactions. The requirement for the volume of corporate rights that must belong to the plaintiff in a lawsuit for the exclusion of another member, in the author's opinion, does not correspond to the nature of corporate relations and can be replaced with alternative barriers. The grounds for exclusion proposed by the lawmaker, taking into account the normative explanations of higher courts, essentially align with the criteria for material breach of contract and provide a balance between the universality and specificity of guidelines for arbitration courts in particular disputes. The author suggests the need to update legislative regulation of the institution of excluding a member from a business entity by adopting a number of dispositive norms. This includes establishing compensation for an excluded member and defining criteria for a substantive breach of a corporate transaction as grounds for exclusion.

Keywords: entrepreneurial law; corporate law; exclusion of member; contractual nature of corporation; corporate transaction; contract termination; freedom of contract; corporate conflicts; contract law; corporate disputes.

Cite as: Nikolskiy DA. Exclusion of a Member as a Means of Forced Termination of a Corporate Transaction. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):84-98. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.084-098.

Механизм исключения участника из корпорации, инкорпорированный в законодательство об обществах с ограниченной ответственностью с момента вступления в силу специального корпоративного закона в 1998 г.¹ и распространенный на акционерные общества вместе с включением в общие положения ГК РФ о хозяйственных обществах с 2014 г.², занял ключевое место среди способов защиты прав и интересов, доступных участникам непуб-

личных обществ, в качестве последней меры воздействия на другие стороны корпоративной сделки³, грубо нарушающие свои обязанности по отношению к корпорации и тем самым блокирующие ее эффективную деятельность. Уточненный многочисленными нормативными разъяснениями высших судов⁴, этот институт активно применяется в юридической практике в ситуациях корпоративного конфликта⁵ и уклонения от участия в управлении обществом⁶.

---

¹ Ст. 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785 (далее — Закон об ООО).

² Абз. 4 п. 1 ст. 67 Гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Здесь и далее под корпоративной сделкой автор понимает сложную систему отношений между участниками корпорации и лицами, составляющими ее органы управления, которой под влиянием теории транзакционных издержек и других концепций экономического анализа права придается договорная природа.

⁴ П. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ от 09.12.1999 № 14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3 ; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8 ; п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015

Право потребовать исключения участника из общества также стало популярным предметом юридических исследований: авторы посвящали ему обширные работы, анализируя проблемы природы и справедливости этого права⁷, и затрагивали отдельные вопросы в рамках этого механизма, например в контексте реализации прав мажоритарного акционера⁸. В работе предлагается взглянуть на механизм исключения участника через призму договорной природы корпорации, то есть представить его как законодательно закрепленный способ принудительного расторжения корпоративной сделки⁹. Мы оценим справедливость и обоснованность исключения такого расторжения из общего для частного права принципа автономии воли и специального принципа свободы договора, а также рассмотрим возможности для расширения диспозитивности этого механизма в целях его более точной подстройки

под отношения сторон в каждой конкретной ситуации.

Понимание корпорации (общества, компании, фирмы и прочих сходных понятий, имеющих отдельные различия, но в целом обозначающих юридическое и экономическое объединение лиц и капиталов¹⁰) как определенного договора исторически началось с экономической теории фирмы Р. Коуза, объясняющей ее как способ организации отношений между экономическими акторами, влекущий снижение транзакционных издержек по сравнению с индивидуальной формацией¹¹. Это сугубо экономическое понимание со временем было полноценно воспринято школой экономического анализа права и закреплено в западной юридической науке в качестве теории «пучка контрактов» (*nexus of contracts*), связывающих участников корпорации, ее менеджмент и контрагентов¹². Российская же доктрина¹³ в

№ 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8 ; п. 7–9 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

⁵ См., например: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.06.2021 № Ф01-1479/2021 по делу № А43-16819/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.04.2021 № Ф05-20581/2020 по делу № А40-25897/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См., например: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.07.2021 № Ф02-2756/2021 по делу № А33-18416/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.11.2022 № Ф07-16452/2022 по делу № А56-74113/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., например: *Абдулкадиров Т.* Принудительное исключение участника из непубличной компании : монография. М. : Юстицинформ, 2021 ; *Кузнецов А. А.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М. : Статут, 2014.

⁸ *Бирюков Д. О.* До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / вступ. сл. И. С. Шиткиной. М. : Статут, 2020.

⁹ Подробнее о такой концепции см.: *Цепов Г. В.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение корпоративного контракта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 96–113.

¹⁰ Для целей нашего исследования предлагается поставить знак равенства между этими терминами и, поскольку работа концентрируется на российском праве, рассматривать их в качестве синонима понятия «хозяйственное общество», как его понимает Гражданский кодекс РФ. Многие положения работы будут применимы и к иным организационно-правовым формам корпоративных юридических лиц, но для целей этого исследования мы предлагаем ограничиться хозяйственными обществами как наиболее востребованной формой.

¹¹ *Коуз Р.* Природа фирмы // Теория фирмы. СПб., 1995. С. 11–32.

целом не исходит из возможной договорной природы корпорации или просто не задумывается о ней, что, вероятно, вызвано практической ориентированностью большинства корпоративных исследований¹⁴. Но юридическое сообщество всё же постепенно восприняло научные идеи, активно развивающиеся в правовых порядках, из которых произошла рецепция многих норм российского корпоративного права, и отдельные ученые выступили с заявлениями о наличии определенных договорных элементов в российских хозяйственных обществах и их регулировании: Д. Степанов, например, предложил квалификацию устава и иных юридических фактов корпоративного права в качестве многосторонних сделок¹⁵, когда как А. Кузнецов выступил за системное применение принципа автономии воли к корпоративным отношениям, хотя и не признал их договорную природу¹⁶. Подобные идеи не остались в границах научных исследований и проникли в судебную практику, в том числе Верховного Суда РФ, который, например, указал, что в основе хозяйственного общества лежит товарищеское соглашение участников (учредителей), носящее в силу своей правовой природы гражданско-правовой характер¹⁷. Хотя комментаторы и отмечают, что эта пози-

ция имеет существенное значение скорее для признания фидуциарных обязанностей участников корпорации по отношению друг к другу¹⁸, отступление судей от традиционного понимания юридического лица как специальной фикции, не имеющей природы или основания за пределами самой себя, уже можно воспринять как позитивное событие для легитимизации договорной модели корпорации.

В рамках работы мы не хотели бы вступать в спор о договорной или иной природе корпорации, а также подробно обосновывать тезис о том, что корпорация представляет собой совокупность договорных отношений. Мы предлагаем сделать определенное научное допущение и, продолжая правило о субсидиарном применении общих положений об обязательствах к корпоративным отношениям¹⁹, распространить на отношения между участниками хозяйственного общества в том числе механизм их принудительного прекращения, принципы автономии воли и свободы договора. Это позволит при научном изучении механизма исключения участника сместить внимание с вопроса «что является основанием для исключения?» на вопросы «должно ли принудительное исключение быть присуще корпорации и если да, то что должно

¹² Eisenberg M. A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. 1999. Vol. 24. No. 4. P. 830.

¹³ Мы отметим существование в отечественной юридической науке различных концепций корпоративных отношений, представляющих их, помимо прочего, как отношения власти (например: Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1987. С. 27–29), социальные отношения (например: Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 51) или фикцию, возникающую в целях устранения ответственности контролирующих лиц (например: Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33).

¹⁴ См., например: Чупрунов И. С. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 67–167.

¹⁵ Степанов Д. И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 1. С. 4–62.

¹⁶ Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. С. 11–16.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Чупрунов И. С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 25–68.

¹⁹ Пп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ.

быть заложено в его правовое регулирование, чтобы обеспечить его соответствие принципам автономии воли и свободы договора и частно-правовой справедливости в целом?».

Для ответа на поставленные научные вопросы мы предлагаем обратиться к нормам ГК РФ, регулирующим изменение и расторжение договора, чтобы определить некий базовый стандарт принудительного прекращения договорных отношений. Глава 29 ГК РФ, хотя она и лишена четкости и последовательности в связи с введением ст. 450.1 и значительным изменением ст. 310 в 2015 г.²⁰, предлагает две общие модели для расторжения договора: одностороннее расторжение посредством отказа от его исполнения одной из сторон и расторжение по решению суда в случае, если инициатору такого расторжения удастся доказать наличие одного из специально предусмотренных законом оснований.

В основе первой модели лежит выражение преобразовательного волеизъявления стороны договора на его прекращение, не зависящее от сложно проверяемого обстоятельства²¹. Подобная распорядительная сделка может быть совершена либо в соответствии с прямо оговоренными в законе обстоятельствами²², либо на основании ранее достигнутых договоренностей сторон, ко-

торые являются прямым выражением свободы договора: лица, вступающие в договорные отношения, вправе определить порядок их прекращения и заранее согласиться с правом другой стороны их принудительно расторгнуть. Этой модели присущи две основные характеристики: четкая преобразовательная (распорядительная) воля иницирующей стороны на выход из договорных отношений (прекращение) и отсутствие сложной системы юридических фактов, выступающих основанием для реализации такой воли²³.

Основные компоненты этой модели позволяют провести параллель со специальными механизмами корпоративного права, обрамляющими право участника покинуть общество, участие в котором ему по различным причинам более не интересно: выходом участника из общества с ограниченной ответственностью и выкупом акций акционерным обществом²⁴. Для их активации участнику корпорации также необходимо выразить активную волю на прекращение корпоративных отношений (посредством заявления о выходе или требования о выкупе соответственно), однако, следуя принципу большинства, не позволяющему одному участнику решить судьбу общества в целом²⁵, прекращение происходит только в отношении

²⁰ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

²¹ Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107.

²² В данном исследовании мы не хотели бы затрагивать подобные случаи и анализировать связанные с ними основания; предлагаем исходить из того, что закрепленное в законе право стороны договора отказаться от его исполнения в целом юридически и экономически обоснованно: например, право сторон договора аренды на отказ от договора (ст. 782 ГК РФ) обусловлено требованием о выплате фактически понесенных расходов или убытков, что, по замыслу законодателя, должно митигировать потенциальный ущерб от одностороннего прекращения договорных отношений.

²³ Эта характеристика, как будет указано далее, противопоставляется абстрактному понятию «существенное нарушение», выступающему ключевым для второй модели расторжения договора. При этом мы не исключаем права сторон своим соглашением предусмотреть сложное фактическое основание для заявления отказа от исполнения договора, хотя это и будет противоречить практической цели разрешения вопросов расторжения в самом договоре.

²⁴ Майфат А. В., Гордеев П. А. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: диспозитивность регулирования и ее пределы // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 35–48.

²⁵ Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко ; ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Статут, 2013. С. 342–344.

такого участника посредством распределения принадлежащих ему корпоративных прав между другими сторонами корпоративной сделки. В части оснований для удовлетворения такой воли законодатель выбрал два различных подхода. Закон об акционерных обществах предусматривает закрытый перечень оснований для заявления акционером требования о выкупе принадлежащих ему акций²⁶, который ввиду императивной формулировки нормы не подлежит изменению, что подтверждается выводом судов о его исчерпывающем характере²⁷. Закон об ООО, следуя более диспозитивному подходу, применяемому законодателем к регулированию обществ с ограниченной ответственностью, во-первых, позволяет исключить право на выход из общества по единогласному решению участников (п. 1 ст. 26) и, во-вторых, предлагает различные способы его ограничения через предоставление такого права только отдельным участникам общества или посредством его активации только при наступлении определенных обстоятельств (п. 1.2 ст. 26).

Помимо этого, по общему правилу участник не ограничен в праве передать свое участие в корпоративной сделке (то есть совершить отчуждение долей в уставном капитале или акций) третьему лицу или другому участнику — в любой конфигурации сделки его интерес в прекращении отношений участия будет реализован. Использование различных ограничений этого права (преимущественное право покупки акций или долей, необходимость получения согласия других участников на отчуждение третьему лицу и пр.) в каждом случае обусловлено волей участников корпорации по внесению соответствующих изменений в устав²⁸ или присоединению

к корпоративной сделке, содержание которой уже подразумевает такие ограничения.

Отметим, что все описанные нами способы прекращения отношений участия имеют ограниченный характер в том смысле, что разрывают связь только одного участника с обществом, тогда как расторжение договора по любому основанию прекращает его в целом, за исключением отдельных отношений, связанных, например, с возвратом неравномерного встречного исполнения или применением мер ответственности. Подобный эффект в договорном понимании корпорации является следствием теории «пучка контрактов»: после прекращения отношения членства одного участника остальные договорные связи общества продолжают свое существование в неизменном виде, если только изменение не связано с перераспределением прав участия. Соответственно, аналогичные юридические последствия будут применимы и к исключению участника.

Модель расторжения по решению суда по общему правилу может быть реализована по двум различным основаниям: в связи с существенным изменением обстоятельств или при существенном нарушении договора другой стороной. Изменение или прекращение корпоративной сделки в связи с существенным изменением обстоятельств (по аналогии с тем, как последствия существенного изменения обстоятельств для договора описаны законодателем в п. 1 ст. 451 ГК РФ), по нашему мнению, противоречит корпоративным отношениям в целом: хозяйственное общество характеризуется длительным периодом своей деятельности и длительными же связями между его участниками, которые в подавляющем большинстве слу-

²⁶ П. 1, 1.1 ст. 75 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

²⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 30.10.2012 № 6936/12 по делу № А51-12302/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ На основании упомянутого выше принципа большинства при дополнении устава общества ограничениями на отчуждение долей или акций воля миноритариев может противоречить принятому решению, из-за чего они будут вынуждены претерпевать их действие. Такое нарушение автономии воли, по нашему мнению, является спорным, но не лишенным практического основания с точки зрения обеспечения контроля мажоритария за условиями корпоративной сделки.

чаев не зависят от конкретных обстоятельств²⁹. Поэтому одним из принципов построения корпоративного законодательства является возможность его применения независимо от изменения фактических, в том числе политических или экономических, обстоятельств. Мы не исключаем теоретическую состоятельность противоположной позиции, однако рассуждение о применении норм о существенном изменении обстоятельств к корпоративным отношениям и оценка потенциальных последствий этого лежат за рамками темы настоящей работы.

Непосредственно же к нашему исследованию относится механизм расторжения договора в связи с его существенным нарушением. Пункт 2 ст. 450 ГК РФ определяет в качестве существенного нарушение, влекущее для другой стороны такой ущерб, при котором она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Высшие суды, продолжая заданную законодателем линию, последовательно воздерживаются от нормативных разъяснений в отношении понятия существенного нарушения, поддерживая идею полной свободы судебного усмотрения при оценке нарушений и формируя практику лишь через прямое указание на отдельные конкретные нарушения, которые, по мнению суда, являются существенными универсально, то есть независимо от иных обстоятельств³⁰. Поскольку подобные примеры невозможно переложить на корпоративные отношения, наш анализ модели судебного расторжения договора остается ограниченным выделением ее двух ключевых компонентов: во-первых, основанием такого расторжения является нарушение настолько значительное по отношению к договорной связи, что она теряет свой экономический смысл для хотя

бы одной из сторон соглашения, и, во-вторых, право констатировать, что такое нарушение произошло и действительно имело такой эффект, предоставляется только суду.

Подводя промежуточный итог, мы хотели бы сделать вывод о прямой корреляции между механизмами расторжения договора в связи с существенным нарушением и исключения участника. На теоретическом уровне возможно утверждать, что второй является если не формой, то логическим продолжением первого (он приобрел свою специфику и был адаптирован законодателем к корпоративным отношениям): теперь его основанием (первым из названных выше компонентов) является не утрата экономического смысла договорной связи, а существенное затруднение деятельности общества и достижения целей, ради которых оно было создано. Второй компонент (принятие судом решения, констатирующего прекращение относительной правовой связи) дополняется необходимостью определения действительной стоимости доли (акций) для ее дальнейшей выплаты исключаемому участнику.

Для более подробного анализа мы предлагаем обратиться к формулировкам ст. 10 Закона об ООО как исторически первого нормативного закрепления механизма исключения. Норма содержит два важных элемента: требование к участнику, реализующему право требовать исключения, и условие для такого исключения, выраженное в характеристике действий участника-ответчика и их последствий для корпорации.

Закон об ООО прямо указывает, что требовать исключения может только множество участников (один или несколько участников, подающие совместный иск), обладающих в совокупности не менее чем 10 % уставного

²⁹ В деловой практике распространено также создание совместных предприятий или проектных обществ в целях выполнения конкретной задачи, что телеологически более близко к заключению договора для получения определенного экономического блага. В случае если такая задача не может быть достигнута, в том числе из-за изменившихся обстоятельств, участники могут обратиться к специальному статутному механизму принудительной ликвидации общества на основании пп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ.

³⁰ Например, Верховный Суд РФ указал, что неисполнение покупателем обязанности по оплате переданного ему продавцом товара относится к существенным нарушениям условий договора купли-продажи (п. 8 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12).

капитала общества. Сложно не согласиться с Л. В. Кузнецовой, которая выдвинула предположение, что эта цифра выбрана произвольно, и предлагала снизить ее до одного процента³¹, как мы полагаем, по аналогии с нормами об оспаривании экстраординарных сделок общества с ограниченной ответственностью³². В контексте непубличных обществ сложно говорить об эффективности такого низкого барьера, но позиция о необходимости его установки является выражением специфики корпоративных отношений: справедливо и разумно для любого юридического действия, затрагивающего корпорацию, установить такое ограничение (чаще всего формулируемое через определенный процент владения корпоративными правами), которое исключит оппортунистское поведение миноритариев — корпоративный шантаж и прочие формы намеренного затруднения деятельности общества. Такой подход значительно отличается от описанных выше общих механизмов расторжения договорных отношений: в них не существует деления на условно миноритарные и мажоритарные стороны, и каждая из них вправе заявить свое требование об их прекращении, поскольку субъект простого по структуре относительного правоотношения является его ключевым и необходимым элементом. Корпоративный «пучок контрактов» лишен такой простоты ввиду возможной множественности участников корпорации, обладающих разным весом (объемом прав участия) для корпоративного правоотношения в целом. Однако мы полагаем, что специфика механизма исключения не позволяет ограничивать участников корпорации в праве заявлять соответствующее требование независимо от объема их корпоративных прав, что обуславливается тремя причинами, которые будут рассмотрены далее.

Во-первых, ограничение, применимое к оспариванию экстраординарных сделок, затрагивает отношения общества с третьими лицами и положительно влияет на их стабильность

через исключение оппортунистских действий со стороны микроучастников, тем самым обосновывая свое существование. В случае же с требованием об исключении потенциальный спор существует между участниками и затрагивает общество и его контрагентов лишь опосредованно, не создавая прямой угрозы для действительности отдельных сделок и гражданского оборота в целом. Возможный аргумент о том, что действующий 10-процентный барьер также ограничивает оппортунистское поведение, снижает нагрузку с судов и в целом повышает правовую определенность, не подтверждается на практике: участник, обладающий менее чем 10 % уставного капитала общества и желающий подать безосновательный иск к своему товарищу по корпоративной сделке, имеет полное право направить требование о возмещении ему или обществу убытков, причиненных в связи с нарушением обязанностей участника корпорации³³, и для такого требования не существует никакого барьера, равно как и не является актуальной дискуссия о его установлении. С учетом этого и придерживаясь общей позиции, согласно которой материальное право в целом не способно эффективно разрешить проблему оппортунистских исков и перегруженности судебной системы, разумно переложить эту задачу на систему арбитражных судов, которые перед рассмотрением спора по существу должны отказывать в принятии иска в связи с отсутствием реальных оснований для его заявления и тем более удовлетворения. Такой *ex-post*-подход в сравнении с *ex-ante*-барьером устранил ограничения для лиц, действительно нуждающихся в защите своего права на ведение общего дела в рамках корпорации, и обеспечит защиту от оппортунистских исков посредством реального анализа конкретных обстоятельств потенциального спора, а не через установление абстрактного барьера. Кроме того, мы полагаем, что полное устранение *ex-ante*-барьера может быть негативно воспринято оборотом из-за

³¹ Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: практика применения действующего законодательства. М. : Юстицинформ, 2008. С. 116–117.

³² П. 6 ст. 45, п. 4 ст. 46 Закона об ООО.

³³ П. 4 ст. 65.2, п. 1 ст. 67 ГК РФ.

увеличения количества исков об исключении, поэтому возможно применение диспозитивных подходов, таких как закрепление права единогласным решением участников установить процентный барьер в уставе либо включить в него альтернативные механизмы, например «предварительный фильтр» в форме решения общего собрания³⁴.

Во-вторых, природа требования об исключении отличается от иных корпоративных требований, право на заявление которых обусловлено владением определенным объемом корпоративных прав. Так, информационные требования и требования, касающиеся созыва общего собрания участников, являются формой реализации корпоративных прав участника по отношению к обществу, и наряду с описанными выше исками об оспаривании экстраординарных сделок они представляют собой одну из форм реализации права участника осуществлять контроль за деятельностью менеджмента, что также является корпоративным правом по отношению к обществу. Требование об исключении, в свою очередь, не вытекает из прав участника по отношению к обществу — оно направлено к другой стороне корпоративной сделки и выражает природу корпорации как общего дела, участники которого вправе понуждать друг друга выполнять принятые на себя обязательства и в случае их существенного нарушения требовать частичного разрыва товарищеского соглашения в отношении таких нарушителей. Соответственно, отсутствуют основания для применения аналогии с другими корпоративными требованиями с целью объяснения барьера для требований об исключении ввиду их различной природы. Мы не можем выделить и каких-либо экономических оснований, позволяющих ограничивать круг участников, которые могут заявить такое требование, опираясь на существо корпоративной сделки.

В-третьих, обратной стороной 10-процентного барьера является иммунитет от исключения для супермажоритарного участника, пакет корпоративных прав которого превышает 90 %. Такой эффект, помимо прямого противоречия позиции Верховного Суда РФ, согласно которой мажоритарный участник не должен быть защищен от исключения только ввиду размера своего участия в обществе³⁵, признается в юридической науке необоснованным и несправедливым³⁶, а также создает условия для злоупотреблений такого супермажоритарного участника по отношению как к миноритарным участникам, так и к корпорации. Исключение барьера для заявления подобных требований полностью устранило проблему иммунитета супермажоритариев.

Заканчивая рассуждение о процентном барьере для заявления требования об исключении, необходимо отметить, что формулировка абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, вступившего в силу значительно позже аналогичной ст. 10 Закона об ООО и фактически распространяющегося только на непубличные акционерные общества, не содержит каких-либо требований к акционеру, заявляющему требование в том числе к количеству принадлежащих ему акций. Такая дифференциация для различных категорий хозяйственных обществ никак не объяснена законодателем и не соответствует принятой логике корпоративного регулирования, подразумевающей более строгие барьеры для акционеров, а не участников общества с ограниченной ответственностью. С учетом наших рассуждений о справедливости установления барьера независимо от организационно-правовой формы корпорации возможно поставить вопрос о необходимости распространения подхода, отраженного в ГК РФ, на общества с ограниченной ответственностью. С точки зрения юридической техники одним из вариантов такой унификации будет исключение ст. 10 из Закона об ООО, что полностью устранило дублирующее правовое регулирование и лишь

³⁴ Гутников О. В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 2. С. 114–115, 126.

³⁵ П. 8 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах.

³⁶ Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. С. 70–73.

расширит права участников общества с ограниченной ответственностью.

Переходя к основаниям для удовлетворения требования как основному компоненту механизма исключения, мы хотели бы сразу сделать оговорку, что в этой части в качестве превалирующего текста будем использовать формулировку абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ как более актуальную по времени и полную по содержанию (а также потенциально выступающую базой для унификации регулирования, как описано выше) и будем рассматривать разъяснения, формально относящиеся к ст. 10 Закона об ООО, как применимые к институту исключения участника в целом.

Как и при описании существенного нарушения в качестве основания для расторжения договора, законодатель сформулировал условия, выполнение которых требуется для исключения участника, посредством указания на последствия нарушения корпоративных обязанностей: такое нарушение должно причинить существенный вред корпорации либо иным образом затруднить ее деятельность и достижение целей, ради которых она создавалась. Согласно прямому указанию ГК РФ, достигнуть таких последствий, помимо прочего, возможно, «грубо нарушая» свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами корпорации. Нормативное судебское толкование этих положений разделилось на два основных направления: описание конкретных действий, которых достаточно для исключения, и разработку дополнительных условий, которые не следуют прямо из текста ГК РФ.

В первом случае, например, Верховный Суд РФ указал, что основанием для исключе-

ния может являться систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня, а также совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа³⁷, если непринятие таких решений или совершение таких действий причиняет обществу существенный вред и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет³⁸. Воздерживаясь от подробной качественной оценки приведенных оснований³⁹, можно провести параллель между таким судебным толкованием и упомянутыми выше разъяснениями высших судов в отношении критерия существенности нарушения для целей судебного расторжения договора: в обоих случаях суды стремятся унифицировать практику без ущерба для широты и универсальности изначальной нормы закона. Данный подход еще более соответствует специфике корпоративных отношений, где правом задана лишь общая форма отношения, а их наполнение зависит от коммерческих или в целом экономических условий, в отличие от договорного права, подразумевающего, что в рамках одного договорного типа содержание отношений сторон в определенной степени сходно. Научная дискуссия в связи с подобными разъяснениями возникла только в отношении позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой для оценки поведения исключаемого участника имеют значение в том числе действия, которые тот осуществлял от имени общества как его единоличный исполнительный орган или представитель по доверен-

³⁷ В качестве примеров таких действий Верховный Суд РФ приводит причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, экономически необоснованное увольнение всех работников, осуществление конкурирующей деятельности, голосование за одобрение заведомо убыточной сделки.

³⁸ П. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

³⁹ Отдельно следует отметить, что каждое из уточнений, сделанных Верховным Судом РФ, несет в себе значительный оценочный компонент, который не связывает судей, а позволяет им осуществить предметную оценку конкретных действий участника в рамках отдельно взятой корпорации, что в теории должно повысить качество правосудия, но на практике может выразиться в потерянности судов в абстрактных терминах вроде «значимых решений» и «существенного затруднения деятельности общества».

ности⁴⁰. Отражая специфику корпоративного управления в большинстве российских корпораций, такой подход на теоретическом уровне создает смешение правоотношений участия в корпорации и правоотношений управления корпорацией: как утверждала Л. В. Кузнецова, само по себе ненадлежащее осуществление управленческих функций не может являться основанием для исключения, и условием для активации механизма может быть только содействие участника собственным недобросовестным действиям в качестве руководителя⁴¹. Несмотря на то что подобный вывод не нашел поддержки в судебной практике, его предпосылки в части смешения формально не зависящих друг от друга юридических статусов являются верными, и их учет при применении механизма исключения участника лишь демонстрирует, что для эффективного корпоративного регулирования реальные особенности управления *close corporations*⁴², к которым можно отнести большинство российских обществ, имеют большее значение, чем формальное соблюдение структуры гражданского правоотношения.

Возвращаясь к нормативному судебскому толкованию, обратимся ко второй категории разъяснений — установлению высшими судами дополнительных условий его реализации. Одним из них стало требование об отсутствии оснований для исключения лица, заявляющего соответствующий иск⁴³. Хотя практическое значение такого ограничения очевидно⁴⁴, оно

создает потенциальные ситуации «запирания» нескольких участников в корпорации без возможности прекратить корпоративный конфликт с применением предоставленных законом механизмов. Право заявить иск об исключении нарушающего свои обязанности участника не должно восприниматься как универсальное средство разрешения любого корпоративного конфликта, особенно учитывая доступность иных механизмов⁴⁵ и допустимую законом фрустрацию корпоративной сделки, влекущую принудительную ликвидацию общества⁴⁶. Ввиду этого вполне справедливым представляется введение дополнительных ограничений для требования об исключении в условиях корпоративного конфликта, не снижающих эффективности механизма в целом, но лишаящих возможности его оппортунистского использования недобросовестными участниками корпоративной сделки. Верховный Суд РФ пошел по иному пути, видимо опасаясь, что суды нижестоящих инстанций будут необоснованно отказывать в подобных исках при заявлении аргумента о наличии конфликта между участниками корпорации: им было прямо указано, что наличие корпоративного конфликта, а также равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта не является основанием для отказа в иске об исключении участника из общества⁴⁷. Верховный Суд РФ отдельно высказался о том, что закон не устанавливает ограничений на исключение из общества с ограниченной ответ-

⁴⁰ П. 2, 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151.

⁴¹ Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9. С. 11–12.

⁴² O'Kelley C. Filling Gaps in the Close Corporation Contract: A Transaction Cost Analysis // Nw. U. L. Rev. 1992. Vol. 87. No. 216. P. 216–253.

⁴³ П. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

⁴⁴ В ситуации корпоративного конфликта, когда каждая из его сторон может заявить встречные требования об исключении, использование подобной отсечки не допускает возникновения сценария взаимного исключения и потенциальной проблемы исключения всех участников общества в рамках одного спора.

⁴⁵ Об альтернативных средствах разрешения корпоративных конфликтов см., например: Фейзрахманова Д. Р. Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 12–15.

⁴⁶ П. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

⁴⁷ П. 7 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах.

ственностью его участника, обладающего более чем 50 % долей в уставном капитале общества⁴⁸. Проблему иммунитета от исключения мы уже затрагивали выше; полагаем, отсутствуют основания для установления какого-либо порога владения, обеспечивающего участнику защиту от исключения, и приведенное разъяснение только поддерживает эту научную позицию и сдерживает суды от принятия несправедливых решений, опирающихся только на объем корпоративного контроля мажоритария.

Перечисленные нами нормативные разъяснения, с одной стороны, не исключают понимания требования об исключении участника как частного случая судебного расторжения договора, которым выступает корпоративная сделка между участниками корпорации, а с другой — подчеркивают сходство между процедурами исключения участника и расторжения договора в связи с существенным нарушением: в обоих случаях высшие суды применяют аналогичные инструменты при судебном нормотворчестве, косвенно подтверждая, что на уровне правоприменения может быть использован один принцип оценки существенности нарушения применительно и к стороне договора, и к участнику корпорации. Границы этого принципа, как мы уже отмечали, целенаправленно остаются в тексте закона размытыми, и судебные разъяснения сужают его только применительно к экстраординарным ситуациям или к определенным наборам юридических фактов, которые со значительной вероятностью имеют универсальное юридическое последствие независимо от иных обстоятельств спора.

Исходя из этого, мы можем прийти к выводу, что исключение участника действительно по своей сути сходно с расторжением договора при его существенном нарушении, так как оба

механизма объединяет условие их применения — допущение участником или стороной соглашения такого нарушения возложенных на них обязанностей, которое либо лишает юридические отношения экономического смысла, либо существенно затрудняет достижение правовой цели таких отношений. Соответственно, в контексте принципов автономии воли и свободы договора оба механизма вызывают одинаковый вопрос: возможно ли нарушение воли лица и его права на участие в договоре, в том числе в корпоративной сделке, если он допускает достаточно существенное его нарушение. Мы полагаем, что да, ведь интересы лица, поступающего явно противоправно (нарушая взятые на себя договорные или корпоративные обязанности) и недобросовестно (не учитывая экономический смысл этих обязанностей), не могут превалировать над интересами его контрагентов. Данный аргумент более ярко выражен в корпоративном праве, где принят принцип большинства: общество продолжает свою деятельность независимо от деструктивной воли одного из участников, и его выбытие из общества должно иметь относительно ограниченное значение для общества, а следовательно, и гражданского оборота в целом. В то же время законодатель обеспечивает и интересы исключаемого участника, устанавливая требование о выплате ему действительной стоимости доли⁴⁹.

При этом, как уже было отмечено выше, институт исключения участника не лишен теоретических и практических недостатков. Один из них заключается в установлении произвольного 10-процентного барьера для заявления такого требования. Одной из возможных опций его устранения может выступить не только уменьшение порога, но и его полное исключение с передачей функции защиты от оппортунист-

⁴⁸ П. 8 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах.

⁴⁹ Сложно говорить об абсолютной соразмерности ценности доли для участника ее действительной стоимости, как она определяется в соответствии с Законом об ООО, но представляется, что в условиях судебного спора будет затруднено проведение независимой оценки, которая, помимо прочего, в идеале должна учитывать экономическое положение общества до инициации спора об исключении. Частично разрешить эту проблему позволит высказываемое далее предложение об установлении права участников закрепить порядок определения выплачиваемой в случае исключения суммы в уставе.

ского поведения арбитражным судам первой инстанции или установлением альтернативных ограничений, описанных нами выше.

Если же рассуждать об общем соответствии механизма исключения принципам автономии и свободы договора, необходимо отметить его полную императивность. Участники лишены возможности адаптировать применение этого института под иные условия корпоративной сделки, заключенной в отношении конкретного общества, из-за чего, помимо очевидного повышения транзакционных издержек, может возникнуть также ситуация правовой неопределенности: действия, оцениваемые участником как не выполняющие условия исключения, могут быть квалифицированы судом как выполняющие. Мы признаем, что понижение стандарта, изложенного в абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, может негативно сказаться на защите прав участников и в целом противоречит последовательной логике корпоративного правотворчества, из-за чего возможна имплементация диспозитивной нормы по модели п. 5 ст. 434.1 ГК РФ, подразумевающей право участников своим единогласным решением конкретизировать в уставе общества, какие нарушения будут достаточными для исключения. Подобный подход позволит в определенной степени синхронизировать действие механизма исключения с иными договоренностями участников (например, опционами на выкуп одного из участников в тупиковой ситуации или штрафными неустойками за совершение действий, влекущих возникновение такой ситуации), что расширит набор доступных им средств правовой защиты. Важнейшим здесь представляется сохранение экстраординарного характера механизма исключения, что можно обеспечить через ввод дополнительного ограничения для удовлетворения иска: между истцом и ответчиком должны отсутствовать какие-либо договоренности на случай возникновения тупиковой ситуации или существенного нарушения корпоративных обязанностей, которые должны превалировать над статутным механизмом исключения. Только если истцу не удастся эффективно привести в силу эти договоренности

и обеспечить продолжение деятельности общества, возможно будет удовлетворение иска об исключении.

Дополнительно следует разрешить проблему компенсации исключаемому участнику, связанную с ограниченностью расчетов только формально определяемой действительной стоимостью доли. Разумным представляется дополнительно защитить экономический интерес исключаемого участника, предоставив участникам общества право закрепить в уставе порядок определения компенсации, выраженный посредством формулы или указания на независимую оценку, размер которой в любом случае должен составить не менее действительной стоимости изымаемой доли.

Подводя итог исследованию, мы хотели бы еще раз отметить уникальную роль механизма исключения среди корпоративных требований и способов разрешения конфликтов, обеспечиваемого статутной процедурой и широко применяемого на практике. Он является логичным продолжением и частным случаем модели расторжения договора при существенном нарушении и соответствует допущению о договорной природе корпорации. Императивный характер механизма в определенной степени ограничивает свободу совместной деятельности сторон корпоративной сделки и создает для них дополнительные издержки и правовую неопределенность в части квалификации отдельных нарушений как достаточных для исключения. Отдельные элементы этого института, имеющие явно несправедливый и несистемный характер, могут быть излечены точечными изменениями действующего законодательства. В работе предложены также дополнительные модификации института, направленные как на повышение его эффективности при взаимодействии с иными условиями корпоративной сделки, так и на обеспечение его соответствия принципам автономии воли и свободы договора. Дальнейшее рассмотрение темы исследования может быть связано с подробной оценкой критериев исключения участника в контексте существенности нарушения корпоративной сделки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдулкадиров Т. Принудительное исключение участника из непубличной компании : монография. — М. : Юстицинформ, 2021. — 164 с.
2. Бирюков Д. О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / вступ. сл. И. С. Шиткиной. — М. : Статут, 2020. — 300 с.
3. Гутников О. В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 2. — С. 102–127.
4. Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. — 2019. — № 6. — С. 51–107.
5. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. — М. : Норма, Инфра-М, 2014. — 240 с.
6. Коуз Р. Природа фирмы // Теория фирмы. — СПб., 1995. — С. 11–32.
7. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. — М. : Статут, 2014. — 141 с.
8. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. — М. : Статут, 2017. — 160 с.
9. Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: практика применения действующего законодательства. — М. : Юстицинформ, 2008. — 160 с.
10. Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. — 2006. — № 9.
11. Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. — М., 1987. — 176 с.
12. Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 9. — С. 6–33.
13. Майфат А. В., Гордеев П. А. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: диспозитивность регулирования и ее пределы // Журнал российского права. — 2019. — № 4. — С. 35–48.
14. Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М. : Статут, 2013. — С. 314–398.
15. Степанов Д. И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. — 2009. — Т. 9. — № 1. — С. 4–62.
16. Фейзрахманова Д. Р. Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Российская юстиция. — 2020. — № 12. — С. 12–15.
17. Цепов Г. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение корпоративного контракта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 10. — С. 96–113.
18. Чупрунов И. С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 8. — С. 25–68.
19. Чупрунов И. С. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. — 2020. — № 6. — С. 67–167.
20. Eisenberg M. A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. — 1999. — Vol. 24. — No. 4. — P. 819–836.
21. O'Kelley C. Filling Gaps in the Close Corporation Contract: A Transaction Cost Analysis // Nw. U. L. Rev. — 1992. — Vol. 87. — No. 216. — P. 216–253.

Материал поступил в редакцию 16 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abdulkadirov T. Prinuditel'noe isklyuchenie uchastnika iz nepublichnoy kompanii: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2021. — 164 s.
2. Biryukov D. O. Do minor: rekviem dlya minoritariyev v mazhornoj tonalnosti / vstup. sl. I. S. Shitkinoy. — M.: Statut, 2020. — 300 s.
3. Gutnikov O. V. Isklyuchenie uchastnika yuridicheskogo litsa: mera otvetstvennosti i sposob zashchity korporativnykh prav // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2015. — № 2. — S. 102–127.
4. Egorov A. V. Rasporyaditelnye sdelki: vyyti iz sumraka // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2019. — № 6. — S. 51–107.
5. Korshunov N. M. Konvergentsiya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki. — M.: Norma, Infra-M, 2014. — 240 s.
6. Kouz R. Priroda firmy // Teoriya firmy. — SPb., 1995. — S. 11–32.
7. Kuznetsov A. A. Isklyuchenie uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu. — M.: Statut, 2014. — 141 s.
8. Kuznetsov A. A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 160 s.
9. Kuznetsova L. V. Isklyuchenie uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu: praktika primeneniya deystvuyushchego zakonodatelstva. — M.: Yustitsinform, 2008. — 160 s.
10. Kuznetsova L. V. Isklyuchenie uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu // Vestnik VAS RF. — 2006. — № 9.
11. Kulagin M. I. Gosudarstvenno-monopolisticheskii kapitalizm i yuridicheskoe litso. — M., 1987. — 176 s.
12. Lomakin D. V. Kontseptsiya snyatiya korporativnogo pokrova: realizatsiya ee osnovnykh polozheniy v deystvuyushchem zakonodatelstve i proekte izmeneniy Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik VAS RF. — 2012. — № 9. — S. 6–33.
13. Mayfat A. V., Gordeev P. A. Vykход uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu: dispozitivnost regulirovaniya i ee predely // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 4. — S. 35–48.
14. Stepanov D. I. Svoboda dogovora i korporativnoe pravo // Grazhdanskoe pravo i sovremennost: sbornik statey, posvyashchennyy pamyati M. I. Braginskogo / pod red. V. N. Litovkina, K. B. Yaroshenko; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF. — M.: Statut, 2013. — S. 314–398.
15. Stepanov D. I. Ustav kak forma sdelki // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2009. — Т. 9. — № 1. — S. 4–62.
16. Feyzrakhmanova D. R. Korporativnyy dogovor i inye soglasheniya kak pravovoy instrument preduprezhdeniya i razresheniya korporativnykh konfliktov // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 12. — S. 12–15.
17. Tsepov G. V. Isklyuchenie uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu kak prinuditel'noe rastorazhenie korporativnogo kontrakta // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 10. — S. 96–113.
18. Chuprunov I. S. Nachalo «novoy zhizni» v rossiyskom korporativnom prave. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 11.06.2020 № 306-ES19-24912 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 8. — S. 25–68.
19. Chuprunov I. S. Otdelnye problemy realizatsii preimushchestvennogo prava pokupki doli (aktsiy) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2020. — № 6. — S. 67–167.
20. Eisenberg M. A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. — 1999. — Vol. 24. — No. 4. — P. 819–836.
21. O'Kelley C. Filling Gaps in the Close Corporation Contract: A Transaction Cost Analysis // Nw. U. L. Rev. — 1992. — Vol. 87. — No. 216. — P. 216–253.

Мотивы и цели преступления и их поливариантное значение

Аннотация. Все умышленные преступления совершаются либо по определенным мотивам, либо для достижения определенной цели. Безусловно, выявление таких мотивов и целей при расследовании любого уголовного дела, возбужденного по факту совершения умышленного преступления, имеет важное практическое значение. Так, это позволяет, во-первых констатировать наличие или отсутствие признаков состава того или иного преступления; во-вторых, отграничить один состав преступления от другого; в-третьих, признать деяние малозначительным; в-четвертых, назначить виновному справедливое наказание с учетом обстоятельств, его смягчающих и отягчающих, связанных с мотивами и целями преступления; в-пятых, назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление; в-шестых, определить причины совершения преступления и охарактеризовать личность лица, его совершившего. Сгруппировав все мотивы и цели преступления, автор выделяет и описывает такие их разновидности: 1) влияющие на квалификацию; 2) устраняющие общественную опасность деяния; 3) учитываемые при назначении наказания; 4) характеризующие причины совершения преступления, а также личность лица, его совершившего. Кроме того, поднимаются некоторые проблемные вопросы законодательного и правоприменительного характера: о стирании законодателем границ между мотивом и целью преступления; о некорректном применении судами ст. 64 УК РФ в части учета в качестве исключительных обстоятельств тех, которые связаны с целями и мотивами преступления.

Ключевые слова: субъективная сторона состава преступления; мотивы и цели преступления; квалификация; назначение наказания; причины совершения преступления.

Для цитирования: Косыгин В. Е. Мотивы и цели преступления и их поливариантное значение // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 99–111. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.099-111

Motives and Purposes of Crime and their Multiple Meaning

Vsevolod E. Kosygin, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vsevolod.kosygin97@mail.ru

Abstract. All intentional crimes are committed either for certain motives or to achieve a certain goal. Indeed, identifying such motives and goals during the investigation of any criminal case initiated based on the fact of the commission of a deliberate crime is of great practical importance. Thus, it makes it possible, firstly, to establish the

---

© Косыгин В. Е., 2025

* Косыгин Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vsevolod.kosygin97@mail.ru

presence or absence of elements of a particular crime; secondly, to distinguish one crime from another; thirdly, to recognize the act as insignificant; fourthly, to assign a fair punishment to the guilty party, taking into account the circumstances mitigating and aggravating them, related to the motives and goals of the crime; fifthly, to assign a more lenient punishment than that provided for the given crime; sixthly, to determine the reasons for the commission of the crime and to characterize the personality of the person who committed it. Having grouped all the motives and goals of the crime, the author identifies and describes the following types: 1) those that influence their classification; 2) those that eliminate the social danger of the act; 3) those that are taken into account when assigning punishment; 4) those that characterize the reasons for committing the crime, as well as the personality of the person who committed it. In addition, some problematic issues of legislative and law enforcement nature are raised, namely, on legislator's blurring of the boundaries between the motive and purpose of the crime; on the incorrect application by the courts of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of taking into account as exceptional circumstances those that are related to the purposes and motives of the crime.

Keywords: subjective aspect of the crime; motives and purposes of the crime; classification; imposition of punishment; reasons for committing the crime.

Cite as: Kosygin VE. Motives and Purposes of Crime and their Multiple Meaning. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):99-111. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.099-111.

Мотивам и целям преступления в науках криминального цикла¹ уделялось и уделяется самое пристальное внимание. Они являлись предметом исследований ученых дореволюционной (например, Г. С. Фельдштейн²) и советской (например, Б. С. Волков³, П. С. Дагель⁴, Н. А. Дремова⁵, Д. П. Котов⁶, Х. Г. Мелконян⁷, В. С. Орлов⁸, Б. Я. Петелин⁹, Н. А. Стручков¹⁰, С. А. Тарарухин¹¹) России. Не обделены они вниманием и представителей

¹ Под науками криминального цикла для целей настоящей работы понимаются уголовно-правовые науки, такие как уголовное право, криминология и уголовно-процессуальное право.

² *Фельдштейн Г. С.* Природа умысла. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898 ; *Он же.* Учение о формах виновности в уголовном праве. М. : Тип. Т-ва В. Чичерина в Москве, 1902. XII.

³ *Волков Б. С.* Мотив и цель преступления по советскому уголовному праву : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1969.

⁴ *Дагель П. С.* Криминологическое значение субъективной стороны преступления // Социалистическая законность. 1966. № 11. С. 85–89 ; *Он же.* Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления // Социалистическая законность. 1969. № 5. С. 41–45 ; *Дагель П. С., Котов Д. П.* Субъективная сторона преступления и ее установление / науч. ред. Г. Ф. Горский. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1974.

⁵ *Дремова Н. А.* Мотив и цель в преступлениях несовершеннолетних: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.

⁶ *Котов Д. П.* Мотивы преступлений и их доказывание следователем : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1972 ; *Он же.* Мотивы преступлений и их доказывание (вопросы теории и практики). Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1975 ; *Он же.* Цель и целеполагание в неосторожных преступлениях // Проблемы борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции : тематический сборник. Т. 175. Владивосток, 1976.

⁷ *Мелконян Х. Г.* Проблема криминологического исследования мотивов и целей преступного поведения // Личность преступника и уголовная ответственность. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1981.

⁸ *Орлов В. С.* Вина и мотив в преступлениях несовершеннолетних // Вестник МГУ. Право. 1968. № 1. С. 28–34.

⁹ *Петелин Б. Я.* Мотивы и цели совершения преступления // Социалистическая законность. 1968. № 10. С. 40–44.

¹⁰ *Стручков Н. А.* Установление судом субъективной стороны состава преступления // Советская юстиция. 1963. № 20. С. 11–13.

постсоветской (современной) уголовно-правовой науке¹².

Значительный вклад в развитие учения о субъективной стороне преступления внес А. И. Рарог. Именно благодаря ему появилась ясность в вопросах о содержании субъективной стороны и о соотношении ее признаков¹³. Так, А. И. Рарог указывает, что, во-первых, «содержание субъективной стороны преступления исчерпывается тремя признаками: виной, мотивом и целью, которые органически связаны между собой, взаимозависимы и взаимообусловлены»¹⁴, во-вторых, «эмоции не являются элементом психического отношения лица к общественно опасному деянию, а означают психические переживания»¹⁵.

Оригинальная концепция выдвинута С. В. Скляровым. По его мнению, «представляется целесообразным говорить об уголовно-правовом значении мотивов преступного поведения, а не мотива преступления», при этом, с его точки зрения, «мотивы преступного поведения по своему содержанию ничем не отличаются от мотивов правомерного поведения»¹⁶.

Опираясь на достижения уголовно-правовой науки, попробуем аккумулировать базовые знания и представления о мотивах и целях преступления и упорядочить их в работе, излагая при этом собственное видение некоторых вопросов.

Несмотря на довольно частое использование в Уголовном кодексе Российской Федерации терминов «мотив» и «цель», дефиниции таковых законодателем не даются. В этой связи уместно обратиться к уголовно-правовой доктрине за разъяснением того, что понимается под мотивом и целью. Например, А. И. Рарог определяет их следующим образом: «мотив есть обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение, стимулирующее субъекта к волевой деятельности»; «цель представляет собой идеальную мысленную модель будущего результата, к достижению которого стремится субъект»¹⁷. И. Э. Звечаровский так характеризует мотив и цель преступления: «мотив преступления — это обусловленное интересами и потребностями внутреннее побуждение, вызывающее желание лица совершить преступление и решимость действовать в этом направлении»; «цель преступления — это мысленная модель, представление лица о желаемом результате, на достижение которого направлена преступная деятельность»¹⁸.

Как видим, выдающиеся представители современной уголовно-правовой науки дают если не тождественные по своей сути, то очень близкие по смысловому наполнению определения мотива и цели преступления, а поскольку взгляды и представления названных ученых яв-

---

¹¹ Тарарухин С. А. Установление мотива и квалификация преступлений. Киев, 1977. С. 16–26.

¹² См., например: Гарбатович Д. А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 53–73 ; Сатушиев А. Х. Принцип субъективного вменения в конструировании уголовно-правовых норм : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 138–197 ; Маслова Е. В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 217–242.

¹³ Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве : монография / науч. ред. Б. В. Здравомыслов. М. : Проспект, 2022.

¹⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М. : Проспект, 2023. Гл. 10, § 1 (автор главы — А. И. Рарог). С. 173.

¹⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник. Гл. 10, § 1 (автор главы — А. И. Рарог). С. 171.

¹⁶ Скляров С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10–11.

¹⁷ Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве : монография. С. 82.

¹⁸ Звечаровский И. Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. М. : Проспект, 2024. С. 208.

ляются доктринаобразующими, приведенные определения можно взять за основу для целей настоящего исследования.

Вместе с тем позволим себе высказать некоторые соображения относительно используемой в уголовно-правовой доктрине терминологии. Устоявшимся стало словосочетание «мотивы и цели преступления». При этом преступлением, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, признается «виновно совершенное общественно опасное деяние (курсив мой. — В. К.), запрещенное... Кодексом под угрозой наказания». Вряд ли уместно в отношении преступления, понимаемого как некое деяние, то есть действие или бездействие, употреблять термины «мотив» и «цель». Мотивы и цели могут быть только у субъекта преступления, внутри которого протекает определенная психическая деятельность, включающая в себя в том числе мотивы и цели. В этой связи более корректным с точки зрения русского языка является словосочетание «преступные¹⁹ мотивы и цели». При этом преступными они являются не сами по себе, а потому, что они обуславливают совершение преступления.

На основании изложенного далее в работе будет употребляться словосочетание «преступные мотивы и цели», при этом с точки зрения его смыслового наполнения оно будет использоваться как равнозначное словосочетанию «мотивы и цели преступления».

В юридической литературе можно встретить такие характеристики значения мотивов и целей преступления. В учебнике по Общей части уголовного права под редакцией В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой отмечается, что «мотив и цель могут быть, во-первых, обязательными элементами конкретных составов

преступлений; во-вторых, включены законодателем в статьи Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующих преступление признаков; в-третьих, учтены в качестве смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств при индивидуализации наказания»²⁰. Такое понимание значения мотивов и целей вызывает некоторые вопросы. Во-первых, традиционно в теории уголовного права мотив и цель относят к признакам субъективной стороны преступления как одного из элементов состава преступления²¹, но не к элементам, как их назвала автор. Называя мотивы и цели преступления элементами, автор создает путаницу между элементами и признаками состава преступления. Если мотивы и цели — это элементы, то что тогда признаки? Или их вообще нет? Во-вторых, приведенная характеристика значения мотивов и целей преступления очевидно неполная. Как минимум, автор не упоминает, во-первых, о том, что мотивы и цели преступления могут являться исключительными обстоятельствами, дающими суду возможность для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ); во-вторых, о том, что мотивы и цели преступления могут устранять общественную опасность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Как максимум, автор оставила без внимания и то, что мотивы и цели преступления могут иметь не только уголовно-правовое значение, но и криминологическое²².

По мнению Т. М. Сидиковой и Л. Х. Караевой, уголовно-правовое значение мотивов и целей как признаков субъективной стороны преступления довольно многогранное:

1) они могут являться основными признаками состава преступления, если указаны в дис-

¹⁹ Указание на преступность мотивов и целей детерминировано тем, что мотивы и цели могут быть и правомерными, т.е. обуславливать правомерное поведение.

²⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. Гл. XII. Субъективная сторона преступления, § 8 (автор главы — И. М. Тяжкова). С. 344–349.

²¹ См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М. : Проспект, 2023. Гл. 6. Состав преступления, § 1 (автор главы — Д. М. Молчанов). С. 91.

²² Данное обстоятельство, вероятно, связано с тем, что вопрос о значении мотива и цели преступления освещается в учебнике по уголовному праву, поэтому это скорее просто констатация факта, нежели упрек в сторону автора.

позиции конкретной статьи. При их отсутствии нет состава преступления;

2) могут выступать в качестве признаков, наличие которых составляет квалифицированный состав преступления;

3) являются обстоятельствами, которые смягчают или отягчают наказание²³.

Данная характеристика значения мотивов и целей преступления также небызупречна. Первое — авторы явно смешивают такие понятия, как «статья закона» и «норма права». Диспозиция является одним из структурных элементов нормы права, а не статьи закона, поэтому словосочетание «диспозиция статьи» представляется некорректным. Второе — как и предыдущее, это понимание является неполным: оставлены без внимания иные аспекты значения мотивов и целей преступления, которые приведены выше.

На основании изложенного с целью отражения всех аспектов значения преступных мотивов и целей последние можно подразделить:

1) на влияющие на квалификацию преступления;

2) устраняющие общественную опасность деяния;

3) учитываемые при назначении наказания;

4) характеризующие причины совершения преступления, а также личность лица, его совершившего.

К первой группе относятся те преступные мотивы и цели, которые служат криминообразующими или квалифицирующими либо особо квалифицирующими признаками состава преступления. Преступные мотивы и цели, входящие в эту группу, позволяют отграничить преступное деяние от непроступного, один состав преступления от другого — смежного. Так, в составах кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ), присвоения, растраты (ст. 160 УК РФ) и грабежа (ч. 1 ст. 161 УК РФ) криминообразующим признаком, в силу примечания 1 к ст. 158 УК РФ, является корыстная цель.

Поскольку названная цель в качестве признака введена в указанные выше составы преступлений, она становится их обязательным признаком, а значит, при ее отсутствии отсутствует и состав преступления в целом.

Примерами того, как с помощью мотивов и целей можно отграничить один состав преступления от другого, могут послужить составы убийства (ст. 105 УК РФ) и террористического акта (ст. 205 УК РФ). Так, обязательным признаком субъективной стороны террористического акта является специальная цель — дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. В этой связи если лицо совершает преступление, внешне сходное с террористическим актом, но не преследует при этом названную выше цель, то состав террористического акта отсутствует.

Так, 26 мая 1999 г. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 205 УК РФ по факту совершения неустановленными лицами взрыва автомобиля, стоявшего на перекрестке улиц, повлекшего причинение вреда здоровью находившихся рядом со взрывом Я. и Х. После установления лиц, совершивших данное деяние, уголовное преследование в отношении них по ч. 1 ст. 205 УК РФ было прекращено, а деяние переквалифицировано на ч. 3 ст. 30, п. «е», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Впоследствии, после выявления мотива совершенного преступления, установленным лицам было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 3 ст. 30, п. «а», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ²⁴.

Как видим, возбуждая уголовное дело, органы предварительного расследования, ввиду неустановления всех фактических обстоятельств дела, опираясь главным образом на внешние признаки совершенного преступления (производство взрыва), квалифицировали содеянное неустановленными на тот момент лицами по ч. 1 ст. 205 УК РФ. Однако в ходе предваритель-

---

²³ Сидакова Т. М., Караева Л. Х. Мотив и цель как признаки субъективной стороны преступления // Вестник магистратуры. 2019. № 5-5 (92). С. 74.

²⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.11.2013 № 11-АП/13-38 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/VgBysRtPXrbX/> (дата обращения: 28.04.2024).

ного расследования, установив лиц, совершивших преступление, их мотивы (наличие корыстных побуждений) и отсутствие цели теракта, обоснованно переквалифицировали содеянное на ч. 3 ст. 30, п. «а», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На основе анализа уголовного законодательства РФ можно привести следующий примерный (неисчерпывающий) перечень таких мотивов и целей:

1) *мотивы*:

- кровная месть (п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- корыстные побуждения (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «з» ч. 2 ст. 126, ст. 153, ст. 154, ст. 155, п. «з» ч. 2 ст. 206, п. «г» ч. 2 ст. 207.3, ч. 1–3 ст. 215.2, ч. 3–5 ст. 215.3, ч. 2 ст. 228.2, ч. 1, 2 ст. 245, п. «г» ч. 2, 3 ст. 280.4 УК РФ);

- хулиганские побуждения (п. «и» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 2 ст. 167, ч. 1, 2, 4 ст. 207, ч. 1–3 ст. 215.2, ч. 3–5 ст. 215.3, ч. 1, 2 ст. 245, ст. 267.1 УК РФ);

- политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «д» ч. 2 ст. 207.3, п. «б» ч. 1, ч. 2, 3 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244, п. «д» ч. 2 ст. 280.4 УК РФ);

- корыстная или иная личная заинтересованность (ч. 1–3 ст. 145.1, ст. 170, ст. 181, ч. 1–3 ст. 285, ч. 1, 2 ст. 285.4, ч. 3–5 ст. 286, ч. 1, 2 ст. 292, ч. 3 ст. 299, ч. 1 ст. 325 УК РФ);

2) *цели*:

- сокрытие другого преступления или облегчение его совершения (п. «к» ч. 2 ст. 105, ч. 4 ст. 327 УК РФ);

- использование органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ);

- эксплуатация человека (ч. 1 ст. 127.1 УК РФ);

- оказание влияния на решения избирательной комиссии, комиссии референдума (ч. 3 ст. 141 УК РФ);

- достижение определенного результата на выборах (ч. 1 ст. 141.1 УК РФ);

- сбыт (ч. 2, 3 ст. 146, ч. 1–6 ст. 171.1, ч. 1–3 ст. 186, ч. 1, 2 ст. 187, ч. 1–3 ст. 191.1, ч. 1–3 ст. 234, ч. 1–3 ст. 234.1, ч. 1, 2 ст. 234.2, ч. 1, 2 ст. 238, ч. 1–2 ст. 238.1, ч. 2 ст. 282.4, ч. 1, 2 ст. 326, ч. 3, 4 ст. 327, ч. 1, 3, 5, 6 ст. 327.1, ч. 1–3 ст. 327.2 УК РФ);

- оскорбление религиозных чувств верующих (ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ);

- корысть (ст. 158–159.3, ст. 159.5–161, ст. 164, ст. 221, ст. 226, ст. 229 УК РФ);

- хищение (ст. 162 УК РФ).

Можно заметить, что законодатель признает корысть и мотивом (корыстные побуждения, корыстная заинтересованность), и целью (корыстная цель) преступления. Представляется, что признание одного и того же явления (корысти) в одних составах преступления мотивом (например, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а в других — целью (например, ст. 158 УК РФ) стирает и без того тонкую грань между мотивом и целью как таковыми. Как верно замечает С. М. Кочои, «мотив и цель — понятия, не совпадающие по содержанию, их нельзя отождествлять»²⁵. В этой связи необходимо разобраться с тем, что представляет собой корысть как социальное негативное явление и как она характеризуется ввиду отсутствия законодательной дефиниции в разъяснительной практике Пленума Верховного Суда РФ.

В словарях русского языка под корыстью понимают «выгоду, материальную пользу»²⁶. Пленум Верховного Суда РФ в целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного закона предлагает под корыстной целью как обязательным признаком хищения понимать «стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его

²⁵ Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 134.

²⁶ См., например: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12049> (дата обращения: 20.04.2024).

в обладание других лиц, круг которых не ограничен»²⁷. Из этого следует, что высшая судебная инстанция определяет корыстную цель как некое стремление. Стремление — это «настойчивое желание чего-нибудь добиться, что-нибудь осуществить; устремленность к чему-нибудь»²⁸. Строго говоря, определение корыстной цели через стремление к чему-нибудь вносит еще большую путаницу, так как оно в равной мере подходит и под определение мотива (внутреннее побуждение), и под определение цели (мысленная модель будущего результата). Еще больше усугубляет ситуацию то, что применительно к злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), обязательным признаком которого является корыстная заинтересованность, Пленум Верховного Суда РФ определяет таковую также через стремление²⁹.

Отстаивая свою позицию о том, что корысть не является целью хищения, С. М. Кочои приводит следующие доводы: «1) во всех без исключения статьях УК РФ, в которых упомянута корысть, кроме статей о хищении, она характеризует мотив преступления; 2) в ст. 52 УК РФ (ч. 2)³⁰ преступления, за которые назначается конфискация имущества (к ним относится и хищение чужого имущества), названы преступлениями, совершаемыми из корыстных побуждений, а не с корыстной целью; 3) в УК РФ 1960 г. к обстоятельствам,отягающим ответственность,

также относилась не корыстная цель, а корыстные побуждения (ст. 39, п. 3)»³¹.

Отсюда он приходит к выводам о том, что, во-первых, «имеются достаточные основания для отнесения в уголовном законодательстве РФ слова “корысть” к характеристике исключительно мотива совершения преступления», во-вторых, «цель при хищении не может быть названа “корыстной”»³². С данными выводами, безусловно, следует согласиться.

В эту же группу можно включить те преступные мотивы и цели, которые хотя формально (де-юре) и не являются признаками состава преступления, но фактически (де-факто) с неизбежностью вытекают из сущности того или иного преступления. Так, составы получения (ст. 290 УК РФ) и дачи (ст. 291 УК РФ) взятки, коммерческого (ст. 204 УК РФ) и иных видов (ст. 184, 200.5, 200.7, 309 УК РФ) подкупа формально не содержат в себе признаки мотива и цели, однако анализ социальной сущности этих преступлений позволяет констатировать, что обязательным признаком получения взятки / пассивного подкупа является корыстный мотив, а дачи взятки / активного подкупа — специальная цель — побудить подкупаемое лицо к совершению в интересах лица, дающего незаконное вознаграждение, действий (бездействия), связанных с исполнением им своих профессиональных (в том числе служебных) обязанностей³³.

---

²⁷ П. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2024).

²⁸ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30779> (дата обращения: 20.04.2024).

²⁹ См.: п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2024).

³⁰ Статья 52 УК РФ утратила силу (см.: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2024)), однако это обстоятельство не умаляет аргументации ученого, так как пусть даже и в ретроспективе, но это показывает отношение законодателя к вопросу о соотношении мотива и цели преступления.

³¹ Кочои С. М. Указ. соч. С. 134–135.

³² Кочои С. М. Указ. соч. С. 136–137.

³³ Подробнее об этом см.: Косыгин В. Е. Специальные виды служебного подкупа в уголовном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 124–128, 142–144 ; Он же. Уголовная ответственность

Ко второй группе относятся те преступные мотивы и цели, которые устраняют общественную опасность того или иного деяния, делая его малозначительным. В уголовном законе норма о малозначительном деянии (ч. 2 ст. 14 УК РФ) сформулирована предельно лапидарно, что выражается, в частности, в отсутствии в ней критериев, на основании которых можно признать деяние малозначительным. В связи с этим правоприменитель в лице высшего судебного органа вынужден был самостоятельно определить круг обстоятельств, на которые судам следует обращать внимание при разрешении вопроса о признании деяния малозначительным. Так, по мнению Пленума Верховного Суда, к таким обстоятельствам относятся: характер совершенного деяния, роль лица в его совершении, тяжесть наступивших последствий, содержание *мотивов и целей* и иные обстоятельства³⁴.

В учебной литературе приводится следующий пример того, когда мотивы и цели совершаемого преступления могут привести к признанию деяния малозначительным: «Так, несмотря на то что в Уголовном кодексе предусмотрена ответственность за незаконное хранение оружия, суд признал такое деяние малозначительным, поскольку виновный забрал у своего приятеля оружие для того, чтобы тот не совершил самоубийство»³⁵.

К третьей группе относятся те преступные мотивы и цели, которые, во-первых, предусмотрены в ч. 1 ст. 61 и ч. 1 ст. 63 УК РФ и подлежат обязательному учету в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание при его назначении, во-вторых, связываются с наличием исключительных обстоятельств, являющихся основанием для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ч. 1 ст. 64 УК РФ).

Например, к числу смягчающих наказание обстоятельств относится мотив сострадания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а к отягчающим — мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), мотив мести за правомерные действия других лиц, цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е.1» ч. 1 ст. 63 УК РФ), цель пропаганды, оправдания или поддержки терроризма (п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ), цель пропаганды, оправдания или поддержки диверсии (п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Перечисленные преступные мотивы и цели предусмотрены на тот случай, если они не являются криминообразующим или (особо-) квалифицирующим признаком состава преступления, но должны, по мысли законодателя, приниматься во внимание судом при назначении наказания либо в сторону его смягчения, либо в сторону его отягчения.

В качестве исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, по сути, могут выступать самые разнообразные цели и мотивы преступления, поскольку, как известно, перечень смягчающих наказание обстоятельств является открытым, а это значит, что по усмотрению суда могут быть признаны в качестве таковых и те, которые вообще не упоминаются в уголовном законе. Главное, чтобы они существенно уменьшали степень общественной опасности преступления, а не просто характеризовали личность виновного.

Порой в судебной практике можно встретить некорректное применение ст. 64 УК РФ в части учета в качестве исключительных обстоятельств тех, которые связаны с целями и мотивами преступления.

за подкуп арбитра (третейского судьи): критический анализ // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7 (140). С. 116.

³⁴ П. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.04.2024).

³⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М. : Проспект, 2023. Гл. 4. Преступление, § 2 (автор главы — Т. Д. Устинова). С. 77.

Так, Ф. И. О.1 был осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за то, что он, обнаружив чужую банковскую карту, лежащую на земле возле магазина, совершил несколько эпизодов тайного хищения денежных средств с банковского счета, открытого на имя Б. А. В., путем оплаты бесконтактным способом через терминал покупок товаров в магазинах. Суд, не установив отягчающих наказание обстоятельств, признав в качестве смягчающих наказание обстоятельств активное способствование расследованию преступления, наличие у подсудимого трех малолетних и одного несовершеннолетнего детей, добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступления, применил положения ст. 64 УК РФ, указав: «Согласно ст. 64 УК РФ, суд признает установленные в отношении Ф. И. О.1 смягчающие наказание обстоятельства, *связанные с целью и мотивом преступления* (курсив мой. — В. К.), его поведением во время и после преступления, исключительными, существенно уменьшающими степень общественной опасности совершенного им преступления»³⁶.

Как видим, применяя положения ст. 64 УК РФ, суд учел в том числе обстоятельства, связанные с целью и мотивом преступления. Однако анализ фактических обстоятельств данного дела показывает, что виновное лицо, совершая кражу с банковского счета, преследовало только корыстную цель, являющуюся криминообразующим признаком состава кражи; какие-либо иные мотивы и цели, обусловившие совершение данного преступления, в приговоре не нашли отражения. Таким образом, неясно, какие обстоятельства, связанные с целью и мотивом, суд признал исключительными. Безусловно, корыстная цель в данном случае не является таковой, так как она, будучи криминообразующим признаком состава кражи, априори не может существенно уменьшать степень общественной опасности преступления. Если же суд, применяя ст. 64 УК РФ, опирался главным образом на дру-

гие обстоятельства, которые связаны с поведением виновного во время и после преступления, то зачем было признавать исключительными также обстоятельства, связанные с целями и мотивами преступления? Впрочем, это вопрос риторический.

Между тем на основе описанных фактических обстоятельств можно смоделировать ситуацию, при которой преступный мотив действительно может выступить в качестве исключительного обстоятельства, существенно уменьшающего степень общественной опасности преступления. Допустим, виновное лицо совершило тайное хищение с банковского счета не потому, что желало приобрести для себя какие-то товары, а потому, что хотело купить на похищенные денежные средства дорогостоящие лекарства, жизненно необходимые его тяжелобольной матери. При таких обстоятельствах внутренним побуждением, обусловившим совершение преступления, наряду с корыстной целью (а точнее — мотивом) является мотив сострадания, который законодатель признает смягчающим наказание обстоятельством (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Наличие этого мотива можно признать исключительным обстоятельством, связанным с мотивом преступления, что дает законные основания для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

К четвертой группе относятся те преступные мотивы и цели, которые имеют значение только с позиции выявления причин совершения того или иного преступления, а также характеристики личности лица, его совершившего (криминологическое значение). Это могут быть самые разнообразные преступные мотивы и цели, в том числе и те, которые вообще не упоминаются в уголовном законе.

Анализ судебной практики показывает, что преступными мотивами и целями, характеризующими причины совершения преступления, а также личность лица, его совершившего, являются, например: ревность³⁷, личная неприязнь³⁸,

---

³⁶ Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 27.09.2023 по делу № 1-332/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 16.04.2024).

³⁷ Приговор Ингондинского районного суда г. Читы от 24.10.2023 по делу № 1-465/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 15.04.2024).

чувство несостоятельности, зависти³⁹, карьеризм⁴⁰, месть⁴¹, обида⁴², жалость, сострадание⁴³.

В частности, «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), как правило, совершается на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений.

Так, 18 сентября 2023 г. около 18 часов М. М. М., находясь в состоянии алкогольного опьянения во дворе <адрес>, в ходе ссоры, на почве личной неприязни, в ответ на противоправное поведение Ф. И. О.10, схватившего ее за волосы, действуя с целью умышленного убийства, нанесла Ф. И. О.10 один удар ножом в область расположения жизненно важных органов, в результате чего наступила смерть последнего⁴⁴.

Как видим, суд указал на преступную цель — «умышленное убийство» («действуя с целью умышленного убийства»). Однако уголовный закон определяет убийство как умышленное причинение смерти другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Получается, что виновная умышленно причинила смерть потерпевшему с целью умышленного причинения смерти? Думается, что правильнее говорить не о цели убийства, а об умысле на лишение жизни другого человека. А цель здесь вообще отсутствует, но присутствует преступный мотив — личная неприязнь к потерпевшему («на почве личной неприязни»). Именно она стала тем внутренним побуждением, которое обусловило совершение данного преступления.

В приведенном примере мотив, обусловивший совершение преступления, не влияет ни на уголовно-правовую оценку содеянного (квалификацию), ни на назначение наказания с точки зрения обязательного учета обстоятельств, его смягчающих или отягчающих. Но вместе с тем, в силу ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, по любому уголовному делу подлежат доказыванию, в частности, «виновность лица в совершении преступления, форма его вины и *мотивы* (курсив мой. — В. К.)» (п. 2), поэтому мотив нашел свое отражение в упомянутом приговоре суда.

В завершение исследования можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. На основе анализа законодательного определения преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) доказана некорректность устоявшегося в уголовно-правовой доктрине словосочетания «мотивы и цели преступления». Более корректным с точки зрения русского языка видится использование словосочетания «преступные мотивы и цели» с оговоркой, что преступными они являются не сами по себе, а потому, что они обуславливают совершение преступления.

2. Анализ юридической литературы показал, что в теории и науке уголовного права значение мотивов и целей преступления, как правило, сводят к влиянию их на квалификацию и на назначение наказания, причем последнее ограничивают указанием лишь на смягчающие (ст. 61

³⁸ Приговор Копейского районного суда Челябинской области от 27.10.2023 по делу № 1-330/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 15.04.2024).

³⁹ Приговор Лабинского городского суда Краснодарского края от 21.07.2021 по делу № 1-70/2021 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴⁰ Приговор Заводского районного суда г. Саратова от 12.09.2023 по делу № 1-328/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴¹ Приговор Медногорского городского суда от 13.10.2023 по делу № 1-70/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴² Приговор Иультинского районного суда Чукотского автономного округа от 11.10.2023 по делу № 1-39/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴³ Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 27.07.2021 по делу № 1-583/2021 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 16.04.2024).

⁴⁴ Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ от 25.12.2023 по делу № 1-910/2023 // Официальный сайт Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ. Судебное делопроизводство. URL: <https://zheleznodorozhniy-bur.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

УК РФ) и отягчающие (ст. 63 УК РФ) наказание обстоятельства, связанные с мотивами и целями преступления, оставляя за бортом ст. 64 УК РФ.

Ввиду этого автором предпринята попытка раскрыть в том числе и те аспекты значения мотивов и целей преступления, которым не уделяется должного внимания в юридической печати.

3. Установлено, что законодатель смешивает понятия «мотив» и «цель» применительно к корысти, называя ее в одном случае целью, а в других — побуждением или заинтересованностью. Безусловно, данное обстоятельство негативно сказывается на правоприменении. Поэтому следует согласиться с учеными в том, что корысть как негативное социальное явление должна относиться в уголовном законодательстве РФ исключительно к характеристике мотива преступления.

4. На основе анализа судебной практики можно констатировать, что суды, применяя норму, предусмотренную статьей 64 УК РФ, в части, связанной с мотивами и целями преступления, порой не приводят в приговоре, какие именно мотивы и цели преступления признаются ими

исключительными обстоятельствами. Думается, что если бы на этот счет имелись разъяснения высшей судебной инстанции, то нижестоящие суды подходили бы более ответственно к этому вопросу. Эти разъяснения могли бы выглядеть, например, так: «При разрешении вопроса о назначении наказания более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление, судам следует приводить в приговоре те обстоятельства, связанные с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления и т.д., которые они признают исключительными. Например, если суд усматривает исключительные обстоятельства, связанные с целями и мотивами преступления, то ему надлежит привести в описательно-мотивировочной части приговора, какие конкретно цели и (или) мотивы преступления он признает таковыми».

5. Выявлено, что к мотивам, имеющим криминологическое значение, на практике относятся, например, ревность, личная неприязнь, чувство несостоятельности, зависти, карьеризм, месть, обида, жалость, сострадание.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волков Б. С. Мотив и цель преступления по советскому уголовному праву : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.00. — Казань, 1969. — 619 с.
2. Гарбатович Д. А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Челябинск, 2004. — 208 с.
3. Дагель П. С. Криминологическое значение субъективной стороны преступления // Социалистическая законность. — 1966. — № 11. — С. 85–89.
4. Дагель П. С. Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления // Социалистическая законность. — 1969. — № 5. — С. 41–45.
5. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление / науч. ред. Г. Ф. Горский. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1974. — 243 с.
6. Дремова Н. А. Мотив и цель в преступлениях несовершеннолетних: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00. — М., 1972. — 332 с.
7. Звечаровский И. Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. — М. : Проспект, 2024. — 480 с.
8. Косыгин В. Е. Специальные виды служебного подкупа в уголовном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. — М., 2023. — 197 с.
9. Косыгин В. Е. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи): критический анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7 (140). — С. 109–120.
10. Котов Д. П. Мотивы преступлений и их доказывание (вопросы теории и практики). — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1975. — 152 с.

11. Котов Д. П. Мотивы преступлений и их доказывание следователем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00. — Воронеж, 1972. — 295 с.
12. Котов Д. П. Цель и целеполагание в неосторожных преступлениях // Проблемы борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции : тематический сборник. — Т. 175. — Владивосток, 1976. — С. 40–46.
13. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — М., 1999. — 343 с.
14. Маслова Е. В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Н. Новгород, 2017. — 300 с.
15. Мелконян Х. Г. Проблема криминологического исследования мотивов и целей преступного поведения // Личность преступника и уголовная ответственность. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1981. — С. 53–63.
16. Орлов В. С. Вина и мотив в преступлениях несовершеннолетних // Вестник МГУ. Право. — 1968. — № 1. — С. 28–34.
17. Петелин Б. Я. Мотивы и цели совершения преступления // Социалистическая законность. — 1968. — № 10. — С. 40–44.
18. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве : монография / науч. ред. Б. В. Здравомыслов. — М. : Проспект, 2022. — 192 с.
19. Сатушиев А. Х. Принцип субъективного вменения в конструировании уголовно-правовых норм : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Ростов н/Д, 2008. — 213 с.
20. Сидакова Т. М., Караева Л. Х. Мотив и цель как признаки субъективной стороны преступления // Вестник магистратуры. — 2019. — № 5-5 (92). — С. 73–76.
21. Складов С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — М., 2004. — 45 с.
22. Стручков Н. А. Установление судом субъективной стороны состава преступления // Советская юстиция. — 1963. — № 20. — С. 11–13.
23. Тарарухин С. А. Установление мотива и квалификация преступлений. — Киев, 1977. — 151 с.
24. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. — М. : Статут, 2012. — 879 с.
25. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. — М. : Проспект, 2023. — 584 с.
26. Фельдштейн Г. С. Природа умысла. — М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898. — 22 с.
27. Фельдштейн Г. С. Учение о формах виновности в уголовном праве. — М. : Тип. Т-ва В. Чичерина в Москве, 1902. — XII. — 571 с.

Материал поступил в редакцию 22 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volkov B. S. Motiv i tsel prestupleniya po sovetскому уголовному праву: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.00. — Kazan, 1969. — 619 s.
2. Garbatovich D. A. Kvalifikatsiya ugolovno-pravovykh deyanii po subektivnoy storone: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — Chelyabinsk, 2004. — 208 s.
3. Dage P. S. Kriminologicheskoe znachenie subektivnoy storony prestupleniya // Sotsialisticheskaya zakonnost. — 1966. — № 11. — S. 85–89.
4. Dage P. S. Ugolovno-pravovoe znachenie motiva i tseli prestupleniya // Sotsialisticheskaya zakonnost. — 1969. — № 5. — S. 41–45.

5. Dagel P. S., Kotov D. P. Subektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie / nauch. red. G. F. Gorskiy. — Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1974. — 243 s.
6. Dremova N. A. Motiv i tsel v prestupleniyakh nesovershennoletnikh: ugovolno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.00. — M., 1972. — 332 s.
7. Zvecharovskiy I. E. Ugolovnoe pravo Rossii: kurs Obshchey chasti, vo mnogom opredelyayushchey deystvennost polozheniy ego chasti Osobennoy: uchebnik. — M.: Prospekt, 2024. — 480 s.
8. Kosygin V. E. Spetsialnye vidy sluzhebnogo podkupa v ugovolnom zakonodatelstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4. — M., 2023. — 197 s.
9. Kosygin V. E. Ugolovnaya otvetstvennost za podkup arbitra (treteyskogo sudi): kriticheskiy analiz // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 7 (140). — S. 109–120.
10. Kotov D. P. Motivy prestupleniy i ikh dokazyvanie (voprosy teorii i praktiki). — Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1975. — 152 s.
11. Kotov D. P. Motivy prestupleniy i ikh dokazyvanie sledovatelem: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.00. — Voronezh, 1972. — 295 s.
12. Kotov D. P. Tsel i tselepolaganie v neostorozhnykh prestupleniyakh // Problemy borby s prestupnostyu v usloviyakh nauchno-tekhnicheskoy revolyutsii: tematicheskiy sbornik. — T. 175. — Vladivostok, 1976. — S. 40–46.
13. Kochoi S. M. Otvetstvennost za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti po zakonodatelstvu Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. — M., 1999. — 343 s.
14. Maslova E. V. Fakultativnye priznaki subektivnoy storony sostava prestupleniya: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — N. Novgorod, 2017. — 300 s.
15. Melkonyan Kh. G. Problema kriminologicheskogo issledovaniya motivov i tseley prestupnogo povedeniya // Lichnost prestupnika i ugovnaya otvetstvennost. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1981. — S. 53–63.
16. Orlov V. S. Vina i motiv v prestupleniyakh nesovershennoletnikh // Vestnik MGU. Pravo. — 1968. — № 1. — S. 28–34.
17. Petelin B. Ya. Motivy i tseli soversheniya prestupleniya // Sotsialisticheskaya zakonnost. — 1968. — № 10. — S. 40–44.
18. Rarog A. I. Vina v sovetskom ugovolnom prave: monografiya / nauch. red. B. V. Zdravomyslov. — M.: Prospekt, 2022. — 192 s.
19. Satushiev A. Kh. Printsip subektivnogo vmeneniya v konstruirovanii ugovolno-pravovykh norm: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — Rostov n/D, 2008. — 213 s.
20. Sidakova T. M., Karaeva L. Kh. Motiv i tsel kak priznaki subektivnoy storony prestupleniya // Vestnik magistratury. — 2019. — № 5-5 (92). — S. 73–76.
21. Sklyarov S. V. Vina i motivy prestupnogo povedeniya kak osnovanie differentsiatsii i individualizatsii ugovolnoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. — M., 2004. — 45 s.
22. Struchkov N. A. Ustanovlenie sudom subektivnoy storony sostava prestupleniya // Sovetskaya yustitsiya. — 1963. — № 20. — S. 11–13.
23. Tararukhin S. A. Ustanovlenie motiva i kvalifikatsiya prestupleniy. — Kiev, 1977. — 151 s.
24. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast: uchebnik dlya vuzov / pod red. V. S. Komissarova, N. E. Krylovoy, I. M. Tyazhkovoy. — M.: Statut, 2012. — 879 s.
25. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast: uchebnik / pod red. I. E. Zvecharovskogo. — M.: Prospekt, 2023. — 584 s.
26. Feldshteyn G. S. Priroda umysla. — M.: T-vo tip. A. I. Mamontova, 1898. — 22 s.
27. Feldshteyn G. S. Uchenie o formakh vinovnosti v ugovolnom prave. — M.: Tip. T-va V. Chicherina v Moskve, 1902. — XII. — 571 s.

Квалификация морского пиратства в условиях автономного судовождения

Аннотация. В работе исследуются особенности квалификации морского пиратства как уголовного преступления в условиях использования морских судов с высоким уровнем автономности. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу применения уголовно-правовой нормы об ответственности за пиратство при нападении на морские автономные надводные суда. Цель исследования состоит в выявлении особенностей квалификации указанного преступления, если оно совершается посредством нападения на морские суда без экипажа, а также применимости соответствующей нормы уголовного законодательства к данному деянию. На основании уголовно-правового анализа нормы уголовного права автором исследована возможность фактической реализации признаков пиратства в условиях нападения на морские суда различного уровня автономности. С использованием метода моделирования ситуаций пиратских нападений на автономные суда высказана гипотеза о невозможности квалификации подобных актов при совершении их в отношении судов, управляемых полностью удаленно (при отсутствии членов экипажа на борту), а также управляемых посредством использования технологий искусственного интеллекта. Указанный вывод с некоторыми оговорками подтверждает исследуемый в работе тезис о том, что внедрение в мореходную практику технологий автономного судовождения позволит снизить число актов пиратских нападений, однако резюмируется, что достижение подобного результата в основном будет связано с невозможностью квалификации совершенных деяний в качестве пиратства по причине фактического отсутствия некоторых обязательных юридических признаков пиратства, закрепленных в законодательстве.

Ключевые слова: автономное судоходство; морское пиратство; преступление; автономное судно; уголовное законодательство; квалификация; безопасность мореплавания; нападение; уровни автономности; экипаж.

Для цитирования: Головина А. А. Квалификация морского пиратства в условиях автономного судовождения // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 112–121. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.112-121.

Classification of Maritime Piracy in the Setting of Autonomous Navigation

Anastasia A. Golovina, Senior Lecturer, Department of Public Law, Admiral F.F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russian Federation
a.a.golovina@mail.ru

Abstract. The paper examines the specifics of classifying maritime piracy as a criminal offense in the context of using sea vessels with a high level of autonomy. The object of the study is public relations that develop regarding the application of the criminal law norm on liability for piracy in attacks on autonomous marine surface vessels. The purpose of the study is to identify the specifics of the classification of the said crime if it is committed through an attack

© Головина А. А., 2025

* Головина Анастасия Алексеевна, старший преподаватель кафедры «Публичное право» Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Ленина пр-т, д. 93, г. Новороссийск, Российская Федерация, 353924
a.a.golovina@mail.ru

on unmanned sea vessels, as well as the applicability of the relevant norm of criminal law to this act. Based on the criminal legal analysis of the norm of criminal law, the author investigates the possibility of the actual implementation of the elements of piracy in the context of an attack on sea vessels of various levels of autonomy. Using the method of modeling situations of pirate attacks on autonomous vessels, a hypothesis was put forward about the impossibility of classifying such acts when they are committed against vessels controlled entirely remotely (in the absence of crew members on board), as well as those controlled using artificial intelligence technologies. The above conclusion, with some reservations, confirms the thesis explored in the work that the introduction of autonomous navigation technologies into maritime practice will reduce the number of acts of pirate attacks. However, it is concluded that the achievement of such a result will mainly be associated with the impossibility to classify such committed acts as piracy due to the actual absence of some mandatory legal elements of piracy enshrined in legislation.

Keywords: autonomous navigation; maritime piracy; crime; autonomous vessel; criminal law; classification; navigation safety; attack; levels of autonomy; crew.

Cite as: Golovina AA. Classification of Maritime Piracy in the Setting of Autonomous Navigation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):112-121. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.112-121.

Введение

Автономное судовождение, являясь одним из приоритетных направлений развития современной транспортной отрасли, уже давно не считается фантастикой¹. Современные исследователи отмечают большое количество преимуществ такого вида судовождения².

К числу положительных эффектов от внедрения и использования морских автономных надводных судов (МАНС) некоторые авторы относят снижение уровня аварийности (в связи с уменьшением влияния человеческого фактора — основной причины аварийности на судах), повышение безопасности (в связи с возможностью использования таких судов в сферах, опасных для человеческой жизни и вредных для здоровья человека) и т.д. Кроме того, в качестве преимущества использования МАНС некоторые исследователи называют потенциально возможное снижение уровня морского пиратства, кото-

рое с давних пор представляет собой серьезную проблему, угрожающую безопасности мореплавания в мировом океане. Ряд авторов высказывают предположение о том, что совершение актов морского пиратства в подобных условиях невозможно, так как отсутствие на борту судов экипажей влечет за собой невозможность захвата его членов в заложники³. Данное положение требует внимательного рассмотрения в концепции правового понимания сущности морского пиратства, а также законодательно закрепленных признаков этого опасного деяния.

Таким образом, для полного понимания взаимосвязи внедрения автономного судовождения со снижением угрозы и распространенности морского пиратства как преступления необходимо рассмотреть возможность реализации подобного противоправного опасного деяния и особенности его соответствующей квалификации в условиях автономного судовождения с учетом объективных и субъективных призна-

---

¹ Епихин А. И., Хекерт Е. В., Модина М. А. Анализ безопасности безэкипажных судов на основе структуры модели риска с использованием сети Байеса // *Морские интеллектуальные технологии*. 2021. № 2–4 (52). С. 38–46. DOI: 10.37220/MIT.2021.52.2.067. EDN: ODSQOM.

² Зеленков Г. А., Устинов В. В., Лопатин Л. М. Проблемы создания беспилотных портовых буксиров-кантовщиков и концептуальные пути их решения // *Морские интеллектуальные технологии*. 2019. № 4-3 (46). С. 111–119. EDN: MGOSIQ ; Zaslono V. V. Automated system for diagnosing the structural failures of the unmanned vessel // *Journal of Physics: Conference Series*, Novorossiysk, Virtual. 2021. 15–16 June. P. 012082. DOI: 10.1088/1742-6596/2061/1/012082. EDN: MECBBV.

³ Кондратьев А. И., Худяков О. А., Попов А. Н. О необходимости внедрения беспилотных судов в торговый флот России // *Транспортное дело России*. 2016. № 6. С. 138–140. EDN: XVIRAP.

ков морского пиратства, нашедших отражение в нормах национального права РФ, а также положениях международных договоров.

В связи с тем что внедрение концепции автономного судовождения выступает одним из важнейших и наиболее перспективных направлений развития морского транспортного комплекса России, проведение соответствующих исследований в области права имеет большую теоретическую и практическую значимость и потому является актуальным.

Цель настоящего исследования — определение возможности снижения распространенности морского пиратства в условиях внедрения автономного судовождения, а также выявление особенностей квалификации указанного преступления, если оно совершается посредством нападения на МАНС.

Для достижения указанной цели исследования необходима реализация следующих задач с использованием общенаучных и специально-юридических методов познания:

- 1) рассмотрение объективных и субъективных признаков пиратства как преступления посредством уголовно-правового анализа содержания ст. 227 Уголовного кодекса РФ⁴;
- 2) моделирование объективных признаков нападения на МАНС с различным уровнем автономности для последующего сопоставления их с юридическими признаками пиратства;
- 3) проведение анализа применимости уголовно-правовой нормы, закрепляющей признаки пиратства, к моделируемым ситуациям совершения нападений на МАНС различного уровня автономности.

Важно отметить необходимость применения для решения поставленных задач метода

юридического толкования — приемов и технологий, с использованием которых производится уяснение и последующая интерпретация толкуемой нормы, в том числе грамматического (языкового) и логического методов толкования.

1. Квалификация морского пиратства при внедрении концепции автономного судовождения

Отрасль автономного судовождения переживает начальные стадии своего развития и повсеместного внедрения: особое внимание эта сфера привлекла к себе в последние несколько лет. Однако после начала поиска инженерных решений реализации данной концепции на практике появились вопросы правового характера о правовом статусе МАНС⁵ и лиц, управляющих им (при наличии)⁶, об ответственности за ущерб, причиненный при эксплуатации МАНС, о применимости к соответствующим отношениям правовых инструментов, регулирующих неавтономное судоходство, и т.д. Причем указанные аспекты стали предметом интереса не только отдельных заинтересованных стран, но и международных организаций, при этом на сегодняшний день некоторые позиции по указанным вопросам уже выработаны.

Применимость правовых норм к отношениям, складывающимся в связи с возможными случаями посягательства пиратов на МАНС, должна анализироваться с учетом различных уровней автономности таких судов. Ввиду этого необходимо обратиться к предложенной Международной морской организацией классификации автономных судов на четыре вида по уровням автономности⁷, представленной в табл. 1.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ключев В. В. Правовой статус автономного надводного судна в зависимости от степени автономности // Транспортное право и безопасность. 2023. № 3 (47). С. 57–70.

⁶ Golovina A. On the issue of the legal status of persons exercising control of a maritime autonomous surface vessel // SHS Web of Conferences. 2022. Vol. 134. P. 00114. DOI: 10.1051/shsconf/202213400114. EDN: WPEUCZ; Ключев В. В. Ответственность участников правоотношений при эксплуатации автономных надводных судов // Образование и право. 2023. № 11. С. 345–351. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-345-351. EDN: ESRKVD.

⁷ IMO takes first steps to address autonomous ships (2018) / International Maritime Organization (IMO) // URL: <https://www.imo.org>.

Таблица 1

Уровни автономности МАНС (рекомендация Международной морской организации)

Уровень автономности	Краткая характеристика
Первый	Судно с автоматизированными процессами и поддержкой принятия решений
Второй	Судно с дистанционным управлением (моряки на борту)
Третий	Судно с дистанционным управлением (моряки на борту отсутствуют)
Четвертый	Полностью автономное судно

В России также давно уделялось внимание этому вопросу. Важным этапом развития отечественного законодательства в данной области является принятие Федерального закона от 10.07.2023 № 294-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации»⁸. Указанный нормативный правовой акт в числе прочего внес изменения в Кодекс торгового мореплавания РФ (КТМ РФ)⁹ в рассматриваемой сфере и закрепил разделение МАНС на две категории (табл. 2).

Таблица 2

Уровни автономности морских судов (КТМ РФ)

Уровень автономности	Краткая характеристика
Полуавтономное судно	Способно осуществлять плавание без постоянного контроля за судовыми машинами, механизмами и приборами со стороны экипажа судна (без несения ходовой вахты), а также без постоянного управления движением судна силами экипажа судна, который ведет общее наблюдение за судном и в случае необходимости осуществляет управление судном, его машинами и механизмами, или без управления движением судна силами экипажа судна, который ведет общее наблюдение за судном и в случае необходимости принимает меры по восстановлению нормальной работы судовых машин, механизмов и приборов
Полностью автономное судно	Осуществляет плавание без экипажа на борту при непрерывном наблюдении за судном и управлении его движением внешним экипажем, находящимся вне судна, или без непрерывного наблюдения за судном и управления его движением

Сравнительный анализ содержания указанных выше позиций приводит к выводу о различиях в подходе к определению уровней автономности МАНС: если Международная морская организация предложила четыре уровня автономности, то Кодекс торгового мореплавания РФ дополнен положением о двух уровнях. Однако важно отметить, что первый и второй уровни автономности, выработанные Международной морской организацией, фактически соответствуют категории полуавтономного судна, как оно понимается в Кодексе торгового мореплавания РФ, а третий и четвертый —

категории полностью автономного судна. Эти позиции, таким образом, являются в некотором смысле сходными.

С учетом изложенных особенностей МАНС представляется необходимым рассмотреть возможность совершения пиратских нападений на технические единицы каждого уровня, исследовать возможность квалификации указанных деяний как пиратства и предположить, какой эффект окажет внедрение автономного судовождения на состояние защищенности морских судов от преступных посягательств данного вида. Так как нормы международного права

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 10.07.2023.

⁹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

закрепляют общие признаки рассматриваемого преступления, представляется целесообразным исследование объективных и субъективных признаков пиратства, конкретизированных в УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 227 УК РФ под пиратством понимается «нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия или угрозой его применения». Понимание сущности термина «пиратство», закрепленного в отечественном уголовном законодательстве России на современном этапе, невозможно также без исследования объективных и субъективных признаков этого противоправного деяния.

Для проведения анализа указанной нормы следует уточнить, что непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасности мореплавания, то есть достижения состояния его защищенности от внешних угроз, способных негативно отразиться на функциональных процессах судоходства, перемещения грузов, пассажиров и их багажа.

В данном составе можно выделить и дополнительные объекты, к числу которых необходимо относить здоровье граждан — лиц, находящихся на борту судна (членов его экипажа, пассажиров и т.д.). При этом для целей настоящего исследования важно учитывать, что концепция автономного судовождения в основном предполагает эксплуатацию судов без экипажа на борту, в связи с чем в фактических признаках совершенного нападения при квалификации можно не обнаружить дополнительного объекта пиратства.

В качестве предмета анализируемого состава преступления уголовное законодательство России закрепляет морское или речное судно, в отношении которого реализуется пиратское нападение. В условиях автономного судоходства предполагается отнесение МАНС к числу предметов преступного посягательства в рас-

сматриваемом составе. Вместе с тем выделение юридически значимых признаков указанной технической единицы, в том числе для целей квалификации пиратства, представляется допустимым при обращении к приведенным выше положениям, определяющим МАНС, содержащимся в КТМ РФ (см. табл. 2).

Состав рассматриваемого преступления является формальным. Поэтому объективная сторона выражается в совершении активного действия, под которым по смыслу диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ понимается нападение на морское или речное судно, которое сопряжено с применением насилия или с угрозой его применения.

В этой связи необходимо уточнить, что не все автономные суда (исходя из классификаций, представленных в табл. 1 и 2) конструктивно требуют присутствия экипажа на борту. В таком случае представляется затруднительной квалификация нападения на них по ст. 227 УК РФ по причине отсутствия в числе фактических признаков содеянного обязательного признака — применения насилия или угрозы его применения (как уже говорилось выше, на судах без экипажа не будет лиц, в отношении которых могло бы быть реализовано насилие или угроза его применения).

Вопрос определения места совершения акта пиратства как факультативного признака объективной стороны рассматриваемого преступления является спорным. Изучая позиции исследователей по данному аспекту, можно встретить мнение о том, что различное понимание места совершения пиратских нападений в национальном праве России и международном праве представляет собой юридическую коллизию: так, местом совершения пиратства как преступления, закрепленного в ст. 227 УК РФ, необходимо считать пределы открытого моря, основываясь на ст. 15 Конвенции об открытом море¹⁰ и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ¹¹, тогда как аналогичные деяния, совершаемые в пределах

¹⁰ Заключена в Женеве 29 апреля 1958 г. (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 06.10.2022. № 0001202210060013.

территориального моря РФ, необходимо квалифицировать по ст. 162 УК РФ как разбой¹². Подобная позиция предполагает, что статья 227 УК РФ должна применяться только при квалификации деяния, совершенного вне пределов юрисдикции РФ.

Другая точка зрения основана на том, что юридические коллизии представляют собой противоречия или расхождения между действующими источниками права, регулирующими одни и те же общественные отношения¹³. Таким образом, указанные выше нормы некорректно считать противоречащими друг другу: статья 227 УК РФ в отсутствие указания в ней конкретных морских пространств дополняет нормы международного права в рассматриваемой области, фактически позволяя привлекать к ответственности лиц, совершивших пиратское нападение как в открытом море (согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ), так и в пределах территориальных или внутренних вод РФ¹⁴.

Субъект преступления общий (то есть вменяемое физическое лицо, на момент совершения преступления 16-летнего возраста).

Субъективная сторона морского пиратства выражена виной в форме прямого умысла. При этом важно отметить наличие обязательного признака субъективной стороны состава преступления — цели, которая заключается в стремлении субъекта завладеть чужим имуществом.

Морское пиратство имеет международный характер. Сопоставив признаки пиратства, закрепленные в УК РФ и в нормах международного права, можно подтвердить выводы о том, что российское уголовное законодательство в области борьбы с морским пиратством имеет ряд расхождений с нормами международного

права, но в целом соответствует типовой модели развития защиты от пиратских нападений, отвечая ее основным принципам. Указанные расхождения касаются некоторых признаков объективных и субъективных элементов анализируемого состава преступления и также должны быть изучены, однако они не являются значительными для целей настоящего исследования.

Рассмотрим возможность квалификации пиратства в условиях автономного судовождения с учетом деления всех автономных судов на указанные выше виды (см. табл. 1).

Первый уровень автономности, при котором на борту судна находятся члены экипажа, а часть операций автоматизирована, фактически представлен на флоте современными судами. Пиратское нападение (с учетом признаков, указанных в ст. 227 УК РФ) на такие суда возможно: нападение на такое судно в целях хищения чужого имущества совершается с применением насилия к лицам, находящимся на его борту, или угрозой применения такого насилия. Иначе говоря, установление тождества между фактическими признаками совершенного деяния и юридическими признаками пиратства, закрепленными в уголовно-правовой норме, представляется возможным. Указанные деяния совершаются против современных морских судов, что подтверждается данными официальной статистики Международного морского бюро: в 2020 г. по всему миру было зарегистрировано 195 пиратских нападений, в 2021 г. — 132, в 2022 г. — 115, в 2023 г. — 120. За первое полугодие 2024 г. зарегистрировано 60 нападений морских пиратов на суда¹⁵. При этом важно понимать, что не все подобные случаи были

---

¹² Суденко В. Е. Пиратство (морской разбой) // Транспортное право и безопасность. 2017. Вып. 12 (24). С. 33. URL: http://trans-safety.ru/tpb/2017/12/trans_safety_24.pdf (дата обращения: 06.09.2024).

¹³ Плетников В. С., Плетникова М. С. Коллизии в юридической практике современной России // Юридическая техника. 2017. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-v-yuridicheskoy-praktike-sovremennoy-Rossii> (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁴ Головина А. А. О территориальном признаке морского пиратства как преступного деяния // Вестник Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. 2021. № 1 (34). С. 49–52. EDN: KDGJIT.

¹⁵ Piracy and Armed Robbery Against Ship Report January — June 2024 / ICC IMB // URL: <https://www.icc-ccs.org/index.php/piracy-reporting-centre> (дата обращения: 27.09.2024).

зарегистрированы, то есть реальное их число будет выше.

Второй уровень автономности предполагает наличие на борту некоторого минимального количества членов экипажа при удаленном управлении судном. Здесь нападение на судно также может быть квалифицировано как пиратство по признакам, аналогичным нападению на суда первого уровня автономности. Вопрос возможности квалификации деяния по ст. 227 УК РФ также не вызывает сомнений.

Это позволяет сделать вывод об отсутствии затруднений при решении вопроса о применимости ст. 227 УК РФ в случае нападения на «полуавтономное судно», признаки которого закреплены в КТМ РФ.

Третий уровень автономности подразумевает отсутствие экипажа на борту при удаленном управлении судном. Это означает, что в условиях эксплуатации судов данного вида пиратство, являясь нападением, совершенным с применением насилия или угрозой его применения, не может быть реализовано, так как реализация этого способа совершения общественно опасного деяния невозможна в отсутствие членов экипажа или других лиц на борту судна. Аналогичная ситуация прослеживается и в отношении судов четвертого уровня автономности, предполагающего их функционирование при отсутствии экипажа на борту посредством использования технологий искусственного интеллекта для управления указанной технической единицей¹⁶. Таким образом, можно утверждать, что нападение на полностью автономное судно не может быть квалифицировано как пиратство в связи с отсутствием в фактических признаках опасных проявлений объективных признаков (дополнительного объекта — здоровья лиц, находящихся на судне, а также способа совершения деяния — применения насилия или угрозы его применения).

2. Анализ применимости ст. 227 УК РФ в ситуации нападения на МАНС

Поскольку пиратское нападение как преступление характеризуется сопряженностью с применением насилия или с угрозой его применения, представляется, что не могут быть квалифицированы как пиратство действия, выразившиеся в захвате МАНС, проникновении на его борт, хищении находящегося на его борту имущества и пр. В этой части можно согласиться с высказываемым исследователями мнением о том, что автономное судоходство (если речь идет о судах без экипажа на борту) будет способствовать снижению числа пиратских нападений. Однако отметим, что такой эффект будет достигнут только за счет того, что нападения, совершенные на суда без экипажа, не подлежат квалификации по ст. 227 УК РФ. Но нужно понимать, что подобные деяния всё равно являются противоправными и должны быть квалифицированы соответственно своим признакам (например, как кража). Поэтому возникает вопрос о функциональной связи указанных явлений, то есть о том, не вызовет ли снижение числа регистрируемых актов пиратства увеличение количества других преступлений, связанных с посягательством на имущество (груз, судно).

Соответственно, важно уделить внимание превенции подобных противоправных деяний. Для этого необходимо, во-первых, принять во внимание меры, рекомендованные для предупреждения актов пиратства в классическом судоходстве и рассмотреть возможность их реализации в условиях автономного судовождения там, где это применимо. Во-вторых, важным шагом является взаимодействие уполномоченных органов власти, в том числе для целей обеспечения безопасности мореплавания, предупреждения реализации правонарушений, направленных против судов¹⁷. При этом боль-

¹⁶ Епихин А. И., Игнатенко А. В., Студеникин Д. Е., Хекерт Е. В. Основные тренды внедрения технологий искусственного интеллекта в управлении морскими автономными надводными судами // Эксплуатация морского транспорта. 2021. № 1 (98). С. 88–96. DOI: 10.34046/aumsuomt98/14.

¹⁷ Абрамян С. К., Голубкина К. В. Межведомственное взаимодействие органов управления водным транспортом Российской Федерации // Морские интеллектуальные технологии. 2019. № 1–2 (43). С. 82–85. EDN: ZSWMBN.

ший интерес представляют технические способы решения указанного проблемного вопроса (например, конструирование судов и их систем управления таким образом, чтобы исключить возможность захвата, несанкционированного доступа). В свою очередь, для поиска оптимальных технических способов решения указанной проблемы необходимо стимулирование инновационной и наукоемкой деятельности¹⁸.

Можно согласиться с предположением о прогнозируемом снижении числа актов пиратских нападений в условиях внедрения практики автономного судоходства. Вместе с тем важно учитывать, что подобная динамика будет связана с тем, что действия нападающих на суда не будут квалифицированы как пиратство из-за отсутствия на борту лиц, в отношении которых могло бы быть реализовано насилие или угроза его применения.

Необходимо понимать, что преступность — лабильное явление, отвечающее в том числе на изменения технологического уклада. Так, нельзя исключать возможность совершения актов неправомерного вмешательства в работу систем, обеспечивающих функционирование автономного судна, и т.д. Поэтому сегодня невозможно однозначно сказать, что автономное судоходство будет способствовать снижению числа преступлений, направленных против собственности и безопасности мореплавания.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что, несмотря на общее верное понимание позитивных черт автономного судоходства в условиях распространения преступности на море, указанные выше позиции исследователей в некоторой степени расходятся с признаками пиратства, определенными в нормативных актах¹⁹. Важно уточнить, что по смыслу российского уголовного закона «захват заложников» и «пиратство» — разные преступления, с различными объективными и субъективными признаками, хотя и объединенные единым родовым объектом: оба они посягают на общественную

безопасность. В этой связи их отождествление некорректно. Однако нельзя не подчеркнуть главный позитивный момент в рассматриваемой области в условиях внедрения практики автономного судоходства — отсутствие на борту таких судов членов экипажа, что автоматически делает невозможным совершение нападения на них, причинение вреда их жизни и здоровью либо выражение угрозы причинения такого вреда, что является обязательным признаком состава «пиратство», предусмотренного статьей 227 УК РФ.

Заключение

Проведенный в работе анализ ст. 227 УК РФ, предусматривающей наступление уголовной ответственности за совершение актов пиратства, показал, что данный состав в качестве обязательных признаков содержит в том числе дополнительный объект преступления (здоровье лиц, находящихся на борту, в отношении которых реализуется насилие или угроза его применения), а также способ совершения деяния (пиратское нападение совершается с применением насилия или угрозой его применения). При этом необходимо сказать, что, если нападение совершается на МАНС, управляемые удаленно или с использованием технологий искусственного интеллекта (то есть на «полностью автономное судно»), фактические признаки такого нападения не могут быть отождествлены с перечисленными выше юридическими признаками пиратства, что позволяет сделать вывод о невозможности квалификации подобных актов в качестве пиратства.

Итак, на основании исследования приходим к выводу о том, что внедрение в практику морского судоходства МАНС будет способствовать снижению числа актов морского пиратства, поскольку это деяние предполагает совершение нападения с применением насилия или угрозы

---

¹⁸ Мигда Н. С. К вопросу о правовом закреплении инновационного развития на транспорте // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 121–122. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-4-155-121-122. EDN: NBGJBE.

¹⁹ Кондратьев А. И., Худяков О. А., Попов А. Н. Указ. соч.

его применения, что фактически невозможно реализовать в отношении судов, на борту которых нет членов экипажа или каких-либо других лиц.

Вместе с тем необходимо отметить, что потенциально возможное снижение числа регистрируемых актов пиратства не означает снижения уровня преступности, направленной против собственности или безопасности мореплавания, так как преступность во все времена была

изменчивым явлением, способным отвечать на происходящие изменения (в том числе технологического уклада). Поэтому нельзя забывать о необходимости реализации превентивных мер, которые могут, как представляется, найти отражение в особенностях проектирования МАНС таким образом, чтобы максимально защитить указанные технические единицы, систему их управления, перевозимый ими груз от противоправных посягательств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамян С. К., Голубкина К. В.* Межведомственное взаимодействие органов управления водным транспортом Российской Федерации // *Морские интеллектуальные технологии*. — 2019. — № 1–2 (43). — С. 82–85.
2. *Головина А. А.* О территориальном признаке морского пиратства как преступного деяния // *Вестник Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова*. — 2021. — № 1 (34). — С. 49–52.
3. *Епихин А. И., Хекерт Е. В., Модина М. А.* Анализ безопасности безэкипажных судов на основе структуры модели риска с использованием сети Байеса // *Морские интеллектуальные технологии*. — 2021. — № 2–4 (52). — С. 38–46.
4. *Епихин А. И., Игнатенко А. В., Студеникин Д. Е., Хекерт Е. В.* Основные тренды внедрения технологий искусственного интеллекта в управлении морскими автономными надводными судами // *Эксплуатация морского транспорта*. — 2021. — № 1 (98). — С. 88–96.
5. *Зеленков Г. А., Устинов В. В., Лопатин Л. М.* Проблемы создания беспилотных портовых буксировкантовщиков и концептуальные пути их решения // *Морские интеллектуальные технологии*. — 2019. — № 4–3 (46). — С. 111–119.
6. *Клюев В. В.* Правовой статус автономного надводного судна в зависимости от степени автономности // *Транспортное право и безопасность*. — 2023. — № 3 (47). — С. 57–70.
7. *Клюев В. В.* Ответственность участников правоотношений при эксплуатации автономных надводных судов // *Образование и право*. — 2023. — № 11. — С. 345–351.
8. *Кондратьев А. И., Худяков О. А., Попов А. Н.* О необходимости внедрения беспилотных судов в торговый флот России // *Транспортное дело России*. — 2016. — № 6. — С. 138–140.
9. *Мигда Н. С.* К вопросу о правовом закреплении инновационного развития на транспорте // *Евразийский юридический журнал*. — 2021. — № 4 (155). — С. 121–122.
10. *Плетников В. С., Плетникова М. С.* Коллизии в юридической практике современной России // *Юридическая техника*. — 2017. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-v-yuridicheskoy-praktike-sovremennoy-Rossii> (дата обращения: 27.09.2024).
11. *Суденко В. Е.* Пиратство (морской разбой) // *Транспортное право и безопасность*. — 2017. — Вып. 12 (24). — URL: http://trans-safety.ru/tpb/2017/12/trans_safety_24.pdf (дата обращения: 06.09.2024).
12. *Golovina A.* On the issue of the legal status of persons exercising control of a maritime autonomous surface vessel // *SHS Web of Conferences*. — 2022. — Vol. 134. — P. 00114. — DOI: 10.1051/shsconf/202213400114.
13. *Zaslonov V. V.* Automated system for diagnosing the structural failures of the unmanned vessel // *Journal of Physics: Conference Series, Novorossiysk, Virtual*. — 2021. — 15–16 June. — P. 012082. — DOI: 10.1088/1742-6596/2061/1/012082.

Материал поступил в редакцию 10 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramyan S. K., Golubkina K. V. Mezhdomstvennoe vzaimodeystvie organov upravleniya vodnym transportom Rossiyskoy Federatsii // Morskie intellektualnye tekhnologii. — 2019. — № 1–2 (43). — S. 82–85.
2. Golovina A. A. O territorialnom priznake morskogo piratstva kak prestupnogo deyaniya // Vestnik Gosudarstvennogo morskogo universiteta imeni admirala F.F. Ushakova. — 2021. — № 1 (34). — S. 49–52.
3. Epikhin A. I., Khekert E. V., Modina M. A. Analiz bezopasnosti bezekipazhnykh sudov na osnove struktury modeli riska s ispolzovaniem seti Bayesa // Morskie intellektualnye tekhnologii. — 2021. — № 2–4 (52). — S. 38–46.
4. Epikhin A. I., Ignatenko A. V., Studenikin D. E., Khekert E. V. Osnovnye trendy vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v upravlenii morskimi avtonomnymi nadvodnymi sudami // Ekspluatatsiya morskogo transporta. — 2021. — № 1 (98). — S. 88–96.
5. Zelenkov G. A., Ustinov V. V., Lopatin L. M. Problemy sozdaniya bespilotnykh portovykh buksirov-kantovshchikov i kontseptualnye puti ikh resheniya // Morskie intellektualnye tekhnologii. — 2019. — № 4–3 (46). — S. 111–119.
6. Klyuev V. V. Pravovoy status avtonomnogo nadvodnogo sudna v zavisimosti ot stepeni avtonomnosti // Transportnoe pravo i bezopasnost. — 2023. — № 3 (47). — S. 57–70.
7. Klyuev V. V. Otvetstvennost uchastnikov pravootnosheniy pri ekspluatatsii avtonomnykh nadvodnykh sudov // Obrazovanie i pravo. — 2023. — № 11. — S. 345–351.
8. Kondratev A. I., Khudyakov O. A., Popov A. N. O neobkhodimosti vnedreniya bespilotnykh sudov v torgovyy flot Rossii // Transportnoe delo Rossii. — 2016. — № 6. — S. 138–140.
9. Migda N. S. K voprosu o pravovom zakreplenii innovatsionnogo razvitiya na transporte // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2021. — № 4 (155). — S. 121–122.
10. Pletnikov V. S., Pletnikova M. S. Kollizii v yuridicheskoy praktike sovremennoy Rossii // Yuridicheskaya tekhnika. — 2017. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-v-yuridicheskoy-praktike-sovremennoy-Rossii> (data obrashcheniya: 27.09.2024).
11. Sudenko V. E. Piratstvo (morskoy razboy) // Transportnoe pravo i bezopasnost. — 2017. — Vyp. 12 (24). — URL: http://trans-safety.ru/tpb/2017/12/trans_safety_24.pdf (data obrashcheniya: 06.09.2024).
12. Golovina A. On the issue of the legal status of persons exercising control of a maritime autonomous surface vessel // SHS Web of Conferences. — 2022. — Vol. 134. — P. 00114. — DOI: 10.1051/shsconf/202213400114.
13. Zaslونov V. V. Automated system for diagnosing the structural failures of the unmanned vessel // Journal of Physics: Conference Series, Novorossiysk, Virtual. — 2021. — 15–16 June. — P. 012082. — DOI: 10.1088/1742-6596/2061/1/012082.

Уголовно-правовая оценка причинения вреда во время занятий спортом в странах прецедентного права

Аннотация. Предметом исследования является зарубежная правоприменительная практика по вопросу привлечения спортсменов к уголовной ответственности за причинение вреда во время спортивных соревнований. Рассмотрены подходы судов стран прецедентного права, а именно Великобритании, Канады и США, к определению допустимого уровня насилия в спортивных играх и пределов согласия спортсмена на причинение вреда. Проанализированы концепции *rules of the game* (правила игры) и *part of the game* (часть игры), выявлены их достоинства и недостатки. Обобщается опыт зарубежных стран по привлечению спортсменов к ответственности в контактных видах спорта, предполагающих телесный контакт: хоккей, футбол, баскетбол. Раскрываются проблемы поиска универсальных критериев для оценки действий игрока, подробно рассмотрена канадская судебная практика по данному вопросу. Исследуется подход *reasonably foreseeable hazards* (разумно предсказуемые риски), предложенный американским законодателем и судами. Автор приходит к выводу о несистемном и выборочном характере уголовных преследований за спортивное насилие и о доминировании позиции невмешательства уголовного права в область спорта, которая соответствует принципу автономного правового регулирования данной сферы.

Ключевые слова: причинение физического вреда; согласие потерпевшего; принятие риска; спортивные соревнования; правомерное причинение вреда; спортивные правила; игровая культура; автономия спорта; риск причинения вреда; спортивное насилие.

Для цитирования: Айрапетян М. К. Уголовно-правовая оценка причинения вреда во время занятий спортом в странах прецедентного права // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 122–131. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.122-131.

Criminal Legal Assessment of Harm Caused during Sports Activities in Common Law Countries

Marina K. Ayrapetyan, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Lawyer, Zheleznikov and Partners, Moscow Bar Association, Moscow, Russian Federation
mayrapetyan@zplegal.ru

Abstract. The subject of the study is foreign law enforcement practice on bringing athletes to criminal liability for causing harm during sports competitions. In order to determine the acceptable level of violence in sports games and the limits of an athlete's consent to causing harm, the author examines the approaches of the courts of precedent

© Айрапетян М. К., 2025

* Айрапетян Марина Камоевна, аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат Московской коллегии адвокатов «Железников и партнеры»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mayrapetyan@zplegal.ru

law countries, namely the UK, Canada and the USA. The concepts of rules of the game and part of the game are analyzed, and their advantages and disadvantages are identified. The experience of foreign countries in holding athletes accountable in contact sports involving physical contact—hockey, football, basketball—is summarized. The problems of finding universal criteria for assessing a player's actions are revealed, and Canadian judicial practice on this issue is examined in detail. The reasonably foreseeable hazards approach proposed by American legislators and courts is examined. The author comes to the conclusion about the non-systemic and selective nature of criminal prosecutions for sports violence and the dominance of the position of non-interference of criminal law in the field of sports, which corresponds to the principle of autonomous legal regulation of this sphere.

Keywords: causing physical harm; consent of the victim; acceptance of risk; sports competitions; lawful causing of harm; sports rules; game culture; autonomy of sport; risk of causing harm; sports violence.

Cite as: Airapetyan MK. Criminal Legal Assessment of Harm Caused during Sports Activities in Common Law Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):122-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.122-131.

Введение

Правовое и административное регулирование спорта строится на принципе автономии. Этот принцип оказывает влияние даже на специфику применения самой императивной отрасли права — уголовного права. В отечественной и зарубежной доктрине, спортивной и юридической среде существует два полярных мнения относительно необходимости вмешательства уголовного права в спортивную сферу, в том числе в область спортивного насилия.

Сторонники интервенции уголовного права полагают, что для борьбы с жестокостью на спортивной площадке, в целях обеспечения честной игры и спортивного поведения участников вполне применимы уголовно-правовые средства. Спортивные институты не справляются с задачей противодействия спортивному насилию. Только государственные правоохранительные и судебные органы могут очертить рамки правомерного поведения на поле и обеспечить их соблюдение. Здоровье населения является охраняемым государством благом, и его защита имеет больший приоритет, чем согласие конкретных спортсменов на причинение им вреда¹.

Противники этой идеи настаивают на автономии и саморегулировании спорта, считают,

что единственными арбитрами ненадлежащего поведения во время игры могут быть дисциплинарные органы. В борьбе с насилием в спорте должны применяться методы не уголовно-правового характера, а такие как саморегулирование спортивных организаций, создание спортивных арбитражей, создание комиссий по насилию в профессиональном спорте².

Сторонники автономии спорта утверждают, что насильственные действия, происходящие на спортивной арене, не угрожают обществу так же, как насилие за ее пределами. Вмешательство уголовного права способно сковать спортсменов, заставить их соблюдать большую осторожность, что скажется на качестве и зрелищности игры.

Скромное количество случаев спортивного насилия, которые становятся предметом уголовного правосудия, очевидно свидетельствует о превалировании автономного подхода. Спортсмены по всему миру предпочитают решать конфликты самостоятельно, внутри спортивных структур. Правоохранительные органы также не проявляют к этой области интереса.

Отечественная практика в этом плане мало чем отличается от зарубежной, но последняя всё же более богата релевантными прецедентами; зарубежная доктрина попыталась теоретически

¹ Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1976.

² Yates J., Gillespie W. The Problem of Sports Violence and the Criminal Prosecution Solution // Cornell Journal of Law and Public Policy. 2002. Vol. 12. P. 145–168.

осмыслить эти прецеденты и, кроме того, предложить критерии правомерности причинения вреда во время спортивных соревнований.

Неписанные правила поведения спортсменов не только лояльно относятся к применению насилия, но и зачастую поощряют его. Силовая борьба сопутствует многим контактным видам спорта (хоккей, футбол, баскетбол, бейсбол, регби). В зарубежной практике хоккей — бесспорный лидер по количеству уголовных преследований за причинение вреда во время соревнований.

Согласие потерпевшего на причинение вреда

Основная позиция, которую используют зарубежные правовые системы при рассмотрении дел о причинении вреда во время спортивных мероприятий, — это согласие потерпевшего.

Американские суды основываются на понятии разумности (*reasonableness*) спортивных правил и их соблюдении.

В английском праве главный акцент делается на субъективной стороне (*mens rea*). Теория согласия используется и тогда, когда были соблюдены правила, но, в отличие от американской практики, не применяется автоматически. Спортивные правила не являются решающими при определении правомерности действия. Они используются как доказательственный инструмент, как эталон для оценивания психического состояния обвиняемого³.

Согласие может быть выраженным или подразумеваемым (*implied consent*), т.е. подразумеваться поведением или обстановкой, внешними обстоятельствами. Подразумеваемое согласие дается путем вступления в ситуации, в которых очевидно, что человек отказался от своего права не подвергаться физическому контакту⁴.

Подавая заявку на участие в соревнованиях, спортсмен принимает регламент мероприятия — в некоторой степени это выраженное согласие на причинение вреда, если вред причинен в пределах спортивных правил, на которые согласился спортсмен. Факт участия в спортивных соревнованиях означает подразумеваемое согласие подвергнуться физическому воздействию.

В зарубежной практике и доктрине (Великобритания, США и Канада) выделено несколько подходов для определения допустимых пределов согласия на причинение вреда во время спортивных соревнований.

Подходы к определению пределов согласия потерпевшего спортсмена на причинение вреда

Согласно подходу *rules of the game*, или *the rules-based standard* (правила игры), правомерным является причинение вреда, который наступил в результате действий, соответствующих правилам игры. При нарушении правил причиненный вред не обладает иммунитетом от уголовного права.

Второй подход — *part of the game* (часть игры), или *playing culture* (культура игры), — учитывает, что игроки регулярно используют физические контакты, выходящие за рамки разрешенного правилами. Участники соглашались на все действия, которые можно назвать частью игры, включая и те, что нарушают правила. Использование защитной экипировки подтверждает готовность спортсмена к жесткому характеру игры⁵.

Помимо правил, «культура игры» включает кодексы поведения, обычаи, тактику игры, частые нарушения правил, нечестной игры, которые стали обычной практикой⁶.

³ Gardiner S. Sports Law. GB : Cavendish Publishing, 2006. P. 593–595.

⁴ Mohamadinejad A., Mirsafian H., Nemes A., Soltanhoseini M. Assumption of Risk and Consent Doctrine in Sport // Physical Culture and Sport Studies and Research. 2012. Vol. 55. P. 30–38.

⁵ Mohamadinejad A., Mirsafian H., Nemes A., Soltanhoseini M. Op. cit. P. 35.

⁶ Pendlebury A. The Regulation of on-the-ball Offences: Challenges in Court // Entertainment and Sports Law Journal. 2012. Vol. 10.

Первый подход, согласно которому правила игры определяют рамки фактического согласия, критикуется как слишком узкий, ведь некоторые правила созданы не для того, чтобы защитить игроков, а для того, чтобы сделать игру более захватывающей или соревновательной.

Второй подход более широкий и гибкий, он в большей степени учитывает специфику спортивной сферы. Однако уязвимость подхода заключается в том, что понятия «обычаи» игры, «разумно ожидаемая» часть игры не имеют объективного общепринятого содержания. Неясно, кто должен определять такую культуру для целей уголовно-правовой оценки: тренеры, судьи, игроки или государственные органы.

Согласно общим принципам деликтного права США (Restatement (Second) of Torts (1965))⁷, «некоторые нарушения правил происходят довольно часто и не считаются игроками серьезными. Возможно, не будет ошибочным рассматривать подобные нарушения как часть игры»⁸. Спортивные правила разделены на правила безопасности и правила игры как таковые. Спортсмен соглашается и принимает на себя риски, связанные с нарушениями правил игры, но не дает согласия на поведение, нарушающее правила безопасности. Ответственность за нарушение правил безопасности не препятствует активному участию спортсменов и не снижает привлекательности игры для зрителей⁹.

Один из возможных стандартов оценки согласия потерпевшего содержится в Модельном уголовном кодексе США (Model Penal Code) и Предложенном федеральном уголовном кодексе (Proposed Federal Criminal Code). Согласие применимо, если оно дано в отношении поведения, которое либо не причиняет серьезного вреда и не угрожает его причинением, либо представляет собой разумно предсказуемые риски (reasonably foreseeable hazards) совмест-

ного участия в законных спортивных соревнованиях или иной согласованной деятельности, не запрещенной законом.

В соответствии с данным стандартом, если игрок должен был разумно предвидеть, что может подвергнуться насильственному действию, то он соглашается на него.

Критики данного подхода считают его слишком широким. Хотя спортсмен должен разумно предвидеть возможность причинения вреда, это не обязательно означает, что он согласен на его причинение. По аналогии человек, который гуляет поздно ночью, должен разумно предвидеть, что он может быть ограблен, однако вряд ли он на это согласен. К тому же сложно определить, какого поведения игрок мог разумно ожидать¹⁰.

Подход критикуется также за то, что не позволяет отличить поведение, совершаемое с умыслом причинить вред, от поведения, соответствующего духу игры¹¹, то есть не уделяет внимания субъективной стороне деяния.

В американском деле *State v. Shelley* (1997) суд счел принцип rules of the game ограниченным и чрезмерно мешающим игре.

Во время непрофессионального матча по баскетболу два игрока бежали по площадке бок о бок, обвиняемый ударил потерпевшего в лицо, в результате у потерпевшего была сломана челюсть. На суде обвиняемый заявил, что его удар был ответной реакцией на замахах рукой потерпевшего в его сторону. Суд посчитал, что обвиняемый не может заявлять о согласии потерпевшего, так как его действия выходили за рамки правил данного вида спорта. Суд отказался разъяснять присяжным конструкцию reasonably foreseeable hazards.

Апелляционный суд согласился, что согласие здесь неприменимо, но не согласился с применением стандарта, основанного на правилах,

⁷ Restatement (Second) of Torts (Изложение (повторное) о деликтах) — трактат, выпущенный Американским юридическим институтом, в котором обобщены общие принципы деликтного права США.

⁸ Consent in Criminal Law: Violence in Sports // Michigan Law Review. 1976. Vol. 75. P. 148–189.

⁹ Farrugia P. Consent Defence: Sports Violence, Sodomasochism, and the Criminal Law // Auckland University Law Review. 1997. P. 472–502.

¹⁰ Yates J., Gillespie W. Op. cit. P. 162.

¹¹ Consent in Criminal Law: Violence in Sports.

который использовал суд первой инстанции (the rules-based standard). Суд посчитал этот стандарт слишком ограниченным и использовал подход Модельного уголовного кодекса США о «разумно предсказуемом риске». Но он всё равно решил, что нападение не было разумно предсказуемым и не охватывалось согласием потерпевшего¹².

Правовые позиции судов Великобритании

Ключевым по вопросам согласия потерпевшего на причинение вреда в английской практике является дело Regina v. Brown (1994), решение по которому вынесла Палата лордов.

В качестве примера правомерного причинения вреда, которое соответствует публичным интересам, Палата приводит травмоопасные виды спорта: «В некоторых видах спорта, например в футболе, важным элементом является намеренный телесный контакт. Они находятся где-то посередине между единоборством, когда участник знает, что его противник попытается причинить ему вред, и более мягкими видами спорта, где максимум осознается возможность случайного причинения вреда. В контактных видах спорта каждый игрок знает и, принимая участие, соглашается с тем, что противник может наносить ему удары. Он также принимает на себя риск того, что преднамеренный контакт может иметь непредвиденные последствия, предположительно достаточно серьезные, чтобы приравняться к тяжким телесным повреж-

дениям. Однако спортсмен не дает согласия на преднамеренное причинение вреда»¹³.

В 2004 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса, рассматривая дело Regina v. Barnes, проанализировал имеющиеся подходы определения критериев правомерности причинения вреда во время спортивных мероприятий¹⁴.

Футболист обвинялся в причинении тяжкого вреда здоровью (grievous bodily harm) во время любительского футбольного матча.

Потерпевший, игравший на позиции нападающего, отбежал с мячом к угловому флагу. Обвиняемый попробовал его схватить, чем нарушил правила. Арбитр присудил команде потерпевшего штрафной удар. Потерпевший и обвиняемый обменялись резкими словами, судья сказал обвиняемому «повзрослеть». Спустя 10 минут мяч оказался у потерпевшего, который был в пяти метрах от зоны пенальти противника. Он побежал и ударил по мячу левой ногой в ворота, когда был от них в шести метрах. После удара обвиняемый совершил подкат¹⁵ сзади, ударив соперника в правую лодыжку. Потерпевший упал на землю. Обвиняемый тоже упал, но встал и сказал потерпевшему: «Получай». Потерпевший получил серьезную травму правой лодыжки и правой малоберцовой кости.

Согласно обвинению, «подкат был сокрушительный, слишком поздний, ненужный, неосторожный, удар пришелся слишком высоко по ногам». Позиция обвиняемого строилась на том, что подкат дозволен правилами и причиненная травма была случайной.

¹² Штат против Шелли (State v. Shelley) : решение Апелляционного суда Вашингтона от 13.01.1997 // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/wa-court-of-appeals/1485551.html> (дата обращения: 03.06.2024).

¹³ Корона против Брауна (Regina v. Brown) : решение Палаты лордов от 11.03.1993 // URL: <https://www.cirp.org/library/legal/UKlaw/rvbrown1993/> (дата обращения: 17.06.2024).

¹⁴ Корона против Барнса (Regina v. Barnes) : решение Апелляционного суда Англии и Уэльса от 21.12.2004 // URL: <https://vlex.co.uk/vid/r-v-barnes-mark-793913317> (дата обращения: 25.06.2024).

¹⁵ Подкат — прием борьбы за мяч, выполненный ногой (на земле или в воздухе). Подкат или единоборство, которые угрожают безопасности соперника или выполняются с использованием чрезмерной силы или с чрезмерной жестокостью, должны быть наказаны как серьезное нарушение Правил. Любой игрок, бросающийся на соперника в борьбе за мяч спереди, сбоку или сзади с использованием одной или обеих ног с применением чрезмерной силы или угрожающий безопасности соперника, виновен в серьезном нарушении Правил (Правила футбола на сезон 2024/2025, принятые Международным советом футбольных ассоциаций (IFAB)) // URL: <https://www.theifab.com/laws-of-the-game-documents/?language=all&year=2024%2F25> (дата обращения: 07.08.2024).

Суд присяжных в первой инстанции признал обвиняемого виновным. Осужденному было назначено наказание в виде общественных работ. Апелляционный суд Англии и Уэльса рассматривал жалобу обвиняемого.

Апелляционный суд высказался в пользу минимального вмешательства уголовного права в сферу спортивного насилия: «Большинство организованных видов спорта имеют свои дисциплинарные производства для обеспечения соблюдения спортивных правил и стандартов поведения. В большинстве случаев не только нет необходимости в возбуждении уголовного дела, но и нежелательно, чтобы оно было. Кроме того, в дополнение к уголовному процессу потерпевший может взыскать компенсацию причиненного вреда в гражданском процессе».

Суд указывает, что по общему правилу согласие не может быть дано на причинение вреда здоровью. Далее суд приводит очевидные, по его мнению, исключения: согласие пациента на операционное вмешательство и согласие на причинение вреда в контактных видах спорта, например в футболе или боксе.

По мнению суда, чем больше действие, причинившее вред, пространственно или временно удалено от игры, тем больше вероятность того, что это действие повлечет за собой уголовную ответственность.

Пороговый уровень допустимого поведения является объективным и не зависит от мнения отдельных игроков. Вид спорта, уровень игры, природа действия, степень примененной силы, степень риска причинения вреда, the state of mind (психическое отношение) обвиняемого — все эти критерии будут иметь значение для определения того, выходит ли действие обвиняемого за допустимый уровень¹⁶. Суд явно использует критерии, выработанные канадской практикой, о которой речь пойдет ниже.

Отменяя решение суда первой инстанции, апелляция указала: «Присяжные должны будут

задать себе вопрос, был ли контакт настолько запоздалым и (или) жестким, что его нельзя было рассматривать как инстинктивную реакцию, ошибку или неверную оценку в разгар игры»¹⁷. Однако повторно дело судом присяжных не рассматривалось.

Правовые позиции судов Канады

Английские и американские суды при принятии решений нередко используют более сформировавшуюся практику канадских судов, заимствуют уже выработанные критерии правомерности причинения вреда.

Первые канадские уголовные дела, заложившие правовую основу для дальнейшей практики, — Regina v. Green и Regina v. Maki (1970). Во время матча Национальной хоккейной лиги (НХЛ) игроки команд-соперников Уэйн Маки и Бостон Брюин Грин подрались хоккейными клюшками. Грин ударил Маки по лицу рукой в перчатке. Маки в ответ нанес Грину клюшкой удар в живот. Началась драка клюшками, в которой Грин первый ударил Маки около плеча, и Маки ответил ударом, которым сломал Грину скулу.

Обвинения в нападении были сняты как с Грина, так и с Маки по отдельным делам, хотя суд в деле Грина отметил, что спортивные лиги не должны иметь игроков, защищенных от уголовного преследования¹⁸.

В деле Regina v. Green была применена теория согласия на причинение вреда: «Ни один игрок не ступает на лед Национальной хоккейной лиги без согласия и понимания возможности получить удар одним из множества способов». Судья решил, что потерпевший согласился на удар перчаткой, так как знал, что это общая практика в хоккее, и маловероятно, что она приведет к серьезной травме¹⁹. Действия Грина были признаны частью игры и, следовательно, находились в пределах согласия Маки.

¹⁶ Корона против Барнса (Regina v. Barnes). § 15.

¹⁷ Корона против Барнса (Regina v. Barnes). § 16.

¹⁸ Epstein A. Incorporating the Criminal Law in Sport Studies // The Sport Journal. 2009. Vol. 12.

¹⁹ Farrugia P. Op. cit. P. 482.

Судья отметил: «Думаю, по нашему опыту мы можем прийти к выводу, что это чрезвычайно обычное явление в хоккейном матче, и игроки на самом деле не беспокоятся об этом... это один из видов риска, который спортсмен принимает на себя».

В *Regina v. Mak* суд отказался применять теорию согласия, сославшись на гражданское дело *Agar v. Canning* (1965), в котором впервые были сформулированы пределы согласия спортсмена на причинение вреда. Травмы, полученные при обстоятельствах, свидетельствующих о явной решимости причинить серьезный вред, даже в случае провокации и в пылу игры (*in the heat of the game*), не подпадают под согласие. Задача соревнований — показать превосходство атлетических навыков, а не причинить вред сопернику (очевидные исключения — бокс и единоборства)²⁰. Подход фокусирует внимание на субъективной стороне.

Судья заключил, что «все игроки принимают на себя определенные риски и опасности, но ни один спортсмен не согласен на злонамеренное, неспровоцированное или чрезмерно жестокое нападение».

При этом действия Маки, совершенные в ответ на действия Грина, были признаны самообороной.

В канадском деле *Regina v. Sey* (1989) была предпринята попытка дать более четкое руководство для определения уровня допустимого насилия в спорте.

Потерпевший стоял лицом к бортам хоккейной коробки, пытаясь поймать шайбу. Обвиняемый на скорости подъехал к нему и клюшкой толкнул в борт. Потерпевший получил травмы лица, хлыстовую травму и сотрясение мозга.

Суд указал, что обвиняемый действовал умышленно, однако подобные действия являются обычной частью игры, на которую хоккеисты дают согласие, ступая на лед. Сам потерпевший на суде показал, что, даже если бы была боль-

шая вероятность, что он получит те же травмы, он бы всё равно продолжил играть²¹.

Крайне насильственные действия, которые «явно выходят за рамки обычных норм поведения», не признаются законными. При оценке норм поведения суд особое внимание уделяет риску причинения вреда и тяжести потенциального вреда²².

Обычное согласие есть состояние разума, и оно полностью субъективно. Субъективное согласие в командных видах спорта не работает, не может быть такого же количества разных согласий, как и игроков на поле, согласие должно быть универсальным и определяться конкретными объективными критериями²³.

Суд сформулировал следующие объективные критерии, которые подлежат оценке при решении вопроса о наличии или об отсутствии под-разумеваемого согласия на причинение вреда в контексте командного вида спорта:

1. Характер игры (любительская или профессиональная, молодежная или взрослая и т.д.).
2. Характер конкретного действия и сопутствующие обстоятельства.
3. Степень примененной силы.
4. Степень риска причинения вреда.
5. Психическое отношение (*state of mind*) обвиняемого.

Этот тест довольно строг к спортивному насилию. Если поведение сопряжено с высоким риском получения травмы, оно будет незаконным независимо от согласия или частоты, с которой оно происходит в спорте.

Выработанные критерии были применены в деле *Regina v. Ciccarelli* (1989). Предметом разбирательства также стал инцидент на матче НХЛ. Обвиняемый Дино Сиссарелли был зафиксирован в положении вне игры непосредственно перед тем, как потерпевший собрался ударить его в борт. Потерпевший не мог остановиться и не допустить контакта и с силой толкнул обвиняемого в борт. Тот повернулся

²⁰ *Yates J., Gillespie W.* Op. cit. P. 163.

²¹ *Farrugia P.* Op. cit. P. 480.

²² *Fafinski S.* Consent and the Rules of the Game: The Interplay of Civil and Criminal Liability for Sporting Injuries // *The Journal of Criminal Law.* 2005. Vol. 69 (5).

²³ *Gardiner S.* Op. cit. P. 609.

и ударил потерпевшего по голове три раза клюшкой. Вред ни одной из сторон причинен не был.

Суд применил изложенные выше критерии из дела Regina v. Сеу:

1. Характер игры: игра велась на высоком профессиональном уровне, игры НХЛ сильные и быстрые, предполагают много физического контакта. Профессиональный спортсмен больше осведомлен о рисках и опасности, и презюмируется, что он больше готов их принять в обмен на зарплату, нежели игрок-любитель.

2. Характер конкретного действия и окружающие обстоятельства: удар клюшкой соперника по голове не является разумной практикой и выходит за пределы согласия потерпевшего. Кроме того, удар произошёл после свистка, остановившего игру.

3. Степень примененной силы.

4. Степень риска причинения вреда: суд установил наличие опасности причинения вреда, хотя в действительности он причинен не был.

5. Психическое отношение обвиняемого к деянию: обвиняемый хотел припугнуть (устрашить, запугать) потерпевшего и причинить ему вред. Суд также учитывал, что это был ответный удар со стороны обвиняемого.

Несмотря на отсутствие вреда, удар клюшкой был признан потенциально слишком опасным и выходящим за рамки культуры профессиональной игры в хоккей. Суд признал обвиняемого виновным в нападении и назначил наказание в виде одного дня лишения свободы и штрафа в размере 1 тыс. долларов.

Это первый случай назначения лишения свободы (хотя и на столь незначительный срок) за насилие в спорте. Данным решением суд хотел показать отношение к насильственным действиям на спортивной площадке: «Спортивная арена не должна быть убежищем для несдерживаемого насилия, к которому не применяются уголовные законы»²⁴.

Перечень критериев, которые могут подлежать оценке при определении правомерности физического контакта, открытый. Уровень навыков, возраст игроков, их игровой опыт также могут иметь значение в каждом конкретном случае. В последующих делах, где применялся тест из дела Regina v. Сеу, суды вывели еще несколько критериев:

1. Предполагают ли правила игры физический контакт?

2. Было ли действие инстинктивной (рефлекторной) реакцией?

3. Связано ли действие с игровым моментом?

4. Находится ли действие в пределах обычных норм или правил игры?

Приверженность канадских судов концепции «игровой культуры» отчетливо прослеживается в деле Regina v. Marty McSorley (2000). При очевидном нарушении спортивных правил суд анализирует поведение обвиняемого с точки зрения обыденности такого нарушения и согласия игроков на его совершение.

На последних секундах матча обвиняемый Максорли, подъехав сзади, ударил соперника по голове клюшкой, тот упал на спину и сильно ударился головой об лед. В результате падения Дональд Брашир получил сотрясение мозга.

Суд резюмирует, что правила игры в хоккей НХЛ состоят из письменных правил, неписаного кодекса поведения, подразумеваемого согласия игроков и руководящих принципов, устанавливаемых судьями от игры к игре. Именно в этих нескольких неопределенных рамках должны играть спортсмены. Поэтому для оценки действий спортсмена необходимо ответить на вопрос, находились ли они в пределах обычных норм игры.

Вступить в драку с другим игроком — это легитимная игровая стратегия²⁵. Правила запрещают удары клюшками, но неписанные правила позволяют удары в течение игры (но исключают удары в голову)²⁶. Потерпевший, другие игроки

²⁴ Jones J. C. H., Stewart K. G., Sunderman R. From the Arena into the Streets: Hockey Violence, Economic Incentives and Public Policy // The American Journal of Economics and Sociology. 1996. Vol. 55. P. 231–243.

²⁵ Корона против Максорли (Regina v. McSorley) : решение суда провинции Британская Колумбия от 06.10.2000, § 21 // URL: <https://exhibits.library.utoronto.ca/items/show/2561> (дата обращения: 19.07.2024).

²⁶ Корона против Максорли (Regina v. McSorley), § 18.

и рефери заявили, что удар клюшкой в голову не входит в согласие игроков и не является частью обычной игры²⁷.

Суд постановил, что действия обвиняемого были умышленными, признал хоккеиста виновным в нападении с применением оружия и назначил наказание в виде 18 месяцев лишения свободы условно.

Заключение

Зарубежные авторы отмечают, что наказание, назначаемое в отношении спортсменов, гораздо мягче, чем наказания за те же деяния, совершенные при обычных обстоятельствах, — примерно одна треть от «обычного» наказания.

Кроме того, они резюмируют, что уголовное право применяется слишком непостоянно и противоречиво и в связи с этим не является эффективным средством контроля над спортивным насилием. Общество относится к привлеченному к ответственности спортсмену как к несправедливо обвиненной жертве. Реше-

ния о привлечении спортсменов к уголовной ответственности за насильственные действия во время занятий спортом носят произвольный и непоследовательный характер²⁸.

Зарубежная практика ориентирована на широкое понимание дозволенного поведения на поле, без строгого ограничения спортивными правилами. Безусловно, нарушения спортивных правил влекут наложение дисциплинарного взыскания, но не все они, даже в случае причинения вреда здоровью, достигают уровня преступного поведения. Такой подход учитывает специфику отдельных видов спорта и может применяться в относительно гибкой прецедентной правовой системе.

Используя теорию согласия, практика пытается выработать объективные критерии, которые очерчивали бы рамки согласия спортсменов на причинение вреда и не позволяли полностью вывести спорт из сферы действия уголовного права. При этом очевиден выборочный и показательный характер уголовных дел, которых существенно меньше, чем даже общеизвестных случаев спортивного насилия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1976. — 121 с.
2. Consent in Criminal Law: Violence in Sports // Michigan Law Review. — 1976. — Vol. 75. — P. 148–189.
3. Epstein A. Incorporating the Criminal Law in Sport Studies // The Sport Journal. — 2009. — Vol. 12.
4. Fafinski S. Consent and the Rules of the Game: The Interplay of Civil and Criminal Liability for Sporting Injuries // The Journal of Criminal Law. — 2005. — Vol. 69 (5).
5. Farrugia P. Consent Defence: Sports Violence, Sadomasochism, and the Criminal Law // Auckland University Law Review. — 1997. — P. 472–502.
6. Gardiner S. Sports Law. — GB : Cavendish Publishing, 2006.
7. Jones J. C. H., Stewart K. G., Sunderman R. From the Arena in-to the Streets: Hockey Violence, Economic Incentives and Public Policy // The American Journal of Economics and Sociology. — 1996. — Vol. 55. — № 2. — P. 231–243.

²⁷ Не существует такого понятия, как правильная атака в голову или шею. Хоккеист, совершающий силовой прием, обязан избегать нанесения удара в голову или шею соперника. Удар, приводящий к контакту с головой противника, где голова была основной точкой контакта и такого контакта с головой можно было избежать, не допускается (ст. 48 Правил хоккея, утвержденных Международной федерацией хоккея на льду (IIHF)) // URL: <https://www.iihf.com/en/statichub/4719/rules-and-regulations> (дата обращения: 15.08.2024)).

²⁸ Gardiner S. Op. cit. P. 616.

8. *Mohamadinejad A., Mirsafian H., Nemes A., Soltanhoseini M.* Assumption of Risk and Consent Doctrine in Sport // *Physical Culture and Sport Studies and Research*. — 2012. — Vol. 55. — P. 30–38.
9. *Pendlebury A.* The Regulation of on-the-ball Offences: Challenges in Court // *Entertainment and Sports Law Journal*. — 2012. — Vol. 10.
10. *Yates J., Gillespie W.* The Problem of Sports Violence and the Criminal Prosecution Solution // *Cornell Journal of Law and Public Policy*. — 2002. — Vol. 12. — P. 145–168.

Материал поступил в редакцию 8 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Krasikov A. N. *Sushchnost i znachenie soglasiya poterpevshego v sovetskom ugovnom prave*. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1976. — 121 s.
2. Consent in Criminal Law: Violence in Sports // *Michigan Law Review*. — 1976. — Vol. 75. — P. 148–189.
3. Epstein A. Incorporating the Criminal Law in Sport Studies // *The Sport Journal*. — 2009. — Vol. 12.
4. Fafinski S. Consent and the Rules of the Game: The Interplay of Civil and Criminal Liability for Sporting Injuries // *The Journal of Criminal Law*. — 2005. — Vol. 69 (5).
5. Farrugia P. Consent Defence: Sports Violence, Sadomasochism, and the Criminal Law // *Auckland University Law Review*. — 1997. — P. 472–502.
6. Gardiner S. *Sports Law*. — GB: Cavendish Publishing, 2006.
7. Jones J. C. H., Stewart K. G., Sunderman R. From the Arena in-to the Streets: Hockey Violence, Economic Incentives and Public Policy // *The American Journal of Economics and Sociology*. — 1996. — Vol. 55. — № 2. — P. 231–243.
8. *Mohamadinejad A., Mirsafian H., Nemes A., Soltanhoseini M.* Assumption of Risk and Consent Doctrine in Sport // *Physical Culture and Sport Studies and Research*. — 2012. — Vol. 55. — P. 30–38.
9. *Pendlebury A.* The Regulation of on-the-ball Offences: Challenges in Court // *Entertainment and Sports Law Journal*. — 2012. — Vol. 10.
10. *Yates J., Gillespie W.* The Problem of Sports Violence and the Criminal Prosecution Solution // *Cornell Journal of Law and Public Policy*. — 2002. — Vol. 12. — P. 145–168.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.132-145

Д. В. Бахтеев*,
Е. П. Шевырталов**

Информационное обеспечение криминалистической деятельности

Аннотация. Статья посвящена информационному обеспечению криминалистической деятельности сотрудников правоохранительных органов. Поскольку информация играет важную роль в обеспечении эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, возрастает необходимость изучения принципов работы с ней, а именно получения, анализа и последующего использования в установлении всех обстоятельств случившегося. Для этого необходимо сформировать представление об информационном обеспечении криминалистической деятельности и важности его применения при раскрытии и расследовании преступлений на основе анализа возможностей современных источников криминалистически значимой информации. В работе рассмотрены формы криминалистической информации: доказательственная, ориентирующая и справочная. Дано понятие информационного обеспечения криминалистической деятельности, а также исследовано его соотношение со смежными категориями. Оцениваются элементы системы информационного обеспечения криминалистической деятельности: информационные ресурсы, информационные технологии, информационные процессы и информационная безопасность. Проанализированы возможности использования основных источников информационного обеспечения криминалистической деятельности: специализированные программные системы, открытые информационные ресурсы, криминалистические учеты, мобильные справочные системы. Охарактеризована роль источников криминалистической информации в повышении эффективности деятельности по раскрытию и расследованию отдельных видов преступлений, раскрыты риски использования и пути их минимизации. Отмечено, что субъект расследования может обращаться как к внутренним, так и к внешним источникам информации, однако необходимо всегда критически относиться к любым сведениям.

Ключевые слова: информирование; информационное обеспечение; криминалистическое обеспечение; криминалистическая информация; цифровые технологии; СПО «Паутина»; угоны; клавиатурный почерк; мобильный справочник.

© Бахтеев Д. В., Шевырталов Е. П., 2025

* *Бахтеев Дмитрий Валерьевич*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, главный научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
ae@crimlib.info

** *Шевырталов Егор Павлович*, адъюнкт Уральского юридического института МВД России
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620017
shevyrtalove@yandex.ru

Для цитирования: Бахтеев Д. В., Шевырталов Е. П. Информационное обеспечение криминалистической деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 132–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.132-145.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>.

Information Support for Forensic Activities

Dmitry V. Bakhteev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminalistics, Chief Researcher, Research Department, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
ae@crimlib.info

Egor P. Shevyrtalov, Adjunct, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation
shevyrtalove@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to information support for forensic activities conducted by law enforcement officers. Since information plays an important role in ensuring the effectiveness of crime detection and investigation activities, there is an increasing need to study the principles of working with it, namely, obtaining, analyzing and subsequently using it to establish all the circumstances of the incident. To do this, it is necessary to form an idea of the information support for forensic activities and the importance of its application in solving and investigating crimes based on an analysis of the capabilities of modern sources of forensically significant information. The paper reveals the forms of forensic information, namely, evidentiary, orientation and reference. The concept of information support for forensic activities is given, and its relationship with related categories is studied. The elements of the information support system for forensic activities are assessed, namely, information resources, information technologies, information processes and information security. The possibilities of using the main sources of information support for forensic activities are considered, namely, specialized software systems, open information resources, forensic records, mobile reference systems. The paper characterizes the role of forensic information sources in increasing the efficiency of activities to solve and investigate certain types of crimes, describes the risks of use and ways to minimize them. It is noted that the subject of the investigation may refer to both internal and external sources of information, but it is always necessary to be critical of any information.

Keywords: informing; information support; forensic support; forensic information; digital technologies; SPO «Pautina»; car thefts; keyboard handwriting; mobile directory.

Cite as: Bakhteev DV, Shevyrtalov EP. Information Support for Forensic Activities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):132-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.132-145.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>.

Введение

Во все века информация выступала в качестве одного из важнейших ресурсов, необходимых для принятия эффективных и целесообразных решений, последствия которых могут затрагивать как одного человека, так и население всей планеты. В условиях развития постиндустриального общества ее значение существенно возросло, так как именно процессы оборота информации лежат сегодня в основе любой деятельности, а также развития научно-технического прогресса. Так, для целей раскрытия и расследования преступлений субъектам криминалистической деятельности необходимо получить точную информацию о механизме совершенного деяния, личности преступника, для чего обрабатываются значительные объемы сопутствующих сведений, носящих доказательственное, ориентирующее значение либо являющихся «шумом».

Вместе с тем современное общество сталкивается с проблемой значительной информационной наполненности, которая влечет за собой большое количество лишней, посторонней информации. Более того, развитие цифровых технологий и их адаптация для преступных целей приводят к созданию ложной информации, которая не может быть верифицирована без использования специальных знаний. В этой связи дополнительные аспекты актуальности приобретает проблема, которая существовала всегда, она касается информационного обеспечения криминалистической деятельности. Так, особого внимания заслуживают вопросы определения источников информационного обеспечения, методов проверки их достоверности, а также допустимых форм их использования непосредственно в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Именно этим вопросам будет посвящена настоящая работа, однако прежде считаем необходимым остановиться на общетеоретических основах института информационного обеспечения криминалистической деятельности, а

также специфики криминалистически значимой информации.

Информация и ее место в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений

Многообразие источников информации можно разделить на две группы: опосредованные и непосредственные¹. Если опосредованный источник информации используется только потому, что отражает свойства других объектов, имеющих значение для расследования, то непосредственный источник информации может выступать доказательством именно из-за своих внутренних свойств и признаков.

В рамках деятельности по раскрытию и расследованию преступлений наибольшее значение имеет криминалистическая (или криминалистически значимая) информация, которая может быть представлена в нескольких формах. Первая — это ориентирующая информация, содержащая в том числе данные о конкретном преступлении, вторая — это доказательственная информация о конкретном событии, облеченная в необходимую уголовно-процессуальную форму.

Но некоторые ученые выделяют и третий вид криминалистической информации — это справочная, которая представляет собой совокупность знаний и положений, связанных с криминалистической наукой. Ценность справочно-криминалистической информации заключается в том, что она повышает уровень осведомленности представителей правоохранительных органов по вопросам криминалистического обеспечения, что, в свою очередь, позитивно сказывается на эффективности расследования преступлений. Такая информация содержится в теоретической и научной литературе, различных базах данных, Интернете и иных информационно-справочных источниках. Информированность сотрудников — это, с одной стороны, задача правоохранительной системы в целом, с другой стороны, задача самого сотрудника, если

¹ Birzhanov B. Forensic Classification of Information Sources by the Mode of Representation // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 482.

он желает повысить свои профессионально-служебные компетенции и ориентироваться в больших массивах информации при расследовании отдельных видов преступлений.

Справочная криминалистическая информация имеет косвенное отношение к ориентирующей и доказательственной информации, так как формирует теоретическое представление об изучаемом явлении. Благодаря данной информации субъект расследования способен эффективно анализировать ориентирующую информацию, добытую в ходе производства процессуальных и непроцессуальных действий, относить ее к значимой или нет, а также придавать ей доказательственное значение и использовать в ходе предварительного расследования. Это возможно посредством соотнесения знаний субъекта, ведущего расследование, с уже полученными предварительными сведениями на предмет соответствия последних криминалистической теории, изложенной в информационно-справочных источниках. Ориентирующая информация только гипотетически может стать доказательственной, поэтому без грамотного анализа на основе справочно-криминалистической информации невозможно представить ее трансформацию в законную уголовно-процессуальную форму. Описанные далее проекты дают в распоряжение сотрудника правоохранительного органа именно ориентирующую информацию, что требует дальнейших действий по ее уголовно-процессуальному подтверждению.

Информационное обеспечение криминалистической деятельности: общетеоретические основы

Информационное обеспечение — многокомпонентная деятельность, относительно которой в научном сообществе не сформировано единой позиции. Приведем несколько существующих подходов.

Так, А. А. Беляков и Р. А. Усманов предлагают под информационным обеспечением понимать «процесс отыскания, оценки и использования содержащихся в хранилищах сведений, полученных в ходе расследования преступления сотрудниками правоохранительных органов, могущих быть доказательствами по делу или способствующих получению доказательств, которые обеспечивают правильное разрешение задач, стоящих перед следователем или оперативным работником»². Иное определение дает П. П. Ищенко, согласно мнению которого данный институт представляет собой «специально организуемую и целенаправленно осуществляемую правоохранительными органами, ведомствами и следственными подразделениями деятельность по созданию, обслуживанию и совершенствованию информационных систем, осуществляющих сбор, обработку, накопление, хранение, поиск, анализ и передачу криминалистически значимой информации, а также обеспечивающих на предусмотренных законом основаниях доступ к информационным ресурсам иных органов, предприятий и учреждений с целью предоставления уполномоченным субъектам дополнительной информации, необходимой для выявления, раскрытия и расследования преступлений»³. Несмотря на различия приведенных определений, можно выделить то общее, что составляет, на наш взгляд, *содержание информационного обеспечения криминалистической деятельности — оборот информации в процессе деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, направленный на снабжение субъектов данной деятельности всеми необходимыми для успешного решения задач уголовного правосудия сведениями.*

Как и любая сложная система, информационное обеспечение состоит из ряда структурных элементов: информационных ресурсов, технологий, процессов и информационной безопасности, — взаимосвязанных между собой и влияющих друг на друга. Так, сквозь призму

---

² Беляков А. А., Усманов Р. А. Состояние, проблемы и перспективы развития криминалистической регистрации в России : учеб. пособие. Красноярск : Красноярский государственный университет, 2001. С. 37.

³ Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности : науч.-практ. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, засл. деятеля науки РФ, проф. Е. П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 19–20.

уголовного процесса структурные элементы приобретают следующую специфику:

1) ресурсы — это любые сведения о группе сходных преступлений либо о конкретном преступлении, как уже полученные субъектом криминалистической деятельности, так и существующие независимо от него;

2) технологии — это инструменты, средства и методы, используемые для поиска, обработки, хранения и передачи необходимых информационных ресурсов правоохранительным органам, отдельным должностным лицам, а также между ними внутри правоохранительной системы;

3) процессы — это оптимальный набор действий субъекта криминалистической деятельности в условиях соблюдения принципа законности с целью получения и закрепления в необходимой уголовно-процессуальной форме информационных ресурсов;

4) безопасность — это состояние защищенности всех вышеперечисленных компонентов от внутреннего и внешнего негативного влияния, отрицательно сказывающегося на целостности информации, ходе расследования и достижении целей правосудия.

Информационное обеспечение криминалистической деятельности сегодня реализуется через различные функции. Значительную часть составляет техническое сопровождение процессов раскрытия и расследования преступлений, которое сосредотачивается на углублении и расширении компьютеризации и автоматизации; увеличении объема и содержания баз данных; улучшении программного обеспечения, используемого для решения регулярных задач в рамках предварительного расследования; разветвлении внутри- и межведомственных сетей по обмену информацией. Следующая функция связана с организационным сопровождением, посредством которого создаются и развиваются алгоритмы работы с информацией, формируются информационные структуры, обеспечивается информационное взаимодействие различных

должностных лиц и органов, а также возможность организации всех процессов в процессе раскрытия и расследования преступления. Последняя функция из числа наиболее значимых касается предоставления необходимых ресурсов для принятия правильного решения. Зарубежными авторами отмечается, что выполнение указанных функций возможно при синергии нескольких наук (например, криминалистики и информатики)⁴.

В этой связи интересно изучить выводы, предложенные в исследовании влияния информационных технологий на результаты расследования уголовных дел. Авторы пришли к тому, что важно не только внедрять современные системы по работе с информацией в деятельности полиции, но и постоянно контролировать их эффективность⁵.

Таким образом, информирование в рамках криминалистической деятельности имеет существенное значение для повышения ее эффективности. Вместе с тем на практике и в науке иногда возникает смешение таких смежных понятий, как информационное, криминалистическое и научно-техническое сопровождение деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, ввиду чего представляется необходимым выявить их соотношение.

Криминалистическое, информационное и научно-техническое сопровождение деятельности по раскрытию и расследованию преступлений

Криминалистическое обеспечение традиционно можно рассматривать как систему знаний (статический подход, предложенный Р. С. Белкиным) или как процесс внедрения этой системы в практическую деятельность (динамический подход, отраженный в трудах В. Г. Коломацкого). Синтезируя оба подхода, Е. С. Романова предлагает определять криминалистическое обеспечение расследования преступлений как

⁴ Zampranha L. F. Information Science and Police Activity: A Necessary Approach // Advanced Notes in Information Science. 2023. Vol. 4. P. 36–37.

⁵ Hekim H., Gul S. K., Akcam B. K. Police use of information technologies in criminal investigations // European Scientific Journal. 2013. Vol. 9. No. 4. P. 235.

систему формирования криминалистических знаний и представления их должностным лицам, принимающим участие в расследовании преступлений, в целях эффективного установления ими истины по уголовным делам⁶.

Учитывая вышеуказанное, под криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений предлагаем понимать совокупность процессов (операций), которая включает в себя:

1) накопление и совершенствование знаний в области всех разделов криминалистики и смежных областей знания;

2) представление таких знаний уполномоченному на расследование преступлений субъекту путем создания условий по эффективному взаимодействию между экспертными организациями, научным и техническим сообществами, образовательными учреждениями и правоохранительными органами;

3) реализацию задач по наиболее эффективному установлению всех обстоятельств произошедшего события (благодаря инструментарию, который предоставляет криминалистика, возможно выстраивать процесс расследования на качественно новом уровне — в этом заключается прикладное, практико-ориентированное значение криминалистики).

Таким образом, криминалистическое обеспечение предполагает системный процесс, на начальном этапе которого формируются научно обоснованные знания, облекающиеся далее в форму рекомендаций, которые предоставляются субъектам криминалистической деятельности. В отличие от этого, информационное сопровождение предполагает возможность оперирования «сырой» информацией, поступающей из любых источников, а не только от научного сообщества криминалистов. В этом ключе в состав источников криминалистического обеспечения не могут быть добавлены, но являются составной частью информационного обеспечения (как его ресурсы) несистемные

источники криминалистически значимых сведений, например открытые информационные системы, о которых речь пойдет далее.

А. В. Дроздов включает в криминалистическое обеспечение информационные, организационно-тактические и технические положения для решения задач правоохранительных органов по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений. Информационный компонент он понимает как систему научных положений по изучению исходной информации о факте совершения преступления, диагностированию складывающейся следственной ситуации, определению предмета доказывания по конкретному уголовному делу и направления расследования данного общественно опасного деяния⁷. Однако, как уже было указано нами ранее, информационное обеспечение не может ограничиваться исключительно криминалистическими знаниями. Например, для того чтобы увидеть полную картину произошедшего преступного события, необходимо не только изучить информацию о конкретном преступлении, но и получить ответы на вопросы, касающиеся криминалистической характеристики группы преступлений. Кроме того, информация может быть не только позитивной, но и негативной: когда нет подтверждения той или иной версии, это уже говорит о том, что событие происходило не так, как мог бы предположить следователь, соответственно, снижается уровень неопределенности изучаемого происшествия.

Считаем, что информационное и криминалистическое обеспечение находятся в логической связи пересечения: как информация может проистекать не только из достижений криминалистики, так и криминалистика предоставляет лицам, осуществляющим раскрытие и расследование преступлений, не только информацию, но и иные ресурсы, например конкретные технические средства.

Научно-техническое обеспечение деятельности по раскрытию и расследованию преступле-

---

⁶ Романова Е. С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 92–93.

⁷ Дроздов А. В. Информационные компоненты криминалистического обеспечения расследования преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 2 (29). С. 120.

ний непосредственно связано с криминалистическим и информационным обеспечением, но не исчерпывается им. В науке существует позиция, что научно-техническое сопровождение является составной частью криминалистического, располагаясь в разделе криминалистической техники⁸. Вместе с тем в процессе предварительного расследования могут использоваться любые не противоречащие закону достижения науки и техники, в том числе не получившие еще формального закрепления в криминалистических рекомендациях. С другой стороны, связь информационного и научно-технического обеспечения криминалистической деятельности может быть выражена через концепт соотношения идеального и материального: сообщение следователям (дознателям) о новых достижениях науки и техники — одно из возможных направлений информационного обеспечения, тогда как непосредственное их внедрение в криминалистическую деятельность в рамках развития материально-технического обеспечения — научно-техническое сопровождение.

Таким образом, криминалистическое, научно-техническое и информационное обеспечение деятельности по раскрытию и расследованию преступлений связаны между собой, но не являются тождественными или взаимоисключающими понятиями.

В работе мы сосредотачиваемся именно на информационном обеспечении криминалистической деятельности, под которым считаем необходимым понимать *основанный на системе научных положений и правовых нормах, но не исчерпывающийся ими процесс предоставления субъектам криминалистической деятельности информации, необходимой для решения задач уголовного судопроизводства*. При этом полагаем, что информирование может быть и

пассивным, когда информация существует в объективной форме, а следователь (дознатель) сам предпринимает действия, направленные на ее получение, в частности используя специальные возможности современных технологий, — то есть субъекту криминалистической деятельности информация не предоставляется.

Ключевую роль при информировании играют источники информации, которые, исходя из факта, отмеченного выше, могут быть как специализированными (то есть созданными для сбора и предоставления в установленном порядке информации, необходимой для решения задач государственного управления, осуществления иных функций государства), так и общими, из которых сам заинтересованный субъект получает необходимые сведения. Так, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, следственные отделы Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных государственных органов используют в своей деятельности следующие формы информационного обеспечения криминалистической деятельности: использование учетов, методическое обеспечение, анализ интернет-ресурсов, использование новейших IT-технологий⁹. На некоторых из них остановимся подробнее.

СПО «Паутина» как пример информационного обеспечения расследования

В последние годы МВД отмечает снижение числа совершаемых хищений автомобилей и угонов транспортных средств с одновременным ростом их раскрываемости¹⁰. Данной положительной динамике значительно способствует расширение сети камер видеонаблюдения за

⁸ Алымов Д. В. Основные направления развития научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 83.

⁹ Ложис З. З. Информационное обеспечение расследования преступлений Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации // Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность. 2020. № 1. С. 120.

¹⁰ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 г. : статистический сборник. М. : ГИАЦ МВД РФ, 2024. С. 6, 8.

дорогами общего пользования и совершенствование технологий обработки больших данных и распознавания образов. Введенное Министерством внутренних дел Российской Федерации специальное программное обеспечение (СПО) «Паутина» представляет собой программу, объединяющую и анализирующую данные с любых камер независимо от производителя, места установки и функционала (камеры парковки, магистральные, фиксации скорости), и предназначено для контроля за передвижением транспортных средств, что позволяет не только фиксировать нарушения правил дорожного движения, но и предупреждать, выявлять и пресекать преступления. Оговоримся, однако, что функции превенции у систем подобного рода выражены именно в криминалистическом, а не криминологическом ключе: предотвратить первое преступление таким путем невозможно, однако реально локализовать и задержать лицо, уже совершившее противоправное деяние.

Информация, попавшая в СПО «Паутина», передается в региональный ЦАФАП (центр автоматической фиксации административных правонарушений) ГИБДД, где сотрудники могут получить любые сведения о дорожной ситуации, например о количестве проезжающих по той или иной улице машин, о количестве выписываемых штрафов. Потенциал данной системы огромен: от определения проблем в организации дорожного движения до раскрытия преступлений. Если с начала запуска СПО «Паутина» в марте 2021 г. работало только в Центральном федеральном округе, то с октября 2022 г. система работает во всех регионах России, за исключением четырех. Всеобщий характер «Паутины» позволяет решить также существовавшую долгие годы проблему распределенного хранения данных: ранее материалы видеозаписи хранились отдельно в региональных ЦАФАП, в связи с чем автомобиль, который был похищен и вывезен за пределы региона, оказывалось

почти невозможным идентифицировать. Сегодня данные со всех регионов хранятся в единой базе, что обеспечивает возможность непрерывного отслеживания перемещений. Субъект расследования путем направления запроса в ЦАФАП ГИБДД может получить информацию о передвижениях разыскиваемого автомобиля, маршруте его пути, времени поездки, скорости, можно даже установить водителя и пассажира.

Помимо преступлений, связанных с хищением и угоном автомобилей, СПО «Паутина» имеет криминалистическое значение для раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных статьей 264 УК РФ, а также иных, совершенных с использованием транспортного средства как средства (например, при убийстве, совершенном путем наезда на потерпевшего). Так, данная система позволяет получить объективные сведения о дорожной обстановке, характере движения автомобилиста, поведении пешеходов, соблюдении правил дорожного движения и возможности предотвратить дорожно-транспортное происшествие, что повышает эффективность раскрытия и расследования достаточно сложных транспортных происшествий.

СПО «Паутина» осуществляет контроль передвижения транспортного средства посредством определения его регистрационного знака. Выходит, что при использовании поддельных автомобильных номеров либо при их отсутствии установить точное местонахождение угнанного транспорта становится почти невозможно. Указанную проблему можно решить при помощи технологий GSM/SMS¹¹ или GPS¹².

Использование ресурсной базы Интернета как источника оперативной информации

Основная цель использования Интернета в расследовании преступлений — поиск и передача по сети необходимой криминалистической ин-

---

¹¹ Abeo T. A., Hayfron-Acquah J. B., Panford J. K., Asante M. Enhancing the Security of Vehicles and the Work of the DVLA Using GSM/SMS Technologies // International Journal of Science and Engineering Applications. 2015. Vol. 4. Iss. 5. P. 262.

¹² Kommaraju R., Kommanduri R., Lingewararao S. R., Sravanthi B. IoT Based Vehicle (Car) Theft Detection // Image Processing and Capsule Networks (24 July 2021). P. 624.

формации в целях ее последующей аналитической обработки. В криминалистическом аспекте всё многообразие информации, циркулирующей в Интернете, предлагаем первоначально разделить на две основные группы: а) данные, отражающие те или иные стороны механизма преступления, которые могут выступать в качестве доказательств по делу; б) сведения, с помощью которых следователь, дознаватель могут ориентироваться в событиях, фактах, явлениях, так или иначе связанных как с расследуемым преступлением, так и с процессом расследования. Эта дифференциация соответствует указанному ранее разделению информации на доказательственную и ориентирующую.

Приведем в пример деятельность интернет-сайта «Угона.нет», с помощью которого лицо, производящее расследование, может получить информацию о современных способах угона транспортного средства, об особенностях установки и функционирования автомобильных систем охранной сигнализации, а также узнать статистику угонов. Если целью вышеуказанного ресурса является повышение осведомленности добросовестных граждан в вопросах противодействия угону транспортного средства и защиты личного имущества, то существуют информационные порталы, созданные специально для злоумышленников.

Так, в телеграм-канале LITVINOV182 размещаются не только сведения о современных устройствах, используемых для похищения автомобилей, но и предложения по продаже такого оборудования. На сайте aferizm.ru собрана база способов совершения мошеннических преступлений, а на значительном по объему содержащейся в нем информации портале MITRE ATT&CK (attack.mitre.org) — киберпреступлений (впрочем, с позиции их выявления). Вместе с тем данные ресурсы весьма полезны для субъектов криминалистической деятельности, так как позволяют им «узнать врага в лицо»: будучи проинформированными о том, как могут

действовать злоумышленники, следователи (дознаватели) получают возможность определить наиболее эффективную тактику расследования, подобрать индивидуальные для конкретного дела тактические приемы.

Кроме того, через различные интернет-ресурсы, в том числе специализированные, сотрудники правоохранительных органов могут взаимодействовать с населением, которое сообщает либо просто обсуждает информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования преступлений, проведения поисковых и розыскных мероприятий, обеспечения оперативно-розыскной деятельности. Одним из таких ресурсов является ресурс СПУА («Сообщество поиска угнанных автомобилей»), представляющий собой пополняемую пользователями открытую базу данных об угнанных и подозрительных автомобилях.

Перспективным направлением сбора криминалистически значимой информации можно считать технологию OSINT (open-source intelligence). При помощи разных ее инструментов возможно получить из открытых источников необходимую информацию об объекте. В правоохранительной практике нельзя обходить данную технологию стороной, однако стоит учитывать, что и злоумышленники часто используют OSINT в противоправных целях¹³.

Необходимо иметь в виду, что информация, получаемая из открытых информационных источников, главным из которых выступает сеть Интернет, в наибольшей степени подвержена риску дискредитации. Это связано с рядом факторов: заблуждением и повышенной эмоциональностью пользователей, публикующих информацию; злоумышленным намерением ввести в заблуждение адресатов публикуемой информации; утратой сообщением актуальности и т.д. Поэтому получаемая таким образом информация должна подвергаться наиболее внимательной проверке со стороны сотрудников правоохранительных органов.

¹³ Nobili M. Review OSINT tool for social engineering // Front. Big data. 2023. Vol. 6. P. 2.

Мобильные справочные системы как источник методической информации

Значимой составляющей информационного обеспечения является передача субъектам, осуществляющим деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, накопленных криминалистикой и иными науками уголовно-правового цикла знаний. Сегодня их объем очень велик и продолжает расти экспоненциально: регулярно защищаются новые диссертации, пишутся научные статьи, в которых каждый автор стремится предложить что-то новое, призванное в том числе повысить эффективность предварительного расследования. Вместе с тем трансляция всего многообразия идей на практику сегодня затруднена: действующие работники правоохранительных органов не имеют возможности изучать существенную часть публикуемых работ. Поэтому важной задачей ученых становится адаптировать собственные рекомендации для оперативного их восприятия практическими работниками. Для этого весьма удобно использовать формат мобильных приложений, однако до сих пор что в России, что за рубежом наиболее распространены неинтерактивные способы получения знаний¹⁴.

Сегодня существует два частных проекта такого рода: «CrimLib — Справочник следователя», разработанный на кафедре криминалистики УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, и «Справочник дознавателя МЧС», созданный на базе Главного управления МЧС России по Челябинской области. Эти мобильные приложения содержат справочную информацию, изложенную в форме кратких алгоритмов и рекомендаций, доступную любому пользователю смартфона,

установившему соответствующее приложение, даже без доступа к сети Интернет. Благодаря этим источникам обеспечивается возможность оперативного информирования субъектов криминалистической деятельности в части актуальных научных достижений, призванных повысить эффективность их работы. К тому же результаты анкетирования практических сотрудников подтверждают необходимость использования таких источников информации¹⁵.

При этом следует помнить: подобные справочники не могут подменить собой квалификации работника правоохранительного органа, который всегда должен самостоятельно оценивать сложившуюся по делу криминалистическую ситуацию и подбирать те рекомендации, которые обеспечат наилучшие результаты раскрытия и расследования конкретного преступления.

Криминалистические учеты и перспективы их развития

Криминалистические учеты признаются одним из основных источников информационного обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений¹⁶. Сегодня существует большое число различных учетов. Например, в экспертно-криминалистических подразделениях, в соответствии с приказом МВД России от 10.02.2006 № 70¹⁷, функционируют следующие виды учетов:

- следов рук; следов подошв обуви; следов орудий взлома; следов протекторов шин транспортных средств;
- данных ДНК биологических объектов; микрообъектов;

---

¹⁴ Shivdas S. A Complete Handbook for Digital Forensics Investigator // International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology. 2023. № 11 (8). P. 813–832.

¹⁵ Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 485.

¹⁶ Паршин Д. В. Роль и значение криминалистических и справочных учетов в предотвращении и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 24.

¹⁷ Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901969840?ysclid=lx5ur19pla807368026> (дата обращения: 08.06.2024).

- самодельных взрывных устройств; самодельного огнестрельного оружия; пуль, гильз и патронов со следами нарезного огнестрельного оружия, изъятых с мест происшествий; контрольных пуль и гильз утраченного служебного, гражданского оружия с нарезным стволом, боевого ручного стрелкового оружия;
- поддельных денежных билетов, ценных бумаг и документов; поддельных монет;
- субъективных портретов разыскиваемых лиц;
- фонограмм речи (голоса) неустановленных лиц;
- черепов неопознанных трупов.

Несмотря на огромное количество данных, находящихся в криминалистических учетах, существует ряд проблем, негативно влияющих на процесс расследования, одной из которых является разрозненность и нескоординированность различных видов учетов. Решение заключается в создании единой системы, способной объединить и систематизировать всю криминалистическую информацию. Это возможно реализовать посредством компьютерной системы, функционирующей по единому программному обеспечению¹⁸. Такие изменения позволяют субъекту расследования оперативно получать необходимые данные.

Одновременно развитие научно-технического прогресса, совершенствование преступной деятельности приводят ученых к вполне обоснованной позиции, согласно которой требуется развивать систему государственной регистрации, расширять перечень объектов, подлежащих учету, в том числе включать в их число био-

метрические данные¹⁹. Помимо этого, указывается, что «новые виды учетов, появившихся в системе криминалистической регистрации МВД, могут быть непосредственно связаны с преступлением с использованием компьютерных технологий и лицами, его совершившими»²⁰. Объединяя последние два изложенных тезиса, считаем перспективным создание государственного учета лиц по признакам клавиатурного почерка.

Клавиатурный почерк — биометрическая поведенческая характеристика, описывающая, как человек набирает текст на клавиатуре. Он идентифицируется через большое число разнообразных признаков: время удержания клавиши, длительность интервалов между нажатиями, системно допускаемые ошибки и опечатки, скорость набора текста и т.д.²¹ Особенности клавиатурного почерка можно использовать как для повышения безопасности и удобства аутентификации обычным паролем²², так и для решения задач уголовного судопроизводства. С помощью исследования клавиатурного почерка возможно точно установить исполнителя напечатанного текста — то есть в условиях стремительной цифровизации и всеобщего перехода на электронный документооборот это может послужить альтернативой часто назначаемым почерковедческим экспертизам. Вместе с тем для выявления злоумышленников, публикующих противоправные текстовые материалы (экстремистского характера, например) на цифровых ресурсах, перспективным будет иметь возможность сопоставить признаки клавиатурного почерка лиц, создающих эти тексты, с почерком

¹⁸ Kazemikaitiene E., Petrauskas R. Unified Criminalistic Information System for Investigation of Crimes and Violations of Law. Vilnius, 2001.

¹⁹ Булгаков В. Г., Барковская Е. Г. Отражение концепции биометрии человека в системе криминалистической регистрации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 1 (8). С. 33.

²⁰ Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Захарова С. С. Использование учетов системы криминалистической регистрации МВД России в ходе первоначального этапа расследования преступления в сфере компьютерной информации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 375–376.

²¹ Артюшина Л. А., Троицкая Е. А. Некоторые подходы к оценке информативности параметров идентификации пользователя по клавиатурному почерку на основе поведенческой биометрии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2022. Т. 22. № 3. С. 32. DOI: 10.14529/ctcr220303.

²² Wahab A., Hou D. A User Study of Keystroke Dynamics as Second Factor in Web MFA // CODASPY'23 : Thirteenth ACM Conference on Data and Application Security and Privacy (April 2023).

подозреваемых, обвиняемых в совершении конкретного компьютерного преступления, для чего и нужно создать предлагаемый учет. Некоторые иностранные исследователи утверждают, что клавиатурный почерк может выступать способом и для пассивной цифровой дактилоскопии²³.

Однако при разработке новых систем государственной регистрации необходимо соблюдать основные права и свободы людей, обеспечивать высокую степень защищенности собираемых сведений. В этой связи требуется очень осторожно подходить к модернизации криминалистических учетов, объективно сопоставляя эффективность и риски. Данный тезис относится и к выделению как самостоятельного вида в структуре компьютерно-технических экспертиз исследований клавиатурного почерка²⁴.

Заключение

Упомянутые в статье проекты как ведомственного, так и гражданского происхождения демонстрируют очевидную идею: в повышении эффективности противодействия правонарушениям заинтересованы не только правоохранительные органы, но и многие представители научно-технического сообщества. Современный следователь может обращаться как к внутренним, так

и к внешним источникам криминалистически значимой информации, однако каждый блок сведений необходимо подвергать скрупулезной оценке для отнесения его либо сразу к доказательственной информации, либо к ориентирующим сведениям, подлежащим верификации с помощью богатого арсенала уголовно-процессуальных средств.

Цифровые технологии предоставляют правоохранительным органам широкие возможности, упрощают и совершенствуют их деятельность, однако не стоит забывать о правильном и осторожном их использовании с целью соблюдения баланса частных и публичных интересов в лице государства, стремящегося обеспечить состояние защищенности от внутренних и внешних угроз.

Любая информация, получаемая субъектами криминалистической деятельности, должна подвергаться критическому осмыслению сквозь призму жизненного и профессионального опыта, в основе формирования которого лежит не только длительность практической работы, но и качество знаний, полученных в процессе обучения. Соответственно, успех любого информационного обеспечения напрямую зависит от личности субъекта криминалистической деятельности, его интеллектуальных и морально-нравственных качеств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алымов Д. В. Основные направления развития научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». — 2018. — Т. 8. — № 2 (27). — С. 81–91.
2. Артюшина Л. А., Троицкая Е. А. Некоторые подходы к оценке информативности параметров идентификации пользователя по клавиатурному почерку на основе поведенческой биометрии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». — 2022. — Т. 22. — № 3. — С. 30–38. — DOI: 10.14529/ctcr220303.
3. Булгаков В. Г., Барковская Е. Г. Отражение концепции биометрии человека в системе криминалистической регистрации // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2009. — № 1 (8). — С. 32–37.

---

²³ Awad A., Ahmed E., Traore I., Almulhem A. Digital Fingerprinting Based on Keystroke Dynamics // Proceedings of the Second International Symposium on Human Aspects of Information Security & Assurance (HAISA 2008) (5 January 2008).

²⁴ Цветкова А. Д. Основы компьютерно-технической экспертизы клавиатурного почерка // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы международной научно-практической конференции (СПб., 10–11 июня 2024 г.). С. 1006.

4. Дроздов А. В. Информационные компоненты криминалистического обеспечения расследования преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2015. — № 2 (29). — С. 119–121.
5. Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности : науч.-практ. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, засл. деятеля науки РФ, проф. Е. П. Ищенко. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 162 с.
6. Ложис З. З. Информационное обеспечение расследования преступлений Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации // Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность. — 2020. — № 1. — С. 119–124.
7. Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Захарова С. С. Использование учетов системы криминалистической регистрации МВД России в ходе первоначального этапа расследования преступления в сфере компьютерной информации // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 9 (160). — С. 375–376.
8. Паршин Д. В. Роль и значение криминалистических и справочных учетов в предотвращении и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2016. — № 2 (77). — С. 24–31.
9. Романова Е. С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений // Российский юридический журнал. — 2010. — № 6. — С. 88–94.
10. Цветкова А. Д. Основы компьютерно-технической экспертизы клавиатурного почерка // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы международной научно-практической конференции (СПб., 10–11 июня 2024 г.). — СПб., 2024. — С. 1003–1006.
11. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики : монография. — М., 2010. — 416 с.
12. Abeo T. A., Hayfron-Acquah J. B., Panford J. K., Asante M. Enhancing the Security of Vehicles and the Work of the DVLA Using GSM/SMS Technologies // International Journal of Science and Engineering Applications. — 2015. — Vol. 4. — Iss. 5. — P. 261–268.
13. Awad A., Ahmed E., Traore I., Almulhem A. Digital Fingerprinting Based on Keystroke Dynamics // Proceedings of the Second International Symposium on Human Aspects of Information Security & Assurance (HAISA 2008) (5 January 2008).
14. Birzhanov B. Forensic Classification of Information Sources by the Mode of Representation // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2015. — Vol. 6. — № 3. — P. 478–483.
15. Hekim H., Gul S. K., Akcam B. K. Police use of information technologies in criminal investigations // European Scientific Journal. — 2013. — Vol. 9. — № 4. — P. 221–240.
16. Jemberie M. Enhanced Forms of Criminal Investigation: Analysis on Its Potential Risks to Human Rights // Beijing Law Review. — 2016. — Vol. 7. — P. 33–41.
17. Kazemikaitiene E., Petrauskas R. Unified Criminalistic Information System for Investigation of Crimes and Violations of Law. — Vilnius, 2001.
18. Kommaraju R., Kommanduri R., Lingesararao S. R., Sravanthi B. IoT Based Vehicle (Car) Theft Detection // Image Processing and Capsule Networks (24 July 2021). — P. 620–628.
19. Nobili M. Review OSINT tool for social engineering // Front. Big data. — 2023. — Vol. 6. — P. 1–13.
20. Shivdas S. A Complete Handbook for Digital Forensics Investigator // International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology. — 2023. — № 11 (8). — P. 813–832.
21. Wahab A., Hou D. A User Study of Keystroke Dynamics as Second Factor in Web MFA // CODASPY'23 : Thirteenth ACM Conference on Data and Application Security and Privacy (April 2023).
22. Zampranha L. F. Information Science and Police Activity: A Necessary Approach // Advanced Notes in Information Science. — 2023. — Vol. 4. — P. 15–38.

Материал поступил в редакцию 8 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alymov D. V. Osnovnye napravleniya razvitiya nauchno-tehnicheskogo obespecheniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya i pravo». — 2018. — Т. 8. — № 2 (27). — С. 81–91.

2. Artyushina L. A., Troitskaya E. A. Nekotorye podkhody k otsenke informativnosti parametrov identifikatsii polzovatelya po klaviaturnomu pocherku na osnove povedencheskoy biometrii // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Kompyuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika». — 2022. — Т. 22. — № 3. — С. 30–38. — DOI: 10.14529/ctcr220303.
3. Bulgakov V. G., Barkovskaya E. G. Otrazhenie kontseptsii biometrii cheloveka v sisteme kriminalisticheskoy registratsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. — 2009. — № 1 (8). — С. 32–37.
4. Drozdov A. V. Informatsionnye komponenty kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestupleniy // Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2015. — № 2 (29). — С. 119–121.
5. Ishchenko P. P. Informatsionnoe obespechenie sledstvennoy deyatel'nosti: nauch.-prakt. posobie / pod red. d-ra yurid. nauk, zasl. deyatelya nauki RF, prof. E. P. Ishchenko. — М.: YurLitinform, 2011. — 162 s.
6. Lozhis Z. Z. Informatsionnoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy Glavnogo upravleniya kriminalistiki Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii // Sudebnaya deyatel'nost, prokurorskaya deyatel'nost, pravozashchitnaya i pravookhranitel'naya deyatel'nost. — 2020. — № 1. — С. 119–124.
7. Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Zakharova S. S. Ispolzovanie uchotov sistemy kriminalisticheskoy registratsii MVD Rossii v khode pervonachalnogo etapa rassledovaniya prestupleniya v sfere kompyuternoy informatsii // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2021. — № 9 (160). — С. 375–376.
8. Parshin D. V. Rol i znachenie kriminalisticheskikh i spravochnykh uchotov v predotvrashchenii i rassledovanii prestupleniy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2016. — № 2 (77). — С. 24–31.
9. Romanova E. S. K voprosu o ponyatii kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestupleniy // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2010. — № 6. — С. 88–94.
10. Tsvetkova A. D. Osnovy kompyuterno-tekhnicheskoy ekspertizy klaviaturnogo pocherka // Sankt-Peterburgskiy mezhdunarodnyy kriminalisticheskiy forum: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (SPb., 10–11 iyunya 2024 g.). — SPb., 2024. — С. 1003–1006.
11. Shmonin A. V. Metodologiya kriminalisticheskoy metodiki: monografiya. — М., 2010. — 416 s.
12. Abeo T. A., Hayfron-Acquah J. B., Panford J. K., Asante M. Enhancing the Security of Vehicles and the Work of the DVLA Using GSM/SMS Technologies // International Journal of Science and Engineering Applications. — 2015. — Vol. 4. — Iss. 5. — P. 261–268.
13. Awad A., Ahmed E., Traore I., Almulhem A. Digital Fingerprinting Based on Keystroke Dynamics // Proceedings of the Second International Symposium on Human Aspects of Information Security & Assurance (HAISA 2008) (5 January 2008).
14. Birzhanov B. Forensic Classification of Information Sources by the Mode of Representation // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2015. — Vol. 6. — № 3. — P. 478–483.
15. Hekim H., Gul S. K., Akcam B. K. Police use of information technologies in criminal investigations // European Scientific Journal. — 2013. — Vol. 9. — № 4. — P. 221–240.
16. Jemberie M. Enhanced Forms of Criminal Investigation: Analysis on Its Potential Risks to Human Rights // Beijing Law Review. — 2016. — Vol. 7. — P. 33–41.
17. Kazemikaitiene E., Petrauskas R. Unified Criminalistic Information System for Investigation of Crimes and Violations of Law. — Vilnius, 2001.
18. Kommaraju R., Kommanduri R., Lingeswararao S. R., Sravanthi B. IoT Based Vehicle (Car) Theft Detection // Image Processing and Capsule Networks (24 July 2021). — P. 620–628.
19. Nobili M. Review OSINT tool for social engineering // Front. Big data. — 2023. — Vol. 6. — P. 1–13.
20. Shivdas S. A Complete Handbook for Digital Forensics Investigator // International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology. — 2023. — № 11 (8). — P. 813–832.
21. Wahab A., Hou D. A User Study of Keystroke Dynamics as Second Factor in Web MFA // CODASPY'23: Thirteenth ACM Conference on Data and Application Security and Privacy (April 2023).
22. Zampronha L. F. Information Science and Police Activity: A Necessary Approach // Advanced Notes in Information Science. — 2023. — Vol. 4. — P. 15–38.

Информационная безопасность электронного документооборота в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье анализируются состояние и перспективы обеспечения безопасности электронного документооборота в рамках уголовного судопроизводства в контексте цифровой трансформации правоохранительных органов. В первую очередь охарактеризованы угрозы безопасности информации. Определены нормативные основы обеспечения безопасности, уделено внимание организационным вопросам. Констатируется, что организационные средства обеспечения безопасности включают определение и нормативное закрепление круга лиц, допущенных к работе с электронным документооборотом, недопущение воздействия на информацию иных лиц и явлений. Подробно рассматриваются технические средства обеспечения безопасности электронного документооборота, включая аппаратно-программные, аппаратные и криптографические средства защиты. В качестве перспектив ближайшего времени выделены: более активное использование облачных сервисов и технологии блокчейн для сохранности информации, а также перспективных квантовых технологий криптографии и квантовой передачи информации. Автор приходит к выводу, что только в системе все меры обеспечения безопасности электронного документооборота в уголовном судопроизводстве могут дать синергетический эффект, гарантирующий безопасность информации.

Ключевые слова: электронное правосудие; электронный документооборот; защита электронной информации; уголовное судопроизводство; технические методы защиты информации; идентификация пользователя; аутентификация пользователя; верификация информации; блокчейн; облачные сервисы; квантовые методы защиты информации; ГАС «Правосудие».

Для цитирования: Смушкин А. Б. Информационная безопасность электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 146–156. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.146-156.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Information Security of Electronic Document Flow in Criminal Proceedings

Alexander B. Smushkin, Leading Researcher, Project Office of Scientific Programs and Research, Associate Professor, Department of Criminalistics, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
skif32@yandex.ru

Abstract. The paper examines the state and prospects of ensuring the security of electronic document flow in criminal proceedings in the context of the digital transformation of law enforcement agencies. First, threats to

© Смушкин А. Б., 2025

* Смушкин Александр Борисович, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
skif32@yandex.ru

information security are characterized. The regulatory framework for ensuring safety has been defined, and attention has been given to organizational issues. It is stated that organizational means of ensuring security include the definition and regulatory consolidation of the circle of persons allowed to work with electronic document flow, as well as the prevention of the impact on information by other persons and phenomena. The technical means of ensuring the security of electronic document management are examined in detail, including hardware and software, hardware and cryptographic means of protection. The following are highlighted as prospects for the near future: more active use of cloud services and blockchain technology for information security, as well as promising quantum technologies of cryptography and quantum information transfer. As a conclusion, it is stated that only in the system all measures to ensure the security of electronic document flow in criminal proceedings can provide a synergistic effect that guarantees the security of information.

Keywords: electronic justice; electronic document flow; protection of electronic information; criminal proceedings; technical methods of information protection; user identification; user authentication; information verification; blockchain; cloud services; quantum methods of information protection; GAS «Pravosudie».

Cite as: Smushkin AB. Information Security of Electronic Document Flow in Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):146-156. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.146-156.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Введение

В условиях активной цифровой трансформации органов уголовного судопроизводства особое значение приобретает обеспечение информационной безопасности электронного документооборота в уголовном судопроизводстве. В процессе расследования и осуществления правосудия в системы электронного документооборота попадает большой объем информации, составляющей тайну следствия, тайну личной жизни участников уголовного судопроизводства и иные охраняемые законом тайны. Цифровизации уголовного судопроизводства и вопросам электронного документооборота в уголовном судопроизводстве посвящено большое количество научных трудов. Однако результативность электронного документооборота обуславливается в значительной мере его информационной безопасностью.

Президент РФ обозначил информационную безопасность в качестве задачи, необходимой для достижения национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муници-

пального управления, экономики и социальной сферы»¹.

Угрозы информационной безопасности

В наиболее общем виде среди угроз электронному документообороту в уголовном судопроизводстве можно выделить внешние и внутренние.

К внешним угрозам относятся естественные и искусственные угрозы, а к внутренним — умышленные или неумышленные. Естественные угрозы практически не зависят от пользователей (пожар, наводнение, землетрясение, приведшие к уничтожению или сильному повреждению электронных носителей информации). Искусственные угрозы — прямые хакерские атаки, взломы, вирусы.

Внутренние угрозы возникают вследствие действий (бездействия) сотрудников правоохранительного органа. Умышленными угрозами являются прямая преднамеренная передача информации, полное или частичное снятие защит-

---

¹ П. «л» ч. 8 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 27.05.2024).

ных мер. Неумышленные возникают вследствие халатного отношения к своим обязанностям или режиму защиты информации, недостатка знаний об использовании мер безопасности или неосторожности.

А. Г. Анацкая выделяет следующие угрозы информационной безопасности для используемых в уголовном судопроизводстве систем документооборота:

- «угроза целостности;
- угроза конфиденциальности;
- угроза доступности;
- угроза работоспособности системы;
- невозможность доказательства авторства»².

Правовая основа обеспечения информационной безопасности

В первую очередь необходимо отметить Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, который в качестве целей защиты указывает триаду: защита информации, обеспечение ее конфиденциальности и обеспечение доступа к ней. Достижение этих целей возможно с помощью комплекса правовых, организационных и технических мер.

Однако как же реализуются данные меры в уголовном судопроизводстве? К правовым мерам обеспечения информационной безопасности электронного документооборота в уголовном судопроизводстве относятся нормативные акты, регламентирующие уголовную, дисципли-

нарную, административную или гражданско-правовую ответственность, а также использование инструментов защиты информации.

С 1 января 2017 г. в УПК РФ действует статья 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве»⁴. Данной нормой установлены ситуации подписания электронных документов в уголовном судопроизводстве разными видами электронной подписи. Использование электронных документов на досудебном этапе уголовного судопроизводства началось с 2024 г.⁵

Усиленная квалифицированная электронная подпись предусмотрена для наиболее важных документов, влияющих на осуществление судопроизводства. Простой электронной подписью подписываются менее важные документы.

Использование электронной подписи в рамках уголовного судопроизводства осуществляется в рамках соответствующих указанных выше норм УПК РФ, а также Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»⁶. Электронная подпись — одна из важнейших криптографических мер защиты информации в уголовном судопроизводстве (подробнее характеристики различных видов электронной подписи рассмотрим далее).

Важным элементом обеспечения безопасности электронной информации в рамках уголовного судопроизводства является защита критической информационной инфраструктуры. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁷ раскрывает механизм обнаружения, преду-

² Анацкая А. Г. Защита электронного документооборота : учеб. пособие. Омск : СибАДИ, 2019.

Сходной позиции придерживаются и некоторые другие авторы. См., например: Ушаков Н. О., Сибикина И. В., Космачева И. М. Информационная безопасность в системах электронного документооборота // Техническая эксплуатация водного транспорта: проблемы и пути развития. 2021. № 1. С. 70–71.

³ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁴ Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.

⁵ Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 53.

⁶ СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

⁷ СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.

преждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты с критической информационной инфраструктурой, а также закрепляет создание государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации.

Обработка персональных данных в ходе электронного документооборота в рамках уголовного судопроизводства регулируется в том числе и Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»⁸. Закон подробно рассматривает меры обеспечения безопасности персональных данных.

В настоящее время обеспечением безопасности государственных информационных систем занимается Центр информационной безопасности Федеральной службы безопасности. Нормативными актами ФСБ регламентированы некоторые вопросы в данной сфере. Так, приказом ФСБ РФ от 09.02.2005 № 66 утверждено Положение о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации⁹. Требования к средствам электронной подписи и Требования к средствам удостоверяющего центра утверждены приказом ФСБ РФ от 27.12.2011 № 796¹⁰.

Организационные средства обеспечения безопасности электронного документооборота в уголовном судопроизводстве

Организационные средства обеспечения безопасности включают определение и нормативное закрепление круга лиц, допущенных к работе с электронным документооборотом, а

также недопущение воздействия на информацию иных лиц и явлений.

Среди организационных средств можно выделить:

- надлежащий учет и хранение ключей шифрования и электронной подписи;
- эксплуатацию компетентными обученными сотрудниками ключей шифрования и электронной подписи в соответствии с разработанным порядком;
- разграничение прав доступа;
- ведение строгого учета доступа сотрудников к информации ограниченного распространения;
- тщательную идентификацию и аутентификацию пользователей, осуществляемую в дистанционном режиме, а также верификацию информации;
- ограничение физического доступа посторонних в помещение, в котором расположено компьютерное оборудование, предназначенное для обеспечения функционирования электронного документооборота и хранения информации;
- обеспечение отказоустойчивости и помехоустойчивости оборудования, бесперебойного электроснабжения, экранирования электромагнитных и иных воздействий;
- контроль подрядчиков, занимающихся обеспечением функционирования и обновления, технической поддержкой электронного документооборота в уголовном судопроизводстве;
- импортозамещение и «приземление» персональной информации.

Современные системы электронного документооборота позволяют отслеживать маршрут любого документа и действия любого должностного лица, а также ограничивать доступ к

---

⁸ Ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 06.02.2023) // Российская газета. 2006. 29 июля. № 165.

⁹ Приказ ФСБ РФ от 09.02.2005 № 66 «Об утверждении Положения о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации (Положение ПКЗ-2005)» // Российская газета. 2005. 19 марта. № 55.

¹⁰ Приказ ФСБ РФ от 27.12.2011 № 796 «Об утверждении Требований к средствам электронной подписи и Требований к средствам удостоверяющего центра» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. 16 апреля. № 16.

документам. Право на доступ к данным могут получать на различных этапах судопроизводства разные лица в разном объеме. Так, уже достаточно широко распространены варианты ознакомления обвиняемого с обвинительным заключением в электронном виде.

И. Иванов отмечает, что для электронного правосудия оптимальным может быть следующее: «1) децентрализация; 2) одноранговая структура; 3) асимметричный способ шифрования; 4) обязательное государственное регулирование и контроль»¹¹.

Аппаратно-программные и иные технические средства обеспечения безопасности электронного документооборота

Технические средства обеспечения безопасности электронного документооборота можно условно разделить на аппаратные, аппаратно-программные, криптографические и иные технические.

Как отмечает А. О. Калашников, «к аппаратно-программным средствам относятся:

- аппаратная защита и специализированные шлюзы,
- сертификаты электронной подписи,
- средства идентификации и аутентификации пользователей,
- межсетевые экраны — брандмауэры,
- системы обнаружения вторжений,
- средства резервного копирования»¹².

А. Викулина дополнила перечень, указав следующие меры:

- «логическое разделение сети на сегменты и построение изолированных сетей для обращения конфиденциальной информации,
- криптографические средства защиты информации,

— использование новых технологий — блокчейна или квантовых технологий,

— многие другие, а также их вариации и комбинации»¹³.

Аппаратные средства защиты представляют собой различные электронные, электромеханические, технические средства, которые аппаратным путем решают вопросы защиты информации. К таковым можно условно отнести источники бесперебойного питания, сетевые фильтры и иное оборудование, встроенные программные средства защиты.

В целях обеспечения безопасности данных в электронном документообороте используется отечественное лицензионное антивирусное программное обеспечение.

Установление личности участника судопроизводства, его аутентификация и верификация в дистанционном режиме вполне возможны. Для идентификации участника судопроизводства существует несколько вариантов:

- 1) использование учетных записей лиц на ведомственных порталах и цифровых платформах;
- 2) идентификация и аутентификация лиц через учетные записи портала «Госуслуги»;
- 3) разработка единой экосистемы уголовного судопроизводства с объединением действующих ведомственных платформ и иных банков данных в модульной архитектуре либо путем соединения шлюзами.

Как отметили О. А. Зайцев и П. С. Пастухов, «при проведении... следственных действий потребуются не только комплекс мер, указанных в законе, но и информационно-технологические средства, обеспечивающие идентификацию лица без его личного присутствия (единая система идентификации и аутентификации; единая информационная система персональных дан-

¹¹ Иванов И. Оптимизация делопроизводства в суде с учетом внедрения электронного правосудия // Закон. ру. URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/10/optimizaciya_deloproizvodstva_v_sude_s_uchyotom_vnedreniya_elektronnoego_pravosudiya#footnote10back (дата обращения: 08.07.2024).

¹² Калашников А. О. Модели и методы организационного управления информационными рисками корпораций : дис. ... д-ра техн. наук. М., 2011. С. 37.

¹³ Викулина А. Защита систем электронного документооборота // WiseAdvice. Интерпратор 1С. URL: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/zashhita-sistem-edo/?ysclid=lxir3lvif950544027> (дата обращения: 08.07.2024).

ных, обеспечивающая обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным)»¹⁴.

Оптимальным представляется использование многофакторной идентификации и аутентификации лица, в том числе с распознаванием по биометрическим показателям, а также применение разработок в области идентификации лица по клавиатурному почерку¹⁵.

Д. А. Степаненко и А. А. Рудых в своей публикации достаточно подробно разработали цифровые решения вопросов идентификации и аутентификации пользователей¹⁶.

Межсетевые экраны — это аппаратно-программные средства, осуществляющие фильтрацию трафика сетевых пакетов. При этом параметры фильтрации могут быть установлены администратором сети заранее.

Системы предотвращения вторжений предназначены для обнаружения, блокирования и предотвращения попыток несанкционированного доступа.

Криптографические системы дифференцируются:

- на симметричные, в которых для шифрования и дешифровки используется один и тот же ключ;

- криптосистемы с открытым ключом: для шифрования используется ключ, находящийся в

открытом доступе, а для дешифровки — ключ, известный только получателю сообщения;

- управление ключами — процесс обработки информации, включающий составление и распределение ключей между пользователями;
- электронную подпись.

Использование электронных подписей в различных сферах, включая уголовное судопроизводство, определено Законом «Об электронной подписи». Согласно п. 1 ст. 2 данного Закона, электронная подпись — это «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию». Электронная подпись может быть простой и усиленной. Усиленная, в свою очередь, бывает неквалифицированной и квалифицированной.

Простая подпись в уголовном судопроизводстве используется в строго установленных законом случаях для подписания документов, не влияющих кардинально на процесс расследования и осуществления судопроизводства на судебной стадии (ст. 474.1–474.2 УПК РФ). Простая электронная подпись заключается в подтверждении факта формирования подписи простой парольной системой.

Остальные электронные документы в уголовном судопроизводстве должны быть подписаны

¹⁴ Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 304.

Аналогичной позиции придерживается и М. А. Юркевич. См.: Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 167.

¹⁵ Криминалистическое значение индивидуально-психологических особенностей личности на характеристики изготовления электронного документа / Е. С. Гольдшмидт, Р. Г. Драпезо, В. Н. Шелестюков [и др.] // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6 (14). С. 65–72 ; Перегудов А. В. Анализ клавиатурного почерка. Способы его применения // Интерактивная наука. 2018. № 6 (28). С. 59–60 ; Протасевич А. А., Фойгель Е. И. О возможностях криминалистической габитоскопии при реализации мер противодействия современной киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 471–480.

¹⁶ Степаненко Д. А., Рудых А. А. К вопросу об использовании механизма удаленной идентификации и аутентификации в правоохранительной деятельности // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Третьей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 318–326.

усиленной квалифицированной электронной подписью.

Согласно ч. 3–5 ст. 5 Закона «Об электронной подписи», усиленной квалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая удовлетворяет следующим требованиям:

- 1) получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи;
- 2) позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ;
- 3) позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания;
- 4) создается с использованием средств электронной подписи;
- 5) ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате;
- 6) для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с Законом.

При использовании усиленной квалифицированной электронной подписи изменение информации невозможно без нарушения целостности системы, что обеспечивает неизменность информации в подписанных электронных документах и безопасность самого электронного документооборота в уголовном судопроизводстве.

Отдельно стоит сказать об использовании хеш-сумм для верификации информации. Хеш-сумма представляет собой формулу, основанную на определенном алгоритме. При этом разные файлы различаются по данным контрольным суммам, а контрольные суммы оригинального файла идентичны, что дает возможность дифференциации разных файлов и, соответственно, идентификации конкретного. Существует много алгоритмов расчета контрольной суммы: MD5, CRC32, SHA-1, SHA-2, GOST, GOST-CRYPT и др. Следовательно, указание контрольной суммы файла с электронным документом, особенно нескольких вариантов,

вычисленных по разным алгоритмам расчета, дает возможность сравнения с изучаемым документом для гарантии неизменности первоначального содержания электронного документа.

Перспективы обеспечения безопасности электронного документооборота в уголовном судопроизводстве

Относительно ближайших перспектив обеспечения безопасности информации в электронном документообороте следует отметить использование облачных сервисов, блокчейна и квантовых технологий.

Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р¹⁷, в рамках приоритетных с точки зрения информационной безопасности направлений исследований и разработок в области информационных технологий называет стимулирование циркуляции данных облачных сервисов внутри страны. Облачные сервисы в основном используют принцип распределенного хранения информации. Информационный объект дробится на некоторое количество частей, хранится на разных облачных серверах и собирается в единый объект только по запросу. При этом возможно использование облачных серверов не только как дистанционных хранилищ информации, но и в иных формах. Облачные сервисы в следственной деятельности могут использоваться как в качестве удаленного хранилища информации, доступ к которому возможен из любого места при наличии доступа к электронному устройству, подключенному к сети Интернет, так и в виде иных предлагаемых вариантов: «Инфраструктура как услуга» (Infrastructure as a Service, IaaS — предоставление фактически дистанционного хранилища информации или возможности дистанционного использования компьютера); «Платформа как услуга» (Platform as a Service, PaaS — предоставление целиком платформы для работы с

¹⁷ СЗ РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

операционной системой, специализированным программным обеспечением, СУБД и т.д.); «Программное обеспечение как услуга» (Software as a Service, SaaS — предоставление конкретного программного продукта). Использование облачных сервисов обеспечит защиту от физического повреждения носителей электронной информации (иногда даже за счет избыточного дублирования восстановит потерянные сегменты), предоставит дополнительные объемы и мощности для электронного документооборота в уголовном судопроизводстве.

Первоначально термин «блокчейн» относился только к криптовалютам и осуществлению транзакций. Именно в таком значении он и знаком большинству пользователей. Однако по своей сути блокчейн — это реплицированная распределенная база (реестр) данных, надежность которой поддерживается всеми узлами сети путем подтверждения контрольных сумм. Впоследствии технология цепочек блоков была распространена и на иные взаимосвязанные информационные блоки¹⁸.

При использовании блокчейн-технологии будут отсутствовать единый депозитарий и единая база, размещенная на определенных серверах. Информация будет распределена, а у каждого пользователя будет реестр информации. Каждая новая транзакция, произведенная с информацией, отражается во всей цепочке блоков. Посредством блокчейна информация через распределенные записи децентрализуется, последовательно хешируется (от англ. hashing — перемешивание, преобразование) и зашифровывается, что делает практически невозможным для злоумышленников ее выявление и осмысление¹⁹. На сегодняшний день блокчейн считается одной из самых устойчивых к взлому технологий. Поэтому представляется возможным использование ее для реализации электронного уголовного дела. Каждый документ (изначально существующий в электронном либо отсканиро-

ванном виде) в рамках такого уголовного дела будет представлять собой отдельный блок в цепочке, выстроенной в определенном хронологическом порядке. Внешнее воздействие, взлом, несанкционированное изменение содержания блока будут практически полностью исключены. Пользователям может быть предоставлен доступ к отдельным документам, а также определен технически различный уровень доступа (ознакомление либо изменение). Аналогичное мнение о необходимости применения блокчейн-технологий высказывал и Л. В. Бертовский, уточняя, что «к записям могут получить доступ только следователь, у которого есть один закрытый ключ, и руководитель, у которого есть другой. Затем к этой информации получают доступ только те, кому один из этих пользователей предоставит свой закрытый ключ. <...> ...Уполномоченные (кому предоставлено право работать с файлами) лица видят всё содержимое папки с уголовным делом (никаких скрытых файлов), ее можно быстро просмотреть: кто, когда и в какие подпапки загружал документы. Но при этом у всех разный уровень доступа к данным файлам»²⁰.

Кроме того, направляемые участниками судопроизводства документы в рамках такого уголовного дела получают свое отражение в блоке, как и принятое по обращению решение с обязательной мотивировкой, что будет способствовать обеспечению соблюдения прав участников судопроизводства и препятствовать злоупотреблению правами следователя и суда.

Квантовые технологии защиты информации используют квантовое состояние фотонов для передачи информации с криптографической защитой, основанной не на математических методах, а на физике передачи информации в вакууме, волоконно-оптической связи или естественной среде. Риск перехвата квантовой информации нивелируется невозможностью измерить квантовую систему, не нарушив ее состояние.

¹⁸ Генкин А. С., Михеев А. А. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. М. : Альпина Паблишер, 2017.

¹⁹ Luff C. Cybersecurity and the future of blockchain technology // URL: <http://www.gingermaypr.com/cybersecurity-blockchain-technology.htm> (дата обращения: 08.07.2024).

²⁰ Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 229.

В плане уже применяемых систем обеспечения безопасности электронного документооборота в рамках уголовного судопроизводства можно привести в пример государственную автоматизированную систему «Правосудие». В рамках целей подсистемы информационной безопасности, являющейся элементом системы ГАС «Правосудие», можно назвать: обеспечение безопасности внутриведомственного взаимодействия; обеспечение безопасности доступа к электронной библиотеке, действующему законодательству, базам судебных решений и иной правоохранительной практики; предотвращение ущерба при использовании ГАС «Правосудие»; обеспечение безопасного использования и безопасного решения некоторых служебных задач в автоматизированном режиме.

ГАС «Правосудие» предусматривает три контура обращения информации: публичный (открытый) контур, ведомственный (закрытый) контур и защищенный контур, предназначенный для передачи информации, защищенной грифом «Секретно». При размещении информации в открытом контуре в целях обеспечения безопасности участников судопроизводства из актов удаляются персональные сведения и некоторые иные положения, которые содержат данные, составляющие государственную или другую охраняемую законом тайну.

Выводы

Подводя итог исследованию, можно отметить, что цифровизация уголовного судопроизводства в Российской Федерации достигла достаточно высокого уровня. При этом в рамках основных задач обеспечения надлежащего функционирования электронного правосудия и реализации концепции электронного уголовного дела выделяется обеспечение безопасности курсирования информации на различных стадиях уголовного судопроизводства. Именно безопасность информации в пределах цифровых платформ, электронного уголовного дела и электронного межведомственного взаимодействия служит гарантией реализации права граждан на судебную защиту. В настоящий момент обеспечение безопасности электронного документооборота имеет свойства системы, когда синергетический эффект надлежащей реализации всех мер защиты дает больше простой суммы элементов. При этом нельзя забывать о постоянном ускорении научно-технического прогресса и активном принятии криминальными структурами на вооружение любых новинок, способствующих достижению криминальных целей. Поэтому разработка мер защиты информации обязательно должна носить опережающий характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анацкая А. Г. Защита электронного документооборота : учеб. пособие. — Омск : СибАДИ, 2019. — 87 с.
2. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 6. — С. 226–230.
3. Викулина А. Защита систем электронного документооборота // WiseAdvice. Интегратор 1С. — URL: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/zashhita-sistem-edo/?ysclid=lxir3lvif950544027> (дата обращения: 08.07.2024).
4. Генкин А. С., Михеев А. А. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. — М. : Альпина Пабlishер, 2017. — 592 с.
5. Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — № 56. — С. 281–308.
6. Иванов И. Оптимизация делопроизводства в суде с учетом внедрения электронного правосудия // Закон.ру. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/10/optimizaciya_deloproizvodstva_v_sude_s_uchyotom_vnedreniya_elektronnogo_pravosudiya#footnote10back (дата обращения: 08.07.2024).

7. Калашников А. О. Модели и методы организационного управления информационными рисками корпораций : дис. ... д-ра техн. наук. — М., 2011. — 362 с.
8. Криминалистическое значение индивидуально-психологических особенностей личности на характеристики изготовления электронного документа / Е. С. Гольдшмидт, Р. Г. Дραπεзо, В. Н. Шелестюков [и др.] // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2016. — № 6 (14). — С. 65–72.
9. Перегудов А. В. Анализ клавиатурного почерка. Способы его применения // Интерактивная наука. — 2018. — № 6 (28). — С. 59–60.
10. Протасевич А. А., Фойгель Е. И. О возможностях криминалистической габитоскопии при реализации мер противодействия современной киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 3. — С. 471–480.
11. Степаненко Д. А., Рудых А. А. К вопросу об использовании механизма удаленной идентификации и аутентификации в правоохранительной деятельности // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Третьей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / под ред. Д. В. Бахтеева. — Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет. — 2021. — С. 318–326.
12. Ушаков Н. О., Сибикина И. В., Космачева И. М. Информационная безопасность в системах электронного документооборота // Техническая эксплуатация водного транспорта: проблемы и пути развития. — 2021. — № 1. — С. 70–74.
13. Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021.
14. Luff C. Cybersecurity and the future of blockchain technology // URL: <http://www.gingermaypr.com/cybersecurity-blockchain-technology.html> (дата обращения: 08.07.2024).

Материал поступил в редакцию 8 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anatskaya A. G. Zashchita elektronnoy dokumentooborota: ucheb. posobie. — Omsk: SibADI, 2019. — 87 s.
2. Bertovskiy L. V. Tekhnologiya blokcheyna v ugolovnom protsesse kak element tsifrovogo sudoproizvodstva // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2017. — № 6. — S. 226–230.
3. Vikulina A. Zashchita sistem elektronnoy dokumentooborota // WiseAdvice. Integrator 1S. — URL: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/zashchita-sistem-edo/?ysclid=lxir3lvif950544027> (data obrashcheniya: 08.07.2024).
4. Genkin A. S., Mikheev A. A. Blokcheyn. Kak eto rabotaet i chto zhdet nas zavtra. — M.: Alpina Publisher, 2017. — 592 s.
5. Zaytsev O. A., Pastukhov P. S. Tsifrovoy profil litsa kak element informatsionno-tekhnologicheskoy strategii rassledovaniya prestupleniy // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2022. — № 56. — S. 281–308.
6. Ivanov I. Optimizatsiya deloproizvodstva v sude s uchetom vnedreniya elektronnoy pravosudiya // Zakon. ru. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/10/optimizatsiya_deloproizvodstva_v_sude_s_uchyotom_vnedreniya_elektronnoy_pравosudiya#footnote10back (data obrashcheniya: 08.07.2024).
7. Kalashnikov A. O. Modeli i metody organizatsionnogo upravleniya informatsionnymi riskami korporatsiy: dis. ... d-ra tekhn. nauk. — M., 2011. — 362 s.
8. Kriminalisticheskoe znachenie individualno-psikhologicheskikh osobennostey lichnosti na kharakteristiki izgotovleniya elektronnoy dokumenta / E. S. Goldshmidt, R. G. Drapezo, V. N. Shelestyukov [i dr.] // Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2016. — № 6 (14). — S. 65–72.

9. Peregudov A. V. Analiz klaviaturnogo pocherka. Sposoby ego primeneniya // Interaktivnaya nauka. — 2018. — № 6 (28). — S. 59–60.
10. Protasevich A. A., Foygel E. I. O vozmozhnostyakh kriminalisticheskoy gabitoskopii pri realizatsii mer protivodeystviya sovremennoy kiberprestupnosti // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2020. — T. 14. — № 3. — S. 471–480.
11. Stepanenko D. A., Rudykh A. A. K voprosu ob ispolzovanii mekhanizma udalenoj identifikatsii i autentifikatsii v pravookhranitelnoy deyatel'nosti // Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii: materialy Tretey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 21 maya 2021 g.) / pod red. D. V. Bakhteeva. — Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet. — 2021. — S. 318–326.
12. Ushakov N. O., Sibikina I. V., Kosmacheva I. M. Informatsionnaya bezopasnost v sistemakh elektronnoy dokumentooborota // Tekhnicheskaya ekspluatatsiya vodorodnogo transporta: problemy i puti razvitiya. — 2021. — № 1. — S. 70–74.
13. Yurkevich M. A. Primenenie sudom videotekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2021.
14. Luff C. Cybersecurity and the future of blockchain technology // URL: <http://www.gingermaypr.com/cybersecurity-blockchain-technology.html> (data obrashcheniya: 08.07.2024).

Международные трудовые стандарты об отцовских отпусках и правовое регулирование в государствах — членах ЕАЭС

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию отцовских отпусков в рамках универсальных (Международная организация труда) и региональных (Евразийский экономический союз, Европейский Союз) международных организаций. Целью исследования является выработка рекомендаций по совершенствованию российского трудового законодательства для улучшения правового положения работников и укрепления института семьи в нашей стране. Предлагается уточненное определение понятия «отцовский отпуск», выделяются его характерные признаки. Отмечается отсутствие международного трудового стандарта Международной организации труда об отцовских отпусках, что обуславливает важность разработки и принятия в рамках данной международной организации конвенции (в случае невозможности рекомендации), прямо предусматривающей право мужчин на обозначенный отпуск. Анализируются положения Директивы (ЕС) 2019/1158 о балансе между работой и личной жизнью для родителей и опекунов, ставшей первым юридически обязывающим международным актом, который устанавливает минимальные требования в отношении отцовских отпусков. Представлены три модели правового регулирования порядка предоставления работникам указанных отпусков в государствах — членах Евразийского экономического союза. Предлагается обратить внимание на возможность установления в Российской Федерации более продолжительного периода отцовского отпуска и предусмотреть его оплачиваемость. Отмечается также важность закрепления конкретного срока, в течение которого работник может реализовать право на данный вид отпуска.

Ключевые слова: международные трудовые стандарты; международное трудовое право; Международная организация труда; Евразийский экономический союз; Российская Федерация; отцовский отпуск; правовое регулирование; Европейский Союз; директива; трудовое законодательство.

Для цитирования: Зарубин Д. В. Международные трудовые стандарты об отцовских отпусках и правовое регулирование в государствах — членах ЕАЭС // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 157–166. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.157-166.

© Зарубин Д. В., 2025

* Зарубин Дмитрий Викторович, кандидат юридических наук, ассистент кафедры конституционного и административного права Севастопольского государственного университета
Университетская ул., д. 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053
dimaaa95.95@mail.ru

International Labor Standards on Paternity Leave and Legal Regulation in EAEU Member States

Dmitry V. Zarubin, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
dimaaa95.95@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the legal regulation of paternity leaves within the framework of universal (International Labor Organization) and regional (Eurasian Economic Union, European Union) international organizations. The purpose of the study is to develop recommendations for improving Russian labor legislation to improve the legal status of workers and strengthen the institution of the family in our country. A more precise definition of the concept of «paternity leave» is proposed, and its characteristic features are highlighted. It is noted that there is no international labor standard of the International Labor Organization on paternity leave, which determines the importance of developing and adopting within the framework of this international organization a convention (if a recommendation is not possible) that directly provides for the right of men to the specified leave. The provisions of Directive (EU) 2019/1158 on work-life balance for parents and guardians, which became the first legally binding international instrument that sets minimum requirements for paternity leave, are analyzed. Three models of legal regulation of the procedure for granting employees the specified leaves in the member states of the Eurasian Economic Union are presented. It is proposed to pay attention to the possibility of establishing a longer period of paternity leave in the Russian Federation and to provide for its payment. The importance of establishing a specific period during which an employee can exercise the right to this type of leave is also noted.

Keywords: international labor standards; international labor law; International Labor Organization; Eurasian Economic Union; Russian Federation; paternity leave; legal regulation; European Union; directive; labor legislation.

Cite as: Zarubin DV. International Labor Standards on Paternity Leave and Legal Regulation in EAEU Member States. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):157-166. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.157-166.

Введение

Объявление Президентом России В. В. Путиным 2024 года Годом семьи¹ обуславливает повышенный интерес к вопросам укрепления данного социального института, в том числе посредством правового регулирования труда работников, в семьях которых ожидается (или уже осуществилось) появление ребенка на свет.

Исследователи пишут о том, что использование отцовских отпусков имеет ряд позитивных аспектов. М. Диккенс и К. Манджино делают акцент на том, что перерыв в работе для ух-

да за новорожденным ребенком полезен для установления связи между отцом и ребенком, а также благотворно влияет на укрепление отношений родителей друг с другом². Д. Писарро и Л. Гарсия обращают внимание на благоприятное воздействие отцовских отпусков на здоровье и самочувствие новорожденного ребенка, а также его родителей (снижение послеродовой депрессии у матерей, повышение удовлетворенности жизнью у отцов, более высокий уровень нервного развития ребенка в раннем возрасте)³.

Н. Д. Бледнова, обращая внимание на неоднозначность результатов влияния практики вне-

¹ Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

² Dickens M., Mangino K. How paternity leave helps dads' brains adapt to parenting. 2023 // URL: <https://hbr.org/2023/11/how-paternity-leave-helps-dads-brains-adapt-to-parenting> (дата обращения: 15.05.2024).

³ Pizarro J., Gartzia L. Paternity leave: A systematic review and directions for research // Human Resource Management Review. 2024. Vol. 34. No. 1. Art. 101001. P. 9–10.

дрения отцовских отпусков на уровень рождаемости, отмечает, что «с одной стороны, участие отцов в воспитании детей и равное распределение обязанностей между супругами снижает уровень материнской нагрузки, способствует установлению благоприятного психологического климата в семье. В результате вероятность развода в таких парах снижается (особенно в первые годы после рождения ребенка), а репродуктивные установки матери смещаются в пользу рождения второго и последующих детей»⁴. Следует отметить, что вопрос повышения рождаемости в нашей стране является весьма актуальным.

Сведения проведенной в 2021 г. Всероссийской переписи населения указывают на то, что среди общей доли семейных ячеек⁵, имеющих детей моложе 18 лет, 56,6 % — с одним ребенком, 32,5 % — с двумя детьми, 8,4 % — с тремя детьми, 1,8 % — с четырьмя детьми и 0,7 % — с пятью и более детьми⁶. Согласно данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину) в России в 2023 г. составил 1,41, в то время как для минимального воспроизводства населения страны данный показатель должен находиться в диапазоне 2–2,15⁷.

7 мая 2024 г. Президент России В. В. Путин определил в качестве одной из национальных целей нашей страны сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержку семьи в качестве одной из национальных целей. Важно отметить, что среди целевых показателей и задач в рамках данной цели установлено повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г.

и до 1,8 к 2036 г., в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей⁸.

Таким образом, видится весьма полезным, с одной стороны, для совершенствования российского трудового законодательства и улучшения правового положения работников, с другой стороны, для укрепления института семьи в Российской Федерации и возможного повышения рождаемости исследование международных трудовых стандартов об отцовских отпусках, а также изучение опыта правового регулирования порядка их предоставления в государствах — членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Отцовский отпуск: понятие и характерные признаки

Анализ разнообразных правовых актов (международных и внутригосударственных) позволяет выделить три основных вида отпусков, предоставляемых работникам в связи с рождением в их семьях детей, а равно для осуществления ухода за ними:

- 1) материнский отпуск (англ.: maternity leave), именуемый также отпуском по беременности и родам или «декретным» отпуском;
- 2) отцовский отпуск (англ.: paternity leave), именуемый также отпуском по отцовству;
- 3) отпуск по уходу за ребенком (англ.: parental leave), именуемый также родительским отпуском.

Сделаем небольшую ремарку касательно материнского отпуска и отпуска по уходу за ребенком, достаточно давно получивших свое закрепление в международно-правовых актах.

⁴ Бледнова Н. Д. Родительский отпуск в системе социально-экономических процессов: теоретический обзор // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 77.

⁵ Согласно Методологическим пояснениям Росстата «семейная ячейка — это супружеская пара с детьми, или супружеская пара без детей, или мать с детьми, или отец с детьми». См.: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom8_met_VPN-2020.pdf (дата обращения: 20.05.2024).

⁶ Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по возрастным группам детей // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom8_tab13_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России // URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e> (дата обращения: 20.05.2024).

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

Л. Аддати указывает на то, что защита материнства на рабочем месте является одной из главных задач Международной организации труда (МОТ) с момента ее основания в 1919 г.⁹ Действительно, положения об оплачиваемом материнском отпуске содержатся в ряде конвенций и рекомендаций МОТ¹⁰. Кроме этого, необходимость предоставления данного отпуска отражена и в положениях других международных договоров — как универсальных¹¹, так и региональных¹². В целом под материнским отпуском понимается период отпуска от оплачиваемой работы, на который работающие женщины имеют право во время беременности, родов и в послеродовой период¹³.

Относительно отпуска по уходу за ребенком отметим, что право на него не включено ни в одну конвенцию МОТ, однако нашло свое

закрепление в отдельных ее рекомендациях¹⁴. Д. К. Бекашев отмечает, что рекомендации МОТ содержат «материал для ориентации в мировом опыте, необходимый для совершенствования национального законодательства»¹⁵. Они не налагают никаких юридических обязательств и служат лишь стимулом для государств — членов МОТ к обеспечению большей защиты трудовых прав работников. На региональном уровне право на отпуск по уходу за ребенком получило закрепление и в международных договорах¹⁶. В целом под отпуском по уходу за ребенком понимается время, которое родителям разрешается проводить вне работы, чтобы позаботиться о своем ребенке¹⁷. Данный вид отпуска может быть использован (полностью или частично) любым из родителей по их собственному усмотрению.

⁹ Addati L. Extending maternity protection to all women: Trends, challenges and opportunities // International Social Security Review. 2015. Vol. 68. No. 1. P. 69.

¹⁰ Конвенция № 3 о труде женщин до и после родов // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c003_ru.htm (дата обращения: 21.05.2024); Конвенция № 103 об охране материнства (пересмотренная в 1952 г.) // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c103_ru.htm (дата обращения: 21.05.2024); Рекомендация № 95 об охране материнства // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r095_ru.htm (дата обращения: 21.05.2024); Конвенция № 183 о пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 г. об охране материнства // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c183_ru.htm (дата обращения: 22.05.2024); Рекомендация № 191 о пересмотре Рекомендации 1952 г. об охране материнства // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r191_ru.htm (дата обращения: 22.05.2024).

¹¹ См., например: ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 23.05.2024).

¹² См., например: ст. 8 Европейской социальной хартии (пересмотренной) 1996 г. // URL: <https://rm.coe.int/168007cf96> (дата обращения: 23.05.2024).

¹³ Maternity protection resource package : From aspiration to reality for all. Geneva : ILO, 2012. P. 30.

¹⁴ См., например: Рекомендация № 165 о равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин: работники с семейными обязанностями // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r165_ru.htm (дата обращения: 24.05.2024).

¹⁵ Бекашев Д. К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты) : учебник. М. : Проспект, 2023. С. 22.

¹⁶ См., например: ст. 27 Европейской социальной хартии (пересмотренной) 1996 г.

¹⁷ Definition of parental leave from the Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/parental-leave> (дата обращения: 25.05.2024).

В рамках данной статьи важно определить, что понимается под отцовским отпуском и какие признаки для него характерны.

В публикациях МОТ указывается, что обычно отцовский отпуск — это короткий отпуск, предоставляемый отцу сразу после рождения ребенка. Цель данного отпуска состоит в обеспечении отцу возможности помочь матери восстановиться после родов, что также важно для ухода за новорожденным и другими детьми (при наличии), зарегистрировать рождение ребенка, а также выполнять другие семейные обязанности¹⁸. В праве Европейского Союза отцовский отпуск понимается как отпуск, предоставляемый отцу в случае рождения ребенка для осуществления ухода за ним¹⁹. В Кембриджском словаре английского языка отцовский отпуск определяется как период времени, в течение которого отцу по закону разрешено отсутствовать на работе для того, чтобы он мог провести время со своим новорожденным ребенком²⁰.

Отталкиваясь от представленных определений, можно выделить ряд признаков отцовского отпуска:

- отцовский отпуск предоставляется именно работнику-мужчине (отцу) на безальтернативной основе;
- возможность реализации работником-мужчиной (отцом) права на отцовский отпуск связывается с моментом рождения в его семье ребенка и наличием положения во внутригосударственном законодательстве, гарантирующего данное право;
- отцовский отпуск является кратковременным;

— отцовский отпуск предоставляется работнику-мужчине (отцу) для ухода за новорожденным ребенком и оказания необходимой помощи матери, в том числе по выполнению семейных обязанностей.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение отцовского отпуска: это предусмотренное национальным законодательством кратковременное освобождение мужчины (отца) от работы по причине рождения в его семье ребенка, предоставляемое для осуществления ухода за ребенком и оказания помощи матери в выполнении семейных обязанностей.

Международные трудовые стандарты об отцовских отпусках

В настоящее время не существует международного трудового стандарта МОТ об отцовских отпусках. Хотя данная международная организация, как было отмечено Э. М. Аметистовым, является «главным международным форумом по вопросам труда»²¹, в ее рамках не было принято ни одной конвенции и/или рекомендации, устанавливающей право мужчин (отцов) на данный вид отпуска. Отметим, что в 2009 г. Международной конференцией труда была принята Резолюция о гендерном равенстве — основе достойного труда²². Данный документ содержит ряд положений, касающихся отцовских отпусков, среди которых интересно отметить следующие:

- в п. 6 обращается внимание на возможность реализации целого ряда новых мер (в том

¹⁸ *Addati L., Cassirer N., Gilchrist K. Maternity and paternity at work : Law and practice across the world. Geneva : ILO, 2014. P. 52.*

¹⁹ Directive (EU) 2019/1158 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on work-life balance for parents and carers and repealing Council Directive 2010/18/EU // Official Journal of the European Union. 2019. Vol. 62. L. 188. P. 86.

²⁰ Definition of paternity leave from the Cambridge Business English Dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/paternity-leave> (дата обращения: 25.05.2024).

²¹ Аметистов Э. М. Международное право и труд : Факторы имплементации международных норм о труде. М. : Междунар. отношения, 1982. С. 153.

²² Resolution concerning gender equality at the heart of decent work (adopted by the General Conference of the International Labour Organization at its 98th Session on 17 June 2009) // URL: <https://www.ilo.org/media/137111/download> (дата обращения: 27.05.2024).

числе установления отцовских отпусков), позволяющих мужчинам более активно делить с женщинами семейные обязанности;

— в п. 27 указывается на необходимость разработки систем государственной поддержки и других мер для достижения прогресса на пути осуществления принципа оплачиваемого отцовского отпуска;

— в п. 42 акцентируется важность обеспечения лучшего баланса между работой и семейными обязанностями для женщин и мужчин в целях более равномерного распределения этих обязанностей (в том числе с помощью установления отцовских отпусков и предусмотрения мер, стимулирующих мужчин к их использованию).

Как можно заметить, содействие гендерному равенству в сфере труда (в данном случае — равному распределению семейных обязанностей между мужчинами и женщинами) занимает важное место в обосновании МОТ необходимости предоставления работникам отцовских отпусков. В пункте 1 Резолюции о гендерном равенстве делается акцент на том, что общая цель МОТ с момента ее создания в 1919 г. заключается в искоренении дискриминации на рабочих местах и содействии гендерному равенству.

В. Йигит-Генктен и Э. Генц пишут о том, что эффективная политика предоставления отцовских отпусков приводит к естественному результату — поощрению гендерного равенства²³. Исходя из этого, представляется целесообразным для более глобального внедрения практики отцовских отпусков в государствах — членах МОТ и обеспечения универсальной между-

народно-правовой защиты прав работников на данный вид отпуска, помимо признания важности гендерного равенства в сфере труда, разработать и принять соответствующую конвенцию МОТ (в случае невозможности — рекомендацию МОТ), прямо предусматривающую право мужчин на отцовский отпуск. Д. К. Бекашев и В. Г. Микрина справедливо отмечают, что «развитие международных стандартов в сфере трудовых прав человека должно быть направлено на выработку новых современных международно-правовых актов по вновь открывшимся и актуальным вопросам»²⁴.

20 июня 2019 г. Европейским парламентом и Советом была принята Директива (ЕС) 2019/1158 о балансе между работой и личной жизнью для родителей и опекунов и об отмене Директивы Совета 2010/18/ЕС. Это первый юридически обязывающий международный акт, устанавливающий минимальные требования в отношении отцовских отпусков. «Именно на государства — члены [ЕС] налагается обязанность достичь при исполнении директивы определенной цели»²⁵, однако выбор формы и способов ее достижения остается в компетенции национальных инстанций²⁶. Важно, что в связи с принятием Директивы 2019/1158 минимальные требования в отношении отцовских отпусков были установлены на региональном уровне (в рамках ЕС), а не на универсальном. Р. Ш. Давлетгильдеев пишет о том, что «в рамках международных региональных организаций зачастую закрепляются повышенные стандарты в области труда по сравнению с универсальным уровнем регулирования в силу более тесного взаимодействия между государствами одного региона»²⁷. Вместе

²³ Yigit Gencten V., Genc E. Paternity leave: A systematic review of studies in education and psychology from 1990–2019 // International Journal of Social Sciences and Education Research. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 539.

²⁴ Бекашев Д. К., Микрина В. Г. Актуальные направления деятельности Международной организации труда по прогрессивному развитию международного трудового права // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19. № 4. С. 29.

²⁵ Глотова С. В. Прямая применимость (эффект) директив европейских сообществ во внутреннем праве государств — членов ЕС // Московский журнал международного права. 1999. № 3. С. 176.

²⁶ Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека : учеб. пособие. М. : РУДН, 2017. С. 112.

²⁷ Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016. С. 5.

с тем принятие Директивы 2019/1158 можно назвать началом международно-правового регулирования отцовских отпусков, продолжение которого видится весьма целесообразным на уровне универсальных и других региональных международных организаций.

Директива 2019/1158 (п. 1 ст. 4) гарантирует работникам право на отцовский отпуск продолжительностью как минимум 10 рабочих дней, оставляя на усмотрение государств — членов ЕС определение возможности использования такого отпуска частично до или только после рождения ребенка, а также гибкими способами (например, на основе неполного рабочего дня или с чередованием периодов). Зарубежные исследователи указывают, что целью введения отцовских отпусков, предоставляемых ориентировочно в период родов, является стимулирование мужчин к более активному участию в ранней жизни своих детей, что также принесет пользу матери в этот сложный для многих родителей период²⁸.

Государства — члены ЕС также должны обеспечить работникам, реализующим право на отцовский отпуск, получение выплаты, гарантирующей доход, по меньшей мере эквивалентный размеру национального пособия по болезни. Однако получение финансовой компенсации может быть обусловлено наличием как минимум шестимесячного стажа трудовой деятельности, непосредственно предшествующего ожидаемой дате рождения ребенка (п. 2 ст. 8). Это означает, что в ЕС право на 10-дневный отцовский отпуск по уходу за ребенком имеют все работники, но не всем он будет оплачен. Представляется, что отсутствие дополнительных условий, связанных с получением выплаты при использовании отцовских отпусков, обусловило бы большую заинтересованность работников в их использовании.

Следует отметить, что возможность реализации работником права на отцовский отпуск не должна зависеть от его трудового стажа (п. 2 ст. 4). М. Уэлдон-Джонс делает акцент на том, что право на отцовский отпуск является правом первого рабочего дня (*day-one right*) и представляет собой позитивный шаг вперед в укреплении равного обращения с родителями в отношении ухода за детьми²⁹. Кроме этого, осуществление работником права на отцовский отпуск не обуславливается его семейным положением (п. 3 ст. 4), что расширяет рамки предоставления данного отпуска работающим отцам, состоящим с матерью ребенка как в официальном браке, так и в неформальных (фактических) семейных отношениях.

Правовое регулирование отцовских отпусков в государствах — членах ЕАЭС

В международно-правовых актах, принятых в рамках ЕАЭС, не содержится положений, касающихся отцовских отпусков, однако во внутреннем законодательстве всех государств — членов данной международной организации такие нормы предусмотрены. Анализ трудовых кодексов Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России позволяет выделить три основные модели правового регулирования порядка предоставления работникам отцовских отпусков. Эти модели имеют некоторые отличия, тем не менее их специфика «может быть использована как для совершенствования законодательства каждой страны, так и для разработки нового международного правового акта»³⁰.

Первая модель состоит в установлении права работника на отпуск без сохранения заработной платы до 5 календарных дней в связи с рождением ребенка. Такая модель реализуется в

²⁸ Oliveira A., Corte Rodriguez M., Lutz F. The new directive on work-life balance: Towards a new paradigm of family care and equality? // *European Law Review*. 2020. No. 3. P. 300.

²⁹ Weldon-Johns M. EU work-family policies revisited: Finally challenging caring roles? // *European Labour Law Journal*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 314.

³⁰ Чанышев А. С. Некоторые вопросы правового регулирования труда отдельных категорий работников в странах Евразийского экономического союза // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2017. № 10. С. 139.

Российской Федерации³¹, Республике Казахстан³² и Кыргызской Республике³³. Отметим, что трудовое законодательство обозначенных государств не устанавливает срок, в течение которого работник вправе обратиться с заявлением (уведомлением) к работодателю в целях реализации права на данный отпуск.

В связи с этим интересно обратить внимание на позицию Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, состоящую в том, что работодатель, выполняя обязанность по предоставлению работнику отпуска без сохранения заработной платы, в том числе в случае рождения ребенка, «должен руководствоваться принципом разумной достаточности», что обуславливает нецелесообразность предоставления данного отпуска по прошествии трех месяцев³⁴. Вместе с тем эксперты компании «Гарант» указали на невозможность определения (ограничения) в правилах внутреннего трудового распорядка организации периода, на протяжении которого работник может воспользоваться правом на отпуск без сохранения заработной платы, в том числе в случае рождения ребенка (например, в течение месяца со дня соответствующего события)³⁵. Представляется, что такое положение дел требует законодательного установления срока, в течение которого работодатель обязан предоставить работнику (по его желанию) отпуск без сохранения заработной платы, необходимость которого вызвана определенными событиями (в том числе рождением ребенка).

Вторая модель состоит в предоставлении работнику (отцу или отчиму) права на отпуск без сохранения заработной платы до 14 календарных дней при рождении ребенка и воспитании его в семье. Такая модель реализуется в Республике Беларусь³⁶. Указанный отпуск берется работником (по его заявлению) одновременно в течение 6 месяцев с даты рождения ребенка. Преимущество данной модели состоит в том, что белорусский законодатель, с одной стороны, предусмотрел более продолжительный срок отцовского отпуска (14 календарных дней вместо 5), с другой стороны, обозначил конкретные временные рамки, в течение которых работник вправе взять данный отпуск.

Третья модель состоит в закреплении права работника на оплачиваемый отпуск по отцовству до 5 рабочих дней. Такая модель действует в Республике Армения³⁷. Реализация работником права на данный отпуск осуществляется в течение 30 дней после рождения ребенка. Каждый день отпуска по отцовству оплачивается работодателем из расчета средней дневной заработной платы работника. Преимущество данной модели состоит в установлении армянским законодателем оплачиваемости отцовского отпуска. Представляется, что критерий сохранения заработка при предоставлении работникам (отцам) таких отпусков служит серьезным стимулом к их более активному использованию. Однако в отличие от модели, осуществляемой в Республике Беларусь, предусматривается мень-

³¹ Ст. 128 Трудового кодекса Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 01.06.2024).

³² Ст. 97 Трудового кодекса Республики Казахстан // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832 (дата обращения: 01.06.2024).

³³ Ст. 133 Трудового кодекса Кыргызской Республики // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30296269 (дата обращения: 01.06.2024).

³⁴ Ответ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 10.02.2022 на вопрос от 01.02.2022 № 724638 // URL: <https://dialog.egov.kz/blogs/all-questions/724638> (дата обращения: 03.06.2024).

³⁵ Период, в течение которого работник вправе взять отпуск в связи с рождением ребенка, не может быть ограничен // URL: <https://www.garant.ru/news/1198761/> (дата обращения: 04.06.2024).

³⁶ Ст. 186 Трудового кодекса Республики Беларусь // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296> (дата обращения: 04.06.2024).

³⁷ Ст. 176.1 Трудового кодекса Республики Армения // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=173461> (дата обращения: 05.06.2024).

ший период для реализации работником права на отцовский отпуск: 30 дней вместо 6 месяцев.

Заключение

Международно-правовое регулирование отцовских отпусков находится на этапе своего становления, что обуславливается существованием только одного международно-правового акта регионального уровня по данному вопросу. Это обуславливает важность активизации международного нормотворчества в этой сфере, осуществляемого универсальными (в первую очередь МОТ) и региональными международными организациями, функционирующими в том числе на Евразийском пространстве.

Анализ Директивы 2019/1158 и правового регулирования порядка предоставления отцовских

отпусков в государствах — членах ЕАЭС позволяет говорить о целесообразности совершенствования норм трудового законодательства Российской Федерации в рассматриваемой части. Представляется важным закрепить более продолжительный период отцовского отпуска (по примеру Республики Беларусь) и его оплачиваемость (по примеру Республики Армения), а также предусмотреть конкретный срок, в течение которого работник может реализовать право на данный вид отпуска (например, во время отпуска по беременности и родам, предоставляемого женщине после родов согласно ст. 255 ТК РФ). Как результат — наша страна, с одной стороны, вновь подтвердила бы свою заинтересованность в улучшении правового положения работников, с другой стороны, в очередной раз продемонстрировала бы направленность российской политики на укрепление института семьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аметистов Э. М. Международное право и труд : Факторы имплементации международных норм о труде. — М. : Междунар. отношения, 1982. — 272 с.
2. Бекашев Д. К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты) : учебник. — М. : Проспект, 2023. — 280 с.
3. Бекашев Д. К., Микрина В. Г. Актуальные направления деятельности Международной организации труда по прогрессивному развитию международного трудового права // Право и управление. XXI век. — 2023. — Т. 19. — № 4. — С. 21–31.
4. Бледнова Н. Д. Родительский отпуск в системе социально-экономических процессов: теоретический обзор // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 70–82.
5. Глотова С. В. Прямая применимость (эффект) директив европейских сообществ во внутреннем праве государств — членов ЕС // Московский журнал международного права. — 1999. — № 3. — С. 175–188.
6. Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне : дис. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2016. — 586 с.
7. Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека : учеб. пособие. — М. : РУДН, 2017. — 509 с.
8. Чанышев А. С. Некоторые вопросы правового регулирования труда отдельных категорий работников в странах Евразийского экономического союза // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 10. — С. 138–147.
9. Addati L. Extending maternity protection to all women: Trends, challenges and opportunities // International Social Security Review. — 2015. — Vol. 68. — № 1. — P. 69–93.
10. Addati L., Cassirer N., Gilchrist K. Maternity and paternity at work : Law and practice across the world. — Geneva : ILO, 2014. — 193 p.
11. Maternity protection resource package : From aspiration to reality for all. — Geneva : ILO, 2012. — 63 p.
12. Oliveira A., Corte Rodriguez M., Lutz F. The new directive on work-life balance: Towards a new paradigm of family care and equality? // European Law Review. — 2020. — No. 3. — P. 295–323.

13. Pizarro J., Gartzia L. Paternity leave: A systematic review and directions for research // Human Resource Management Review. — 2024. — Vol. 34. — No. 1. — Art. 101001. — 18 p.
14. Weldon-Johns M. EU work-family policies revisited: Finally challenging caring roles? // European Labour Law Journal. — 2021. — Vol. 12. — No. 3. — P. 301–321.
15. Yigit Gencten V., Genc E. Paternity leave: A systematic review of studies in education and psychology from 1990–2019 // International Journal of Social Sciences and Education Research. — 2020. — Vol. 6. — No. 4. — P. 531–542.

Материал поступил в редакцию 24 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ametistov E. M. Mezhdunarodnoe pravo i trud: Faktory implementatsii mezhdunarodnykh norm o trude. — M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1982. — 272 s.
2. Bekyashev D. K. Mezhdunarodnoe trudovoe pravo (publichno-pravovye aspekty): uchebник. — M.: Prospekt, 2023. — 280 s.
3. Bekyashev D. K., Mikrina V. G. Aktualnye napravleniya deyatel'nosti Mezhdunarodnoy organizatsii truda po progressivnomu razvitiyu mezhdunarodnogo trudovogo prava // Pravo i upravlenie. XXI vek. — 2023. — T. 19. — № 4. — S. 21–31.
4. Blednova N. D. Roditel'skiy otpusk v sisteme sotsialno-ekonomicheskikh protsessov: teoreticheskiy obzor // Narodonaselenie. — 2023. — T. 26. — № 1. — S. 70–82.
5. Glotova S. V. Pryamaya primenimost (effekt) direktiv evropeyskikh soobshchestv vo vnutrennem prave gosudarstv — chlenov ES // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 1999. — № 3. — S. 175–188.
6. Davletgildeev R. Sh. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie truda na regionalnom urovne: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Kazan, 2016. — 586 s.
7. Davletgildeev R. Sh. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita trudovykh prav cheloveka: ucheb. posobie. — M.: RUDN, 2017. — 509 s.
8. Chanyshv A. S. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya truda otdelnykh kategoriy rabotnikov v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2017. — № 10. — S. 138–147.
9. Addati L. Extending maternity protection to all women: Trends, challenges and opportunities // International Social Security Review. — 2015. — Vol. 68. — № 1. — P. 69–93.
10. Addati L., Cassirer N., Gilchrist K. Maternity and paternity at work: Law and practice across the world. — Geneva: ILO, 2014. — 193 p.
11. Maternity protection resource package: From aspiration to reality for all. — Geneva: ILO, 2012. — 63 p.
12. Oliveira A., Corte Rodriguez M., Lutz F. The new directive on work-life balance: Towards a new paradigm of family care and equality? // European Law Review. — 2020. — No. 3. — P. 295–323.
13. Pizarro J., Gartzia L. Paternity leave: A systematic review and directions for research // Human Resource Management Review. — 2024. — Vol. 34. — No. 1. — Art. 101001. — 18 p.
14. Weldon-Johns M. EU work-family policies revisited: Finally challenging caring roles? // European Labour Law Journal. — 2021. — Vol. 12. — No. 3. — P. 301–321.
15. Yigit Gencten V., Genc E. Paternity leave: A systematic review of studies in education and psychology from 1990–2019 // International Journal of Social Sciences and Education Research. — 2020. — Vol. 6. — No. 4. — P. 531–542.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.167-181

М. Р. Агапова*

Национальное право Соединенных Штатов Америки о коммерциализации космической деятельности и его соотношение с нормами международного космического права

Аннотация. Сегодня, после закрытия большого количества международных космических проектов, государства ориентируются на развитие национальной космической отрасли, в связи с чем возникает потребность в формировании национального космического права, наличие которого особенно актуально при создании условий для функционирования частной космической деятельности. В статье анализируется внутригосударственное право Соединенных Штатов Америки в области космической деятельности вообще и коммерческого использования космоса в частности в качестве примера наиболее развитого и всеобъемлющего кодифицированного национального законодательства, которое складывалось в США постепенно, начиная с 80-х гг. XX в. Рассматривается система источников национального космического права США, а также отдельные нормативные правовые акты, непосредственно направленные на создание благоприятных условий для участия частного сектора в космических проектах, среди которых Закон о конкурентоспособности коммерческих космических запусков 2015 г., Закон о свободе предпринимательства американских компаний в космосе 2018 г. Далее анализируется соотношение норм внутригосударственного законодательства США о космосе с их международно-правовыми обязательствами, в частности с положениями Договора по космосу 1967 г., посредством определения места международных договоров в правовой системе США и способа разрешения коллизий между статутами и международными договорами. Спорными с международно-правовой точки зрения остаются прочно укоренившиеся в национальной политике и законодательстве США вопросы добычи космических ресурсов и военного использования космоса.

Ключевые слова: космос; международное космическое право; национальное космическое право; законодательство о космосе; законодательство США; коммерциализация космической деятельности; коммерческие космические запуски; космическая деятельность; космические ресурсы; милитаризация космоса.

Для цитирования: Агапова М. Р. Национальное право Соединенных Штатов Америки о коммерциализации космической деятельности и его соотношение с нормами международного космического права // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 167–181. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.167-181.

© Агапова М. Р., 2025

* Агапова Мария Романовна, аспирант кафедры международного права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Российская Федерация, 119991
mariiagapova@yandex.ru

The Law of the United States of America on the Commercialization of Space Activities and Its Relationship with the Norms of International Space Law

Maria R. Agapova, Postgraduate Student, Department of International Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
mariiagapovaa@yandex.ru

Abstract. Today, after the closure of a large number of international space projects, states are focusing on the development of a national space industry, in connection with which there is a need to form a national space law, the presence of which is especially relevant when creating conditions for the functioning of private space activities. The paper analyzes the domestic law of the United States of America in the field of space activities in general, commercial use of space in particular as an example of the most developed, and comprehensive codified national legislation, which has gradually been formed in the United States, starting from the 80s of the 20th century. The system of sources of national space law of the United States is considered, as well as individual regulatory legal acts directly aimed at creating favorable conditions for the participation of the private sector in space projects, including the US Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015, the American Space Commerce Free Enterprise Act of 2018. The paper further analyzes the relationship between the norms of US national space legislation and their international legal obligations, in particular with the provisions of the Outer Space Treaty of 1967, by determining the place of international treaties in the US legal system and the method for resolving conflicts between statutes and international treaties. The issues of space resource extraction and military use of space, which are firmly rooted in US national policy and legislation, remain controversial from an international legal point of view.

Keywords: space; international space law; national space law; space legislation; US legislation; commercialization of space activities; commercial space launches; space activities; space resources; militarization of space.

Cite as: Agapova MR. The Law of the United States of America on the Commercialization of Space Activities and Its Relationship with the Norms of International Space Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):167-181. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.167-181.

За прошедшие несколько лет международное сотрудничество государств в области космоса пережило ряд изменений, связанных и с приостановкой большого количества космических проектов, и со сменой партнеров по их реализации. Космическая отрасль сегодня ориентируется на развитие национальных космических проектов, что связано в том числе с общемировой тенденцией к укреплению обороноспособности и безопасности государств. Развитие национального космического сектора неизбежно влечет в одних государствах появление, в других — совершенствование национального космического права (НКП).

Распространение частной космической деятельности, а также оборонные функции космической техники порождают объективную потребность в правовой регламентации космиче-

ской деятельности (КД), в частности вопросов ее лицензирования, страхования, финансирования, подготовки космонавтов и экипажа, что обуславливает принятие множества актов, посвященных участию государственных и частных юридических лиц в космической деятельности.

В регулировании КД наметились тенденции, во-первых, к регионализации международно-правового регулирования космических отношений¹, во-вторых, к стремительному развитию национального права в области космоса и даже опережению им международного космического права (МКП). При этом внутригосударственное регулирование космической деятельности развито крайне неоднородно, что объясняется множеством политических, экономических, технологических факторов в том или ином государстве. В наибольшей степени представляет

¹ Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства : монография / отв. ред. А. Я. Капустин. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2021. С. 38.

интерес для научного изучения законодательство Соединенных Штатов Америки о космосе в силу его проработанности, масштабности и релевантности современным потребностям.

Национальное космическое право США всегда умело приспосабливаться и к развитию космических технологий, и к геополитическим событиям. Интересно, что оно опередило создание международно-правового режима исследования и использования космического пространства и, по мнению некоторых ученых, призвало мировое сообщество к формированию международного космического права². Так, Национальный закон об авиации и исследовании космического пространства 1958 г. почти на 10 лет опередил первый международный договор по космосу — Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.

Нормативные правовые акты США в большей степени, чем законы других государств, стимулируют развитие коммерческой КД, что обусловлено во многом самим процессом формирования космического законодательства.

Можно выделить следующие периоды развития американского НКП³. Первый из них (с 1958 г. по 1962 г.) характеризуется созданием правовой инфраструктуры для управления космической отраслью и отделением военных космических проектов, оставшихся в ведении Министерства обороны, от гражданских посредством закрепления последних за Национальным управлением по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) с передачей персонала и имущества.

Далее, в 1980-е гг. администрация президента Рейгана пришла к убеждению, что частный сектор способен эффективнее государственного реализовывать космические проекты и продвигать космические технологии и результаты КД. Законы о коммерческих космических запусках и коммерциализации дистанционного зондирования Земли 1984 г. институционализировали коммерческий космос в качестве отдельного сектора космической отрасли.

На третьем этапе, в 1990–2000-е гг., продолжилось совершенствование правового регулирования во всех областях космического права, что связано с увеличением количества частных космических компаний⁴. Благодаря участию США в Международной космической станции Кодекс поведения экипажа⁵ был имплементирован в национальное законодательство, став частью правил и условий найма астронавтов, и применяется сегодня ко всем служащим НАСА и военнослужащим США.

Современный этап развития НКП США начался с кодификации законов в новую главу 51 Кодекса США, что стало большим шагом в создании четкого, структурированного, доступного законодательства, которое понятно как для операторов космической деятельности, так и для тех, кто берет его за основу при составлении своего НКП.

Законодательное закрепление коммерческой космической деятельности продолжилось принятием Закона 2015 г. о конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков, заключением Соглашения Артемиды 2020 г., принятием законов и рассмотрением законопроектов, касающихся как новых видов космической деятельности, так и совершен-

² McDougall W. A. The Heavens and The Earth: A Political History of the Space Age. The Johns Hopkins Univ. Press, 1997.

³ Gabrynowicz J. I. One Half Century and Counting: The Evolution of U.S. National Space Law and Three Long-Term Emerging Issues // Harvard Law and Policy Review. 2010. Vol. 4. P. 406–419.

⁴ Так, в 1995 г. была образована военно-промышленная корпорация Lockheed Martin, в 1997 г. произошло слияние двух крупных корпораций — McDonnell Douglas и Boeing, в начале 2000-х гг. были основаны Blue Origin (2000 г.), SpaceX (2002 г.), Virgin Galactic (2004 г.), The SpaceShip Company (2005 г.), United Launch Alliance (2006 г.).

⁵ Ч. 2 ст. 11 Соглашения по международной космической станции гражданского назначения (Вашингтон, 29 января 1998 г.) // URL: <https://base.garant.ru/2541609/> (дата обращения: 16.05.2024).

ствования правового регулирования в области существующих⁶.

Сегодня космическая политика США реализуется посредством программ, предусматривающих конкретные административные правила ее реализации, и включает в себя следующие направления: контроль за космическим пространством, дистанционное зондирование Земли, спутниковая связь, национальная авионавтика и деятельность НАСА, освоение космоса⁷.

Говоря о структуре законодательства США о космосе, необходимо упомянуть о том, что система источников права США включает в себя Конституцию США и конституции штатов, статутное право (федеральные законы и законы штатов), общее прецедентное право, подзаконные акты органов исполнительной власти⁸.

Основной массив правового регулирования космической отрасли приходится на статуты Конгресса, представляющие собой довольно объемные и проработанные нормативные правовые акты, посвященные различным аспектам космической деятельности. В течение 60 лет было принято более 10 таких законов, а также нормативных правовых актов из других областей права, которые также затрагивают космическую деятельность, например Закон Стивенсона — Вайдлера о технологических инновациях 1980 г., Закон об инновационном развитии малого бизнеса 1982 г. Сфера действия некоторых законов была расширена с целью охватить определенные виды космической деятельности, например, в 1970 г. Закон о связи 1934 г. был объявлен применимым к частным операторам космической связи.

Большое значение для развития НКП в качестве целостной системы имеет раздел 51

«Национальные и коммерческие космические программы» Кодекса Соединенных Штатов⁹, собравший воедино все законы о космосе. Раздел состоит из 7 подразделов, каждый из которых включает в себя главы, содержащие тот или иной национальный закон в переработанном виде, с устранением повторов и двусмысленностей¹⁰, что дает основание говорить о создании первого в мире кодифицированного законодательства в области КД. Спектр охватываемых разделом 51 вопросов включает в себя национальную космическую программу и политику, административные положения, авионавтику и космические исследования, программы для частного сектора, наблюдение Земли и космические полеты.

Глава 6 раздела 47 Кодекса («Телекоммуникации») посвящена регулированию спутниковых систем связи: федеральному управлению ими, международной морской спутниковой связи, вопросам конкуренции и приватизации.

Помимо законов, важную роль в правовом регулировании космической деятельности играют подзаконные акты федеральных органов исполнительной власти в соответствующих сферах их ведения (например, Национальная космическая политика и Директивы по космическому транспорту). Такие акты, подобно статутам, публикуются в Своде федеральных нормативных актов¹¹.

Данный Свод включает в себя положения о Федеральном управлении гражданской авиации Министерства транспорта и о его Управлении коммерческих космических перевозок, которое ответственно за выдачу лицензий частным космическим аппаратам и космодромам США,

⁶ Например, в 2020 г. был принят закон, предписывающий НАСА давать участникам КД рекомендации по сохранению объектов культурного наследия в космосе (One Small Step to Protect Human Heritage in Space Act 2020), в 2022 г. Сенатом был принят законопроект об очистке орбиты от космического мусора (Orbits Act 2022), в 2023 г. был внесен законопроект о создании отдельного органа, ответственного за разведку и добычу космических ресурсов (Space Research Innovation Act 2023).

⁷ Smith M. «Skip». United States. Regulation in Practice // The Space Law Review. 2019. P. 101.

⁸ Шумилов В. М. Правовая система США : учебное пособие. М. : Международные отношения, 2006. С. 27.

⁹ Title 51 United States Code // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/51> (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁰ Dunk F. von der. Handbook of Space Law. 2015. P. 140.

¹¹ Code of Federal Regulations // URL: <https://www.ecfr.gov> (дата обращения: 17.05.2024).

проверяет полезную нагрузку¹², проводит экологическую экспертизу космической техники¹³, также о Федеральной комиссии связи, которая отвечает за использование радиочастотного спектра в Соединенных Штатах и за выдачу лицензий космическим и наземным станциям, в том числе частным¹⁴. Отличительной особенностью свода является то, что он содержит как нормы, регулирующие положение и полномочия федерального органа исполнительной власти, так и подзаконные акты, принимаемые данными органами.

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), осуществляющее гражданскую космическую программу США и реализующее научные исследования в воздушном и космическом пространствах, подчиняется напрямую Президенту США, и его акты не входят в Свод федеральных нормативных актов. Документы НАСА (стандарты, директивы, процедурные требования), как правило, имеют технический характер и принимаются во исполнение Национальной космической политики США. Например, существует ряд технических стандартов, посвященных процессу уменьшения космического мусора, обеспечению безопасности космических систем, использованию ядерной энергии, обращению с телекоммуникационными системами и т.д.¹⁵

Спутники и связанные с ними технологии подпадают под действие правил экспортного контроля (Export Administration Regulations)¹⁶ и международной торговли оружием (International Traffic in Arms Regulations). Контроль за их исполнением осуществляют Министерство торговли (для Commerce Control List)¹⁷ и Государственный департамент США (для ITAR) соответственно посредством выдачи лицензий, соглашений или изъятий на экспорт оборонных товаров¹⁸.

Необходимо также упомянуть такой вид подзаконных актов, как акты Президента США, принимаемые, как правило, в форме директив (например, Национальная космическая политика, директивы Дональда Трампа по космической политике)¹⁹, меморандумов²⁰ и исполнительных указов, которые по содержанию не отличаются друг от друга, так как адресованы должностным лицам и ведомствам и направлены на управление их деятельностью²¹, то есть имеют силу закона лишь для федеральных органов исполнительной власти и не требуют одобрения Конгресса²². Так, директивы Дональда Трампа²³ излагают для федеральных министров конкретные указания в области космической деятельности, которые необходимо исполнить: пересмотреть процедуру лицензирования, изучить требования к запускам, разработать законопроект о космических вооруженных силах и т.д.

¹² Chapter III, Title 14 C.F.R.

¹³ Environmental Reviews // URL: https://www.faa.gov/air_traffic/environmental_issues/ared_documentation (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁴ Title 47 C.F.R.

¹⁵ Standards from All Technical Disciplines // URL: <https://standards.nasa.gov/all-standards> (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁶ Title 15 C.F.R.

¹⁷ Part 738, Title 15 C.F.R.

¹⁸ Sec. 2778, Title 22 U.S.C.

¹⁹ National Space Transportation Policy (November 21, 2013).

²⁰ Например, Президентский меморандум об активизации американской программы освоения космоса человеком от 11.12.2017.

²¹ Burrows V. K. Executive Orders: Issuance, Modification, and Revocation. December 13, 2011. P. 1.

²² Таргонски Р. Контуры государственной власти США. Вена: Отдел международных информационных программ, Государственный департамент США, 2000. С. 48.

²³ Space Policy Directive-1 11.12.2017, Space Policy Directive-2 24.05.2018, Space Policy Directive-3 18.06.2018, Space Policy Directive-4 23.10.2018.

Отличительной чертой космического законодательства США является его двухуровневость. Закон о конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков 2015 г. наделяет штаты полномочием на разработку и принятие собственных законов, постановлений, стандартов в области космической деятельности при условии, что они не противоречат федеральному законодательству. При этом такие нормативные правовые акты штатов могут дополнять или ужесточать требования федерального законодательства²⁴.

Несмотря на разную степень «космической активности» в тех или иных штатах, соответствующие законы принимаются в первую очередь для развития космического туризма. В этом особенно заинтересованы те штаты, где находятся основные космодромы: Флорида, Вирджиния, Калифорния, Техас, Нью-Мексико, Оклахома²⁵. Как правило, правовое регулирование заключается в стимулировании строительства космодромов и космической инфраструктуры, в создании специальных контролирующих органов²⁶, в предоставлении налоговых льгот по сделкам, связанным с космической деятельностью²⁷, и во введении благоприятных для отрасли режимов ответственности посредством установления требования об информированном согласии участников космической деятельности²⁸.

В штатах складываются собственные комплексы статутов, регулирующих космическую деятельность, которые также кодифицируются в местных кодексах²⁹. При этом регулирование космодромов в штатах сходно с регулирова-

нием аэропортов, чего быть не должно вследствие разного назначения данных объектов. В связи с этим федеральное правительство обязано осуществлять надзор за космодромами штатов и частных лиц, а также за соответствием законов штатов федеральным законам — в силу обязанности государства нести международную ответственность за неправительственную космическую деятельность³⁰, что, возможно, потребует в будущем совершенствования системы управления полетами на федеральном уровне.

Особенностью американского законодательства является совокупность законов, прямо направленных на коммерциализацию космической деятельности, то есть на создание благоприятных условий для участия частного сектора в космических проектах.

В связи с дороговизной обслуживания, модификации и запуска одноразовых ракет-носителей НАСА решило отказаться от использования космических челноков (Space Shuttle) для орбитальных полетов и объявило о готовности приобретать услуги по доставке экипажей и грузов у частных компаний³¹. Так, в 1984 г. Президент Рейган подписал Закон о коммерческих космических запусках³², который заложил основу использования космоса частными компаниями посредством упрощения лицензионных требований, введения механизмов использования государственных технологий в частной КД, определения требований к системам безопасной транспортировки человека в космос, а также создания единого федерального агентства —

²⁴ (c) Sec. 50919, Title 51 U.S.C.

²⁵ State Support for Commercial Space Activities. Federal Aviation Administration // URL: https://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ast/media/State%20Support%20for%20Commercial%20Space%20Activities.pdf (дата обращения: 18.05.2024).

²⁶ Sec. 5203, Title 74 Oklahoma Statutes.

²⁷ Sec. 58-31-16 New Mexico Statutes.

²⁸ Sec. 8.01-227.9 Code of Virginia.

²⁹ Например: Title 2 Alaska Statutes.

³⁰ Interview: Timothy Hughes, SpaceX Chief Counsel. January, 2008 // URL: <https://rescommunis.wordpress.com/2008/01/14/interview-timothy-hughes-spacex-chief-counsel/> (дата обращения: 18.05.2024).

³¹ Камолов С. Г., Шолохов А. Н. Стратегия коммерциализации космической деятельности США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1А. С. 567.

³² Commercial Space Launch Act of 1984. H.R.3942, 98th Cong. (1983–1984).

Министерства транспорта, ответственного за регулирование отрасли.

Следом был принят Закон о коммерциализации дистанционного зондирования Земли 1984 г.³³ с целью приватизации Landsat и обеспечения доступности данных дистанционного зондирования для любого запрашивающего их лица. В связи с неудачной реализацией данного закон был заменен Законом о политике в области дистанционного зондирования земли 1992 г.³⁴ Это вернуло систему Landsat государственному сектору и установило для государственных систем зондирования обязанность предоставлять неуточненные данные дистанционного зондирования Земли всем пользователям на недискриминационной основе, а для частных компаний — только тем странам, которые запрашивают изображения собственной территории. Политика недискриминационного доступа по-прежнему применяется в той или иной степени ко всем данным, в зависимости от объема государственного участия в проекте³⁵.

Закон о коммерческом космосе 1998 г.³⁶ предписывает НАСА приобретать данные космической науки и дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) у частных поставщиков, насколько это возможно, а федеральному правительству — закупать услуги по космическим перевозкам у частных операторов, что, безусловно, расширяет возможности последних, увеличивая количество государственных заказов и позволяя правительству уменьшить расходы на операции, связанные с МКС.

В 2000 г. либерализация космической отрасли дошла до услуг навигации. После запуска российской (ГЛОНАСС) и европейской («Галилей») навигационных систем был принят Закон США о конкурентоспособности коммерческих космических перевозок³⁷, разрешающий ком-

мерческое использование спутниковых снимков высокого разрешения и данных комплекса Global Positioning System (GPS). Данное правовое регулирование способствовало созданию новых частных компаний по разработке спутников GPS и оказанию навигационных услуг.

Закон 2004 г.³⁸ внес поправки в Закон 1984 г.: закрепил определения терминов, установил возможность получения экспериментальных разрешений на неограниченное количество запусков, в том числе на суборбитальные космические полеты. Кроме того, закон добавил ряд положений, касающихся космического туризма, а именно — особый режим ответственности для «участников космического полета» — туристов: они не имеют права на возмещение ущерба и на льготы по страхованию ответственности, то есть все риски пассажиры несут самостоятельно и должны быть проинформированы об этом.

Закон о конкурентоспособности коммерческих космических запусков 2015 г.³⁹ изменил направление развития космической отрасли и вызвал большой резонанс в международном сообществе, подвергшись как одобрению, так и критике. Он отменил ограничения на получение лицензий на экспериментальные запуски для частных лиц; наделил федеральные суды исключительной юрисдикцией по спорам о возмещении вреда, причиненного в ходе частной космической деятельности; провозгласил сохранение лидерства частной КД в области ДЗЗ; призвал к совершенствованию системы управления космическим движением с целью предотвращения образования космического мусора и т.д.

В апреле 2018 г. Палата представителей США приняла Закон о свободе предпринимательства американских компаний в космосе⁴⁰, предоставляющий Министерству торговли полномочие выдавать сертификаты на космические

³³ Land Remote Sensing Commercialization Act of 1984. H.R.5155, 98th Cong. (1983–1984).

³⁴ Land Remote Sensing Policy Act of 1992. H.R.6133, 102nd Cong. (1991–1992).

³⁵ *Gabrynowicz J. I.* Op. cit. P. 416.

³⁶ Commercial Space Act of 1998. H.R.1702, 105th Cong. (1997–1998).

³⁷ Commercial Space Transportation Competitiveness Act of 2000. H.R.2607, 106th Cong. (1999–2000).

³⁸ Commercial Space Launch Amendments Act of 2004. 108th Cong. (2003–2004).

³⁹ U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act 2015. H.R.2262 114th Cong. (2015–2016).

⁴⁰ American Space Commerce Free Enterprise Act. H.R.2809, 115th Cong. (2017–2018).

объекты для частных лиц и относящий к его ведению лицензирование и управление системами ДЗЗ. Новый нормативный правовой акт стал способом решения насущных для космической отрасли США проблем: отставание частной космической деятельности в области ДЗЗ от других видов КД и неэффективная система надзора, которая не регулирует использование технологий ДЗЗ в новых видах космических миссий (освоение Луны, Марса, добыча космических ресурсов)⁴¹.

Национальное право США в области коммерческой космической деятельности по мере становления обеспечивало правовое регулирование тех или иных вопросов, аккуратно и постепенно либерализуя рынок частных космических услуг. По этой причине правовые нормы оказались распределены по множеству дополняющих и изменяющих друг друга актов, которые сегодня кодифицированы в разделе 51 Кодекса США.

Обобщая положения вышеизложенных статей, можно выделить следующие ключевые механизмы, направленные на развитие коммерческого космического сектора.

Во-первых, это установление четких требований к лицензиям, которые должны быть получены для осуществления различных видов КД, помимо запуска и возврата космического объекта, гражданами и юридическими лицами, зарегистрированными в США, а также юридическими лицами, контролируемые гражданами или юридическими лицами США при наличии соответствующего соглашения между иностранным правительством и Соединенными Штатами, даже если такая космическая деятельность осуществляется на территории другого государства,

при условии, что США осуществляет юрисдикцию над полетом⁴².

Во-вторых, одним из условий получения лицензии является наличие страховки, покрывающей максимально вероятный ущерб), который рассчитывается в зависимости от вида страхования⁴³. Если сумма претензии третьего лица превысит страховую сумму лицензиата, правительство США покроет оставшуюся часть, но в пределах 1,5 млрд долл. США⁴⁴.

В-третьих, это режим распределения рисков между правительством и частными операторами в отношении ответственности перед третьими лицами, который представляет собой обязательные взаимные отказы от ответственности. Кроме того, такие отказы должны соблюдаться между лицензиатом и всеми организациями, участвующими в КД, а также между этими сторонами и правительством США на суммы, превышающие обязательное страховое покрытие⁴⁵. Подобной системы ограниченной ответственности лицензиата, страхования, государственной гарантии и концепции «максимально вероятного ущерба» придерживаются и другие государства в своем НКП⁴⁶.

В-четвертых, многообразие видов космической деятельности, подробно регламентированной на законодательном уровне, открывает более широкое поле действий для предпринимателей, позволяя инвестировать в разные области космической промышленности.

Однако наличие столь развитого национального космического права не может не вызывать вопрос о его соотношении с международно-правовыми обязательствами США, установленными в договорах по космосу, и о наличии противоречий между ними.

⁴¹ *Hampson J.* The American Space Commerce Free Enterprise Act. 2017 // URL: <https://www.niskanencenter.org/american-space-commerce-free-enterprise-act/> (дата обращения: 19.05.2024).

⁴² Sec. 50904(a). Title 51 U.S.C.

⁴³ Сумма страхования перед третьими лицами в отношении негосударственной собственности составляет до 500 млн долл. или же «максимальную сумму страхования ответственности, доступную на мировом рынке по разумной цене», в отношении государственного имущества — 100 млн долл. США или «максимальную страховку, доступную на мировом рынке по разумной стоимости». Sec. 440.9. Title 14 C.F.R.

⁴⁴ Sec. 440.19(a). Title 14 C.F.R.

⁴⁵ Sec. 50914(b). Title 51 U.S.C.

⁴⁶ *Dunk F. von der.* Op. cit. P. 142.

Здесь необходимо вернуться к внутригосударственному праву, а именно к Конституции Соединенных Штатов.

Международно-правовые функции в США сосредоточены в руках исполнительной власти — президента, который определяет направления внешней политики, ведет международные переговоры, подписывает международные соглашения. При этом для заключения международного договора требуется согласие и одобрение 2/3 присутствующих сенаторов⁴⁷, что свидетельствует о значительной роли законодательного органа власти при принятии Соединенными Штатами на себя международно-правовых обязательств. Обычно на этапе ратификации Сенат вносит свои оговорки, поправки, условия, понимания и заявления к тексту международного договора, которые влияют на его дальнейшую имплементацию в национальное право. Это и является причиной, по которой Сенат оставляет без ратификации большое количество подписанных договоров⁴⁸.

Помимо этого, важно место международных договоров в системе источников права. Согласно Конституции США (ч. 2 ст. VI), они стоят на одном уровне с Конституцией и статутами в качестве составляющих «верховного права страны», которому должны следовать судьи в каждом штате. Американская доктрина и судебная практика признают статус договоров аналогичным статусу законов как минимум тогда, когда международные договоры не требуют принятия имплементационных законов. Договоры имеют верховенство также над законодательствами штатов, и Верховный суд США обязан обеспечивать соблюдение этого верховенства⁴⁹.

В данном случае актуальна проблема разрешения противоречий между международными договорами и законами. С одной стороны, международные договоры не должны пересматриваться национальными статутами, иначе первые не имеют смысла. С другой стороны, статуты имеют более демократическую природу, так как принимаются двумя палатами Конгресса, а не одной, и следовательно, договор не может отменять положения такого национального закона, который, в отличие от договора, может быть принят только представительной властью, без одобрения Президента.

В судебной практике для разрешения коллизий было выработано правило «последнего по времени» (last-in-time rule)⁵⁰, то есть при конфликте между федеральным законом и самоисполнимым международным договором (то есть договором, который не требует имплементационного законодательства) суды должны применять последний по времени заключения документ. Несамостоятельные договоры не будут иметь преимущества перед национальным правом до тех пор, пока Конгресс США не примет в рамках процесса имплементации соответствующий федеральный закон⁵¹.

Однако это не освобождает США от международно-правовой ответственности в силу ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., то есть если суд в решении применит тот или иной закон с целью отмены международно-правового акта, это будет считаться нарушением международного права, поэтому суды толкуют законы таким образом, чтобы они не вступали в противоречие с международным правом⁵², и наоборот — между-

⁴⁷ Разд. 2 ст. II Конституции Соединенных Штатов Америки // URL: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf> (дата обращения: 21.05.2024).

⁴⁸ Bradley C. A. International Law in the US Legal System. Oxford University Press, 2020. Conditional consent. Chapter 2.

⁴⁹ Доктрина, выработанная Верховным судом США по делу «Уэр против Хилтон»: Ware v. Hylton, 3 U.S. (3 Dall.) 199 (1796). P. 3. U.S. 282 // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/3/199/> (дата обращения: 22.05.2024).

⁵⁰ State of Missouri v. Holland, United States Game Warden No. 609, 252 U.S. 416. 1920. § 7 // URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/252/416> (дата обращения: 22.05.2024).

⁵¹ Гаврилов В. В. Действие норм международного права в правовой системе США // Журнал российского права. 2003. № 2, февраль. С. 120.

⁵² Hermida J. Legal Basis for a National Space Legislation. Kluwer Academic Publishers. USA. 2004. P. 77.

народные договоры толкуются в соответствии с законом, насколько это возможно (*Charming Betsy doctrine*)⁵³.

Данный подход позволяет объяснить, почему Закон о конкурентоспособности коммерческих космических запусков 2015 г. делает отсылку к международно-правовым обязательствам США как в вопросе функций федеральных органов, задействованных в космической отрасли⁵⁴, так и в вопросе добычи космических ресурсов⁵⁵. Данная связка позволяет при возникновении спора толковать Закон в соответствии с теми договорами по космосу, к которым присоединились США, то есть всеми, кроме Соглашения о Луне.

Такую же отсылку к четырем вышеупомянутым договорам имеет и Соглашение Артемиды 2020 г.⁵⁶, что обеспечивает «непротиворечивость» и единое толкование международных и национальных актов США в области коммерциализации космоса.

Для применения доктрины «последнего по времени» необходимо понять, являются ли договоры по космосу самоисполнимыми или нет. По мнению Питера Несгоса, положения Договора по космосу, декларирующие принципы международного космического права, например свободу исследования и использования

космического пространства или запрет его присвоения (ст. I и II Договора), не нуждаются в принятии имплементационного законодательства и являются самоисполнимыми. Другие положения Договора, например требование об осуществлении деятельности неправительственными юридическими лицами «с разрешения и под постоянным наблюдением» государства (ст. VI), непосредственно требуют принятия соответствующих законов во исполнение этих обязательств и считаются несамоисполнимыми⁵⁷. К аналогичному выводу пришел Сенат в ходе слушаний по ратификации Договора по космосу⁵⁸. Возможность того, что договор может быть частично самоисполнимым, уже давно признана судами США⁵⁹.

В отношении космических ресурсов национальный закон был принят после международных самоисполнимых норм Договора по космосу, и следовательно, положения международного договора перестают обладать обязательной силой для американских судов и органов, но сохраняют юридическую силу в международном плане. Выходит, что при разрешении спора суд США будет опираться на положения Закона 2015 г., а не Договора по космосу, учитывая также тот факт, что последние десятиле-

⁵³ Согласно доктрине, выработанной Верховным судом США в 1804 г. по делу «Александр Мюррей против Шхуна “Очаровательная Бетси”», «...акт Конгресса никогда не должен толковаться так, чтобы нарушить международное право, до тех пор, пока возможно их иное толкование». См.: *Alexander Murray vs The Schooner Charming Betsy*. 6 U.S. 2 Cranch 64 (1804). P. 6. U.S. 118 // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/6/64/> (дата обращения: 23.05.2024).

⁵⁴ Sec. 108. A (3), C (3) U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act 2015. H.R.2262 114th Cong. (2015–2016).

⁵⁵ Sec. 51301.3(2), (3): «Президент обязуется поощрять право граждан США участвовать в коммерческой разведке и извлечении космических ресурсов... в соответствии с международными обязательствами США при условии получения разрешения и под постоянным надзором со стороны Федерального Правительства».

⁵⁶ Preamble. The Artemis Accords 2020 // URL: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).

⁵⁷ *Nesgos P. National Law and Commercial Activities in Outer Space: Specific Aspects of United States Law Applicable to Space Industrialization with Particular Emphasis on the Commercialization of Launch Vehicle Transportation*. DCL, Thesis, McGill University, 1983. P. 23.

⁵⁸ US Senate, Hearings Before the Committee on Foreign Relations, 90th Congress, First Session, March 7, 13 and April 12, 1967 (Washington: 1967 US Government Printing Office) // URL: https://irp.fas.org/congress/2007_hr/1967executive.html (дата обращения: 24.05.2024).

⁵⁹ *Гаврилов В. В.* Указ. соч. С. 118.

тия Верховный суд США тяготеет к тому, чтобы не придавать нормам международного права непосредственное действие во внутригосударственной правовой системе⁶⁰.

И в данном случае снова будет работать доктрина «Очаровательной Бетси», а значит, закон не отменит действие норм международного права (как договорного, так и обычного) до тех пор, пока намерение Конгресса прекратить действие международного обязательства не будет выражено четко и ясно, то есть пока США не выйдут из договора.

Так, право частных операторов космической деятельности добывать и приобретать право собственности на космические ресурсы могло бы означать пересмотр положений Договора по космосу, но фактически это лишь способ толкования принципов МКП. Если бы Закон 2015 г. не содержал отсылку к нормам международного права, то были бы основания говорить о создании «альтернативного» правового режима использования космического пространства, что спорно с точки зрения правомерности в отношении территории с международно-правовым статусом. Однако Соглашение Артемиды стало продолжением данного закона, вывело его положения на международный уровень, хотя оно и является по большей части политическим договором.

Так, наличие или отсутствие противоречия Закона 2015 г. Договору по космосу остается на усмотрение того или иного государства в соответствии с его политической позицией и международно-правовой доктриной. Дать толкование соответствующим договору и закону сможет лишь суд США при рассмотрении конкретного

спора. При толковании договора суд должен опираться на положения Венской конвенции 1969 г., а также на «общее понимание Договора, разделяемое Президентом и Сенатом на момент, когда Сенат дал свои рекомендации и согласие на ратификацию»⁶¹.

Еще один аспект космического права, в рамках которого возможно противоречие между международным и национальным правовыми режимами, — это милитаризация космического пространства. Демократизация и либерализация рынка космических услуг способствует увеличению количества и частных операторов, и высокотехнологичных космических объектов на орбите, контролировать которые всё сложнее. Военный космический сектор США отдает на аутсорсинг частным операторам определенные виды КД или услуги (например, аренда услуг связи, наем компании по запуску, покупка изображений частного разведывательного спутника, вывод военной полезной нагрузки).

Правовой основой такой формы сотрудничества всегда выступала Национальная космическая политика. В 2003 г. администрация Д. Буша призвала в политике коммерческого дистанционного зондирования в США «в максимальной практической степени использовать коммерческие космические возможности дистанционного зондирования для удовлетворения потребностей в изображениях и навигации военных, разведывательных служб, внешней политики, внутренней безопасности и гражданских пользователей»⁶². Тот же курс продолжился в Национальной космической политике Б. Обамы⁶³, а Д. Трамп предписал главам всех федеральных агентств не только приобретать и использовать

⁶⁰ Осминин Б. И. Реализация международных договорных обязательств в государствах, придерживающихся дуалистической теории // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 51.

⁶¹ Resolution of Advice and Consent of May 27, 1988 to the U.S. — U.S.S.R. Treaty on the Elimination of Their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles // URL: <https://www.congress.gov/treaty-document/100th-congress/11/resolution-text> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶² U.S. Commercial Remote Sensing Policy. 25 April 2003 // URL: <https://www.space.commerce.gov/wp-content/uploads/Commercial-Remote-Sensing-Policy-2003.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶³ National Space Policy of the United States of America. 28 June 2010 // URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/06/143728.htm> (дата обращения: 25.05.2024).

частный космический потенциал, насколько это возможно⁶⁴, но и создать Вооруженные космические силы США⁶⁵, что стало открытым заявлением о намерении Штатов использовать космос в военных целях.

Подобное национальное законодательство не способствует выполнению ст. IV Договора по космосу, так как впоследствии может привести и к размещению ядерного оружия в космическом пространстве (ч. 1) и к проведению военных маневров (ч. 2). Использование военного оборудования не запрещено также для исследования Луны и небесных тел, в связи с чем формально такое НКП не нарушает положения МКП, но не соответствует цели мирного использования космоса.

Кроме того, такая политика космических держав нарушает и положения права вооруженных конфликтов, например принцип проведения различия между комбатантами и гражданским населением, между военными и гражданскими объектами⁶⁶, так как применительно к космическим объектам, когда государственные и частные космические силы совместно осуществляют космические полеты, такое различие установить крайне сложно⁶⁷.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что коммерциализация космической деятельности — процесс, постепенно протекающий в Соединенных Штатах с 1980-х гг. Космическое национальное право США считается самым развитым в мире и по количеству принятых нормативных правовых актов, и по объему правового регулирования.

Статутное право США в области коммерциализации космической деятельности представляет собой широкий массив правовых норм, обеспечивающий создание условий развития предпринимательской деятельности в космосе. Сложность вызывает рассредоточение управленческих, контрольных и надзорных функций между разными федеральными органами исполнительной власти, что ведет к путанице и повторению полномочий и к пробелам в регулировании.

Законодатель при этом старается создать правовую определенность посредством установления в статутах терминологии, простых и понятных требований для операторов КД, а также точных числовых показателей⁶⁸. Можно сказать, что основная цель, преследуемая современным космическим законодательством, — это упрощение правил и внедрение «легкого» подхода к управлению миссиями.

Нормы, принятые во исполнение международно-правовых обязательств США, способствуют реализации национальной космической деятельности и не противоречат нормам МКП. Однако в определенных аспектах (например, статус космических ресурсов и вывод оружия в космос) национальное право на практике пытается расширить международно-правовой режим использования космического пространства, Луны и других небесных тел.

В отличие от законодательства США, нормы космического права Российской Федерации прямо подтверждают приверженность принципам и нормам МКП. Так, в ст. 1 Федерального закона

⁶⁴ National Space Policy of the United States of America. 9 December 2020 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/12/National-Space-Policy.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶⁵ Space Policy Directive-4: Establishment of the United States Space Force. 19 February 2019 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/text-space-policy-directive-4-establishment-united-states-space-force/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶⁶ Ст. 48 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 08.06.1977 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843?ysclid=lyn5hn3ra1371056862> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶⁷ *Koplow D. Reverse Distinction: A U.S. Violation of the Law of Armed Conflict in Space* // 13 Harvard national security journal. Vol. 25. 2022. P. 25–120.

⁶⁸ *Harrington A. Space insurance and the Law. Maximizing Private Activities in Outer Space*. Northampton, MA, USA. 2021. P. 139.

от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности» говорится о регулировании космической деятельности общепризнанными принципами и нормами международного права, а в ст. 4 устанавливаются тем или иным образом отраженные в Договоре по космосу принципы: поддержание мира и безопасности, обеспечение безопасности КД, охрана окружающей среды, равноправное сотрудничество, международная ответственность за национальную КД.

Однако, к сожалению, законодательный массив, ограничивающийся двумя специальными⁶⁹ и двумя прикладными законами⁷⁰, связанными с КД, не способен в полной мере удовлетворить современным потребностям космической отрасли. Более того, перенос большей части правового регулирования на уровень подзаконных актов приводит к фрагментации и бессистемности данной отрасли права⁷¹.

На какой бы ступени развития ни находилось космическое законодательство государства, чрезвычайно важно его соответствие нормам

международного космического права⁷², таким как запрещение национального присвоения космического пространства и небесных тел и международная ответственность государств за ущерб, причиненный космическими объектами.

Кроме того, НКП необходимо оценивать как с точки зрения основы для создания в будущем норм международного договорного и обычного права, так и с точки зрения временной замены международному регулированию, которая не должна изменить принципы исследования и использования космоса, особенно в условиях его коммерциализации.

Вероятно, дальнейшая трансформация структуры космической отрасли и участников мирового рынка космических услуг спровоцирует появление правовых коллизий международного и национального космического права, что потребует совершенствования норм МКП⁷³. Однако будет ли оно иметь место на уровне Организации Объединенных Наций или же в рамках иного международного сотрудничества, покажет время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Волинская О. А.* Международные политико-правовые аспекты использования космических ресурсов // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 145–154.
2. *Гаврилов В. В.* Действие норм международного права в правовой системе США // Журнал российского права. — 2003. — № 2. — С. 116–128.
3. *Камолов С. Г., Шолохов А. Н.* Стратегия коммерциализации космической деятельности США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — Т. 9. — № 1А. — С. 564–572.
4. *Осминин Б. И.* Реализация международных договорных обязательств в государствах, придерживающихся дуалистической теории. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 2–2018. с. 44–53.
5. *Таргонски Р.* Контурсы государственной власти США. — Вена : Отдел международных информационных программ, Государственный департамент США, 2000. — 139 с.

⁶⁹ Федеральный закон от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности» ; Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”».

⁷⁰ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» ; Федеральный закон от 14.02.2009 № 22-ФЗ «О навигационной деятельности».

⁷¹ *Якушева Р. Р.* О возможности коммерциализации космической деятельности в Российской Федерации: правовой анализ законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2022. № 5. С. 110.

⁷² *Волинская О. А.* Международные политико-правовые аспекты использования космических ресурсов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 153.

⁷³ *Камолов С. Г., Шолохов А. Н.* Указ. соч. С. 569.

6. Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства : монография / отв. ред. А. Я. Капустин. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. — 264 с.
7. Шумилов В. М. Правовая система США : учебное пособие. — М. : Международные отношения, 2006. — 408 с.
8. Якушева Р. Р. О возможности коммерциализации космической деятельности в Российской Федерации: правовой анализ законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2022. — № 5. — С. 109–123.
9. Burrows V. K. Executive Orders: Issuance, Modification, and Revocation. — December 13, 2011. — 10 p.
10. Curtis A. Bradley. International Law in the US Legal System. — Oxford University Press, 2020. — 408 p.
11. Gabrynowicz J. I. One Half Century and Counting: The Evolution of U.S. National Space Law and Three Long-Term Emerging Issues // Harvard Law and Policy Review. — 2010. — Vol. 4. — P. 405–426.
12. Hampson J. The American Space Commerce Free Enterprise Act. 2017 // URL: <https://www.niskanencenter.org/american-space-commerce-free-enterprise-act/> (дата обращения: 19.05.2024).
13. Harrington A. Space insurance and the Law. Maximizing Private Activities in Outer Space. — Northampton, MA, USA, 2021. — 256 p.
14. Hermida J. Legal Basis for a National Space Legislation. — Kluwer Academic Publishers. USA, 2004. — 306 p.
15. Koplow D. Reverse Distinction: A U.S. Violation of the Law of Armed Conflict in Space // Harvard national security journal. — 2022. — Vol. 25. — No. 3. — P. 25–120.
16. Smith M. «Skip». United States. Regulation in Practice // The Space Law Review. — 2019. — P. 100–115.
17. Nesgos P. National Law and Commercial Activities in Outer Space: Specific Aspects of United States Law Applicable to Space Industrialization with Particular Emphasis on the Commercialization of Launch Vehicle Transportation. DCL, Thesis, McGill University, 1983.
18. Dunk F. von der. Handbook of Space Law. — 2015. — 1136 p.
19. McDougall W. A. The Heavens and The Earth: A Political History of the Space Age. — The Johns Hopkins Univ. Press, 1997. — 555 p.

Материал поступил в редакцию 15 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volynskaya O. A. Mezhdunarodnye politiko-pravovye aspekty ispolzovaniya kosmicheskikh resursov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 9. — С. 145–154.
2. Gavrilov V. V. Deystvie norm mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme SShA // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2003. — № 2. — С. 116–128.
3. Kamolov S. G., Sholokhov A. N. Strategiya kommertsializatsii kosmicheskoy deyatel'nosti SShA // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. — 2019. — Т. 9. — № 1А. — С. 564–572.
4. Osminin B. I. Realizatsiya mezhdunarodnykh dogovornykh obyazatelstv v gosudarstvakh, priderzhivayushchikhsya dualisticheskoy teorii. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. № 2–2018. с. 44–53.
5. Targonski R. Kontury gosudarstvennoy vlasti SShA. — Vena: Otdel mezhdunarodnykh informatsionnykh programm, Gosudarstvennyy departament SShA, 2000. — 139 s.
6. Formirovanie sovremennoy mezhdunarodno-pravovoy kontseptsii issledovaniya i ispolzovaniya kosmicheskogo prostranstva: monografiya / otv. red. A. Ya. Kapustin. — М.: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii, 2021. — 264 s.
7. Shumilov V. M. Pravovaya sistema SShA: uchebnoe posobie. — М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2006. — 408 s.

8. Yakusheva R. R. O vozmozhnosti kommersializatsii kosmicheskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: pravovoy analiz zakonodatel'stva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2022. — № 5. — S. 109–123.
9. Burrows V. K. Executive Orders: Issuance, Modification, and Revocation. — December 13, 2011. — 10 p.
10. Curtis A. Bradley. International Law in the US Legal System. — Oxford University Press, 2020. — 408 p.
11. Gabrynowicz J. I. One Half Century and Counting: The Evolution of U.S. National Space Law and Three Long-Term Emerging Issues // Harvard Law and Policy Review. — 2010. — Vol. 4. — P. 405–426.
12. Hampson J. The American Space Commerce Free Enterprise Act. 2017 // URL: <https://www.niskanencenter.org/american-space-commerce-free-enterprise-act/> (data obrashcheniya: 19.05.2024).
13. Harrington A. Space insurance and the Law. Maximizing Private Activities in Outer Space. — Northampton, MA, USA, 2021. — 256 p.
14. Hermida J. Legal Basis for a National Space Legislation. — Kluwer Academic Publishers. USA, 2004. — 306 p.
15. Koplow D. Reverse Distinction: A U.S. Violation of the Law of Armed Conflict in Space // Harvard national security journal. — 2022. — Vol. 25. — No. 3. — P. 25–120.
16. Smith M. «Skip». United States. Regulation in Practice // The Space Law Review. — 2019. — P. 100–115.
17. Nesgos P. National Law and Commercial Activities in Outer Space: Specific Aspects of United States Law Applicable to Space Industrialization with Particular Emphasis on the Commercialization of Launch Vehicle Transportation. DCL, Thesis, McGill University, 1983.
18. Dunk F. von der. Handbook of Space Law. — 2015. — 1136 p.
19. McDougall W. A. The Heavens and The Earth: A Political History of the Space Age. — The Johns Hopkins Univ. Press, 1997. — 555 p.

Концепции дематериализации ценных бумаг по законодательству Швейцарии

Аннотация. В статье излагается краткая история и современное состояние законодательства о ценных бумагах в Швейцарии. В центре внимания находятся «учтенные эффекты», которые швейцарским законодателем и доктриной квалифицируются в качестве объектов *sui generis*, поскольку по своей правовой природе они не относятся ни к вещам, ни к правам требования. Автор также оценивает изменения законодательства, связанные с регламентацией использования технологии распределенного реестра в сфере присвоения и обращения прав. Швейцарское частное право предоставляет эмитентам широкую альтернативу форм выпуска ценных бумаг, что со временем создает проблемы с формулированием понятий, отражающих суть новых объектов. Автор проводит параллели с российскими бездокументарными ценными бумагами и приходит к выводу, что швейцарские подходы к дематериализации ценных бумаг не являются панацеей и не могут дать ответы на назревшие в отечественной доктрине вопросы, в том числе о том, какое субъективное право возникает на бестелесные ценные бумаги.

Ключевые слова: ценные бумаги; ценные права; учтенные эффекты; дематериализация; иммобилизация; депозитарий; цифровизация; бездокументарные ценные бумаги; вещное право; бестелесное имущество.

Для цитирования: Чистов Т. А. Концепции дематериализации ценных бумаг по законодательству Швейцарии // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 182–193. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.182-193.

Concepts of Dematerialization of Securities under Swiss Law

Timofey A. Chistov, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
civ.tim@yandex.ru

Abstract. This paper provides a brief history and status of securities legislation in Switzerland. The focus is on the «taken into account effects», which are classified by Swiss law and doctrine as *sui generis* objects, since by their legal nature they do not relate to things or to claims. The author also evaluates changes in legislation related to the regulation of the use of distributed ledger technology in the area of assignment and circulation of rights. Swiss private law provides issuers with a wide range of alternative forms of issuing securities, which over time creates problems with the formulation of concepts that reflect the essence of new objects. The author draws parallels with Russian dematerialized securities and concludes that Swiss approaches to the dematerialization of securities

---

© Чистов Т. А., 2025

* Чистов Тимофей Андреевич, аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Российская Федерация, 117418
civ.tim@yandex.ru

are not a panacea and cannot provide answers to pressing questions in the domestic doctrine, including what subjective right arises for paperless securities.

Keywords: securities; valuable rights; recorded effects; dematerialization; immobilization; depository; digitalization; dematerialized securities; property rights; intangible assets.

Cite as: Chistov TA. Concepts of Dematerialization of Securities under Swiss Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):182-193. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.182-193.

Введение

Ценные бумаги имеют достаточно продолжительную историю существования, однако лишь в конце XIX в. в доктрине сложилось более-менее определенное цивилистическое представление о ценной бумаге: ее признаках, функциях и месте среди иных объектов гражданских прав. Ценные бумаги, призванные обеспечивать упрощение присвоения и передачи относительных субъективных гражданских прав, вместе с возрастанием спроса на них диалектично вызывали непомерные расходы в сфере эмиссии и обращения ценных бумаг, предназначенных для массовой торговли (акции, облигации). В связи с этим уже в конце XIX — начале XX в. велись поиски способов отказа от печатания ценных бумаг — документов с сохранением прав, на которые обычно мог претендовать собственник ценных бумаг. В общем виде это достигалось за счет иммобилизации (обездвижения) и дематериализации (полного отказа от бумажных сертификатов) ценных бумаг.

В российском праве дематериализованные ценные бумаги именуются бездокументарными. Несмотря на сложившееся правовое регулирование и широкое распространение данного объекта на практике, остается дискуссионным целый ряд вопросов. Какова сущность бездокументарной ценной бумаги? Допустимо ли рассматривать ее в качестве разновидности ценных бумаг, учитывая отсутствие бумажного сертификата? Какое субъективное право возникает у правообладателя бездокументарной ценной бумаги?

Поскольку тенденция дематериализации ценных бумаг носит глобальный характер, для

поиска ответов на данные вопросы можно обратиться к опыту иных правовых порядков. Так, Е. А. Суханов призывал обратиться к опыту стран романо-германской правовой семьи, в которых были созданы новые объекты: ценные права (Wertrechte) и учтенные эффекты (Bucheffekten), рассматриваемые в качестве относительных прав с абсолютной правовой защитой, в силу чего они являются перспективной альтернативой объявлению бестелесных объектов аналогами вещей¹.

В статье мы предлагаем обратиться к правовому опыту Швейцарии, где данные концепции были реализованы на законодательном уровне, в отличие от Германии, где понятие «ценных прав» используется лишь на доктринальном уровне.

Традиционные швейцарские концепции иммобилизации и дематериализации ценных бумаг

Концепция учтенных эффектов, которая представляет наибольший интерес в силу новых подходов, заложенных в ее основу, была реализована в результате реформы законодательства о ценных бумагах и принятия в 2008 г. Закона об учтенных эффектах (Bucheffektengesetz, BEG)², вступившего в силу 1 января 2010 г. Понять такое правовое явление, как учтенный эффект, невозможно без описания состояния швейцарского законодательства до упомянутой реформы и тех правовых решений, которые применялись и применяются в сфере дематериализации ценных бумаг.

Ключевым для понимания не только швейцарской, но и германской системы ценных

---

¹ См.: Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. С. 76.

² Bundesgesetz über Bucheffekten (Bucheffektengesetz, BEG) vom 3. Oktober 2008. BBl. 2006. 9315.

бумаг является тот факт, что законодательство по-прежнему позволяет выпускать ценные бумаги в виде бумажных сертификатов, т.е. в их классическом виде, поскольку отказ от этого означал бы ограничение свободы эмитентов. Поскольку изначально эмиссия ценных бумаг происходила исключительно путем печатания массы ценных бумаг, то теория и практика с некоторым временным промежутком выработали несколько способов устранения бумажного сертификата из обращения с сохранением за собственником всех прав, удостоверенных ценной бумагой, и эти способы действуют в Швейцарии до сих пор на альтернативной основе. К таким конструкциям необходимо отнести: коллективное хранение ценных бумаг, выпуск глобального сертификата, а также концепцию ценных прав.

1. Концепция коллективного хранения ценных бумаг в Швейцарии была разработана в 1960-х гг. и на сегодняшний день в основном регулируется статьей 973а Швейцарского обязательственного закона³ (ШОЗ). Суть данной концепции заключается в том, что исключение сертификатов ценных бумаг из обращения достигается за счет их иммобилизации — сдачи на хранение. В дальнейшем при отчуждении ценных бумаг не происходит их фактического движения: перемещения от одних лиц к другим. Вместо этого квалифицированный хранитель производит особые записи о списании и зачислении ценных бумаг.

Ценные бумаги, находящиеся на коллективном хранении, физически смешиваются с ценными бумагами такого же вида, принадлежащими другим лицам. Депоненты утрачивают право индивидуальной собственности, но приобретают право долевой собственности на ценные бумаги одного вида. Их доля определяется исходя из номинальной стоимости, а если они таковой не обладают — исходя из количества принадлежащих им ценных бумаг.

Собственники ценных бумаг одного вида образуют сообщество совладельцев особого рода, поскольку между ними не существует каких-либо договорных связей: они могут не знать друг друга в принципе, при этом собственник может в любой момент потребовать выдачи ему сертификатов ценных бумаг, соответствующих его доле, не получая согласия от сособственников (п. 2 и 3 ст. 973а ШОЗ).

Отношения владения представляют собой некую пирамиду, на вершине которой — центральный депозитарий, осуществляющий непосредственное хранение ценных бумаг и являющийся их непосредственным владельцем. Средний уровень пирамиды составляют депозитарии, которые совершают операции по счетам для своих клиентов — опосредованные владельцы первого уровня. Основу же пирамиды составляют клиенты — долевые собственники ценных бумаг, которые признаются опосредованными владельцами второго уровня⁴.

Поскольку при данных правоотношениях ценная бумага как вещь продолжает свое существование, данные отношения также регулируются вещным правом, в том числе положениями о передаче вещи и добросовестном приобретении.

2. На втором этапе рационализаторский эффект коллективного хранения был усилен за счет отказа от печати индивидуальных сертификатов и объединения ценных бумаг, находящихся на коллективном хранении, в единую ценную бумагу — *глобальный сертификат*, который заменяет все ценные бумаги одного выпуска. Однако, поскольку глобальный сертификат также представляет собой ценную бумагу, положения законодательства о ценных бумагах и вещного права остаются применимыми⁵. Так, согласно п. 1 ст. 973b ШОЗ должник может выпустить глобальный сертификат, заменяющий выпуск ценных бумаг, либо заменить уже выпу-

³ Bundesgesetz betreffend die Ergänzung des Schweizerischen Zivilgesetzbuches (Fünfter Teil: Obligationenrecht) vom 30. März 1911. BBl. 1905. II. 1.

⁴ См.: Kunz P. V. Legislative Aktivitäten im Finanzmarktrecht — zum Entwurf für ein neues Bundesgesetz über Bucheffekten (Bucheffektengesetz, BEG) // Anlagerecht / Emmenegger, Hrsg. Basel, 2007. S. 29–30.

⁵ См.: Beeler L. Bucheffekten. Übertragung, Stornierung und gutgläubiger Erwerb. Zürich / St. Gallen : Dike, 2013. S. 34–35.

ценные ценные бумаги, находящиеся на хранении. Глобальный сертификат является ценной бумагой, на которую возникает право долевой собственности (п. 2 ст. 973b ШОЗ)

3. Наконец, *концепция ценных прав* (Wertrechte) представляет собой третий, окончательный этап дематериализации, на котором права не закрепляются в бумажном сертификате. Ценные права впервые были признаны Законом о биржах (Börsengesetz, BEHG)⁶. В статье 2 было закреплено, что ценные права (Wertrechte) — это бездокументарные права с той же функцией, что и ценные бумаги. Данное положение критиковалось в доктрине, поскольку по общему признанию ценные права не могут иметь функции ценных бумаг. Впоследствии указание на функциональную эквивалентность было отменено.

Согласно швейцарскому пониманию, которое теперь кодифицировано в п. 4 ст. 973с ШОЗ ценные права должны квалифицироваться как чисто обязательственные права, не имеющие вещных характеристик. Это означает, что передача ценных прав регулируется положениями об уступке права требования (ст. 164 и далее ШОЗ), а их залог — положениями Швейцарского гражданского кодекса⁷ (ШГК) о залоге требований (ст. 899 и далее ШГК). Таким образом, и при передаче, и при залоге должна быть соблюдена письменная форма. На ценные права не распространяются положения о добросовестном приобретении⁸.

Согласно п. 2 ст. 973с ШОЗ должник обязан вести реестр выпущенных им ценных прав, в который вносятся сведения об их количестве, номинале, а также о кредиторах по этим правам.

Привилегированные правовые последствия, порождаемые ценными бумагами (такие как

вещная защита и добросовестное приобретение), как правило, не могут быть порождены швейцарскими ценными правами, поскольку для этого нет квалифицированного носителя информации: их существование обусловлено учредительной записью в реестре. Однако этот реестр не является публичным, ведется самим должником и не обязан документировать последующие распоряжения⁹.

Наиболее распространенными на практике ценными правами стали именные акции с отложенной и отмененной печатью бумажного сертификата, что стало особенностью именно швейцарского правопорядка. В отношении именных акций не могла быть использована конструкция коллективного хранения с распространением права общей долевой собственности, поскольку считалось, что запись в реестре акционеров и их статус предполагали только право индивидуальной собственности, что вызывало непомерные издержки по физическому перемещению сертификатов ценных бумаг, особенно именных акций, котирующихся на бирже. Чтобы преодолеть эту проблему, некоторые компании в уставах закрепили положение о том, что сертификаты акций по общему правилу не выпускаются, если акционер прямо не потребует обратного (акции с отложенной печатью). Практика показала, что редкий акционер заинтересован в наличии у него на руках бумажных сертификатов. Данная модель вызвала всеобщее одобрение, и следующим шагом стало исключение эмиссии бумажных именных акций в принципе, с предоставлением акционеру права требовать лишь выдачи ему выписки из реестра акционеров (акции с отмененной печатью)¹⁰.

Поскольку ценные права квалифицируются в качестве обязательственных прав, для их уступ-

---

⁶ Bundesgesetz über die Börsen und den Effektenhandel (Börsengesetz, BEHG) vom 24. März 1995. BBl. 1995. II. 419.

⁷ Schweizerisches Zivilgesetzbuch vom 10. Dezember 1907. BBl. 1904. IV. 1.

⁸ См.: Kuhn H. Das neue Bucheffektenmodell des schweizerischen Rechts // Die Zukunft des Clearing und Settlement / Baums T., Cahn A. (Hrsg.). Berlin : de Gruyter, 2005. S. 35–36.

⁹ См.: Zellweger-Gutknecht C., Monnerat L. Internationaler Kontext: Schweizerisches Registerwertrecht // Elektronische Wertpapiere / Omlor S., Möslin F., Grundmann S. (Hrsg.). Tübingen : Mohr Siebeck, 2021. S. 10.

¹⁰ См.: Segna U. Bucheffekten. Tübingen : Mohr Siebeck, 2018. S. 416–422 ; Mock S. Die Schweizer Bucheffekte. Der Erwerbstatbestand und seine Übertragbarkeit auf das deutsche Recht. Köln : RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2016. S. 32–36.

ки требуется соблюдение письменной формы сделки (п. 4 ст. 973с ШОЗ), что вызывало и вызывает дополнительные временные и денежные издержки.

Таким образом, к началу XXI в. в Швейцарии сложилось несколько способов оптимизации создания и обращения прав, удостоверенных ценной бумагой: иммобилизация ценных бумаг, выпуск глобальных сертификатов с их последующей иммобилизацией, предоставление эмитентам возможности выпускать ценные права в виде записей в реестре. Классическое право собственности на ценную бумагу было заменено на некую модифицированную собственность или же исключительно на права требования. При этом отсутствовал единый нормативный правовой акт, регулирующий данные правоотношения. Регулирование основывалось на положениях Швейцарского гражданского кодекса и Швейцарского обязательственного закона, что стало одной из причин реформы законодательства о ценных бумагах.

Концепция учтенных эффектов

Следующей формой дематериализации, которая представляет наибольший интерес, является концепция учтенных эффектов (Bucheffecten). Исследование данного явления невозможно без ознакомления с заключением швейцарского Бундесрата по законопроекту об учтенных эффектах¹¹. Данный объемный документ подробно описывает предпосылки разработки новой концепции, содержит оценку состояния законодательства и рекомендации по его совершенствованию, а также комментарий к каждой статье и пункту закона. К этому заключению в обязательном порядке обращаются не только в доктрине для уяснения смысла нового закона, но и в судебной практике¹².

Данное заключение имеет большое значение для развития частного права, в нем учтенные эффекты официально и четко названы объектами *sui generis*, что, по нашему мнению, как минимум снимает необходимость выяснения замысла законодателя, поскольку в заключении он изложен исчерпывающим образом.

В качестве основного мотива реформы законодательства о ценных бумагах и принятия Закона об учтенных эффектах было названо отсутствие правовой определенности¹³. Швейцария — важный финансовый центр в Европе, поэтому участие зарубежных инвесторов в ее экономике является правилом, а не исключением. Прозрачное и ясное правовое регулирование необходимо для минимизации издержек и обеспечения привлекательности Швейцарии для инвестиций.

В то же время коллективное ответственное хранение и система глобальных сертификатов, несмотря на активное использование на практике, затрагивают фундаментальные идеи конструкции ценных бумаг, поскольку при иммобилизации ценная бумага фактически утрачивает свои функции. Более того, концепция, в которой полностью отсутствует вещный элемент (ценные права), уже не может быть удовлетворительно рассмотрена на основе законодательства о ценных бумагах¹⁴.

Инициатива по модернизации швейцарского законодательства о ценных бумагах исходила от представителей финансовой индустрии. В 2001 г. Швейцарская ассоциация банкиров и центральный депозитарий ценных бумаг SegalInterSettle (SIS) создали рабочую группу юристов — специалистов по финансовому рынку, которые в начале 2003 г. представили первоначальный проект нового закона. Этот проект, по сути, кодифицировал системы коллективного хранения, глобального сертификата и ценных прав¹⁵. В центре проекта находилось

¹¹ Botschaft zum Bucheffektengesetz sowie zum Haager Wertpapierübereinkommen vom 15. November 2006, BBl. 2006, S. 9315–9420.

¹² BGE 138. III. 137.

¹³ См.: Botschaft zum Bucheffektengesetz... S. 9331–9332.

¹⁴ Botschaft zum Bucheffektengesetz... S. 9324–9325.

¹⁵ См.: Kuhn H. Op. cit. S. 39.

предложение распространить модель совместной собственности и на ценные права, т.е. унифицировать правовое регулирование в рамках положений вещного права, что, например, было реализовано в немецком праве.

В апреле 2003 г. Департамент финансов создал техническую рабочую группу с участием представителей промышленности, надзорных органов и юристов для продолжения работы над предварительным проектом. В конце 2004 г. уже доработанный проект был отправлен на обсуждение с промышленными и научными кругами, и уже весной 2005 г. он был завершен. Общая реакция на проект была положительной¹⁶.

Центральным понятием Закона является «учтенные эффекты», смысл и назначение которого понять невозможно, если не знать более общее понятие — «эффекты» (Effekten).

Эффекты — это собирательное понятие, используемое преимущественно в банковском праве. С одной стороны, оно обозначает ценные бумаги, но к эффектам относятся не все ценные бумаги, а только те, которые могут быть взаимозаменяемыми, то есть предполагают наличие идентичных по содержанию ценных бумаг (акции, облигации). Например, не будут эффектами векселя и чеки. С другой стороны, это понятие может восприниматься и в более широком смысле, поскольку эффекты также охватывают права, которые не воплощены в документе (ценные права)¹⁷.

По мнению исследователей, если понятие «ценные права» (Wertrechte) должно подчеркивать тесную связь с понятием «ценные бумаги» (Wertpapiere), то «учтенные права» (Bucheffekten) производны от «средств безналичного расчета» (Buchgeldes), что свидетельствует о важности записи по счету как доказательства правового положения¹⁸.

Учетные эффекты — это взаимозаменяемые требования или права членства в отношении эмитента, которые зачисляются на счет депо депозитария и которыми владельцы счета могут распоряжаться в соответствии с Законом об учетных эффектах (п. 1 ст. 3 BEG). Наиболее важным элементом этого определения является запись по счету депо, которая имеет конститутивный эффект как для создания учетных эффектов (ст. 6 BEG), так и для распоряжения ими (ст. 24 BEG).

Учетные эффекты создаются на основе хорошо известных ценных бумаг или ценных прав. Согласно ст. 6 BEG учетные эффекты создаются следующим образом:

- ценные бумаги, в том числе глобальные сертификаты, должны быть переданы их собственником на хранение депозитарию, который открывает собственнику счет депо и совершает по нему запись о зачислении этих бумаг в виде учетных эффектов;

- ценные права должны быть внесены в так называемый основной реестр депозитария (Hauptregister), что заменяет собой передачу владения вещи, после чего также совершается запись о зачислении учетных эффектов на счет депо.

Несмотря на вид первоначального имущества, лежащего в основе учетных эффектов, правообладатели, депозитарии, эмитенты подчиняются правовому режиму, закрепленному в Законе об учетных эффектах¹⁹. Таким образом, реформа законодательства о ценных бумагах не касается уже существующих форм дематериализации ценных бумаг, вместо этого предлагается новый объект с особым правовым режимом.

Создание учетных эффектов не влияет на прямую правовую связь между правообладателем и эмитентом (п. 1 ст. 13 BEG). Таким образом, право владельца счета не ограничивается

---

¹⁶ См.: Kuhn H. Op. cit. S. 40.

¹⁷ См.: Reuschle F. Grenzüberschreitender Effektengiroverkehr: Die Entwicklung des europäischen und internationalen Wertpapierkollisionsrechts // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2004. Bd. 68. H. 4. S. 693–695; Einsele D. Wertpapierrecht als Schuldrecht: Funktionsverlust von Effektenurkunden im internationalen Rechtsverkehr. Tübingen: Mohr Siebeck, 1995. S. 7.

¹⁸ См.: Segna U. Op. cit. S. 28.

¹⁹ См.: Kuhn H. Op. cit. S. 42.

требованием к своему депозитарию, например о выполнении поручений, но также включает прямое требование к эмитенту, однако, как правило, владелец счета может предъявить это требование только через своего депозитария (п. 2 ст. 13 BEG).

Учетные эффекты имеют силу по отношению как к депозитарию, так и к любой третьей стороне и недоступны для кредиторов депозитария (п. 2 ст. 3 BEG). В заключении швейцарского Бундесрата по законопроекту об учетных эффектах указывается, что данное положение закона свидетельствует о том, что учетные эффекты представляют собой нечто большее, чем право требования: они обладают всеми характеристиками ценной бумаги, не имея при этом физического измерения, и, следовательно, не являются вещью по смыслу швейцарского частного права, но право на них обладает абсолютным эффектом. Таким образом, учетные эффекты можно назвать объектами *sui generis*²⁰.

Предлагавшаяся в изначальном законопроекте идея о расширении концепции совместной собственности на бестелесное имущество была отклонена. По замыслу законодателя, положения Закона об учетных эффектах представляют собой новый материальный правовой порядок, который применяется независимо от того, в каком виде существует базовый актив: в виде вещи (ценные бумаги) или права требования (ценные права). Поэтому, если в Законе полностью или частично отсутствует регулирование по какому-либо вопросу, решение необходимо искать исходя из систематики закона с учетом целей его регулирования и не обращаться к положениям вещного или обязательственного права²¹.

Таким образом, в рамках концепции учетных эффектов предполагается переподчинение вещей и прав требований новому универсальному правовому режиму в связи с созданием нового объекта.

Закон об учетных эффектах не позволяет определить, какое субъективное право воз-

никает у правообладателя на данные объекты. В пункте 2 ст. 1 в качестве цели данного закона, помимо прочего, указана гарантия защиты права собственности инвесторов. Согласно заключению швейцарского Бундесрата понятие собственности в данной части Закона следует понимать не в узком смысле, в котором оно употребляется в Швейцарском гражданском кодексе, а в широком, конституционном смысле, то есть как не только права на вещи, но и права требования²².

В данном законодательном положении и его официальном толковании мы видим непоследовательность. Очевидно, что понятие собственности в Законе об учетных эффектах употребляется в экономическом значении, а не в цивилистическом. Создавая объект *sui generis*, отличный от всего, что швейцарское частное право знало до этого момента, логичным было бы объяснить, какое право приобретает лицо на принадлежащие ему учетные эффекты; остается ясным лишь абсолютный характер этого права.

Согласно п. 1 ст. 3 BEG учетные эффекты предполагают не только зачисление их на специальный счет, но и то, что распоряжаться ими можно лишь по правилам Закона об учетных эффектах. Распоряжение учетными эффектами состоит из двух элементов, которые должны быть выполнены в совокупности: во-первых, поручение владельца счета депозитарию о передаче опосредованно удерживаемых ценных бумаг (пп. «а» п. 1 ст. 24 BEG) и, во-вторых, запись о зачислении на счете ценных бумаг приобретателя (пп. «b» п. 1 ст. 24 BEG).

Поручение — это одностороннее юридически оформленное заявление владельца счета депозитарию о намерении передать учетные эффекты приобретателю. Депозитарий не имеет ни права, ни обязанности проверять правовую основу распоряжения (п. 2 ст. 15 BEG), поэтому он не может отказать в выполнении поручения, даже если ему известно о недостатках в обязательственных отношениях. И наоборот, депозитарий не может быть привлечен к ответственности, если он исполняет поручение, несмотря на

²⁰ Botschaft zum Bucheffektengesetz... S. 9339.

²¹ Botschaft zum Bucheffektengesetz... S. 9342.

²² Botschaft zum Bucheffektengesetz... S. 9342–9342.

недостатки в обязательственных отношениях. В этом аспекте поручение как элемент сделки по отчуждению не зависит от действительности каузальной (обязательственной) сделки²³.

Отчуждение учтенных эффектов завершается, когда по счету приобретателя совершается запись о зачислении, что является основанием для их приобретения. Таким образом, продавец сохраняет право на учтенные эффекты до завершения процесса выбытия, даже если после списания со счета он уже не может распоряжаться этими опосредованно удерживаемыми ценными бумагами²⁴.

Законом также были защищены ожидания приобретателей учтенных эффектов путем включения положений о добросовестном приобретении. Согласно ст. 29 BEG добросовестный приобретатель ценных бумаг защищен в своем приобретении, если учтенные эффекты были приобретены им на законных основаниях и возмездно, даже если продавец не был уполномочен распоряжаться учтенными эффектами. Данное положение отличает учтенные эффекты от ценных прав как прав требований, а также сближает их с правовым режимом вещей.

Концепция учтенных эффектов получила положительную оценку в Швейцарии. Коллективное хранение ценных бумаг с его пирамидой владения, долевой собственностью выглядит чужеродно и имеет мало общего с классическими представлениями о ценных бумагах. Ценные права же, с одной стороны, являются правами требования по общему и законодательному признанию, но практика находит способы нивелировать правила об обязательной письменной форме цессии, что также делает эту квалификацию бессмысленной, а их добросовестное приобретение — невозможным. Учтенные эффекты — это своего рода чистый лист на

рынке капитала, призванный внести правовую определенность без использования устаревших концепций.

Концепция зарегистрированных ценных прав

Учтенные эффекты не единственное, что предложил швейцарский правопорядок в сфере обращения прав. Следующее законодательное новшество связано с созданием в Швейцарии правовой основы для использования технологии распределенных реестров в сфере рынка ценных бумаг путем принятия Федерального закона об адаптации федерального законодательства к развитию технологий распределенных электронных реестров²⁵. По мнению законодателя, Швейцария должна эффективно использовать возможности цифровизации, чтобы и дальше позиционировать себя в качестве инновационного и ведущего места для компаний, использующих технологии распределенного реестра, блокчейн, что, в частности, должно обеспечиваться правовой определенностью в соответствующей сфере²⁶.

Естественным образом новые технологии должны быть применены и при передаче прав. Поскольку законодательство Швейцарии достаточно гибкое, было решено ограничиться корректировкой существующих положений и не создавать нового специального закона. Более того, законодательство Швейцарии основывается на принципе технологической нейтральности, в соответствии с которым законом не определено, какие именно технологии должны использоваться, не описываются технические подробности, поскольку они оставлены на усмотрение частных субъектов с установлением лишь самых минимальных требований²⁷.

---

²³ Botschaft zum Bucheffektengesetz... S. 9359.

²⁴ Botschaft zum Bucheffektengesetz... S. 9368.

²⁵ Bundesgesetz zur Anpassung des Bundesrechts an Entwicklungen der Technik verteilter elektronischer Register vom 25. September 2020. AS. 2021. 33.

²⁶ См.: Botschaft zum Bundesgesetz zur Anpassung des Bundesrechts an Entwicklungen der Technik verteilter elektronischer Register vom 27. November 2019. BBl. 2020. S. 234.

²⁷ См.: Botschaft zum Bundesgesetz zur Anpassung des Bundesrechts an Entwicklungen der Technik verteilter elektronischer Register. S. 244–245.

Реформа гражданского законодательства в связи с регламентацией распределенных реестров касается токенов, отражающих правовое положение субъектов (права требования, членства), которые приближены к ценным бумагам, поэтому в ходе консультаций было решено использовать основные положения теории ценных бумаг²⁸.

Основой правового регулирования создания и оборота прав в системе распределенного реестра стал ряд новых статей Швейцарского обязательственного закона (ст. 973d–973i) и корректировки некоторых положений Закона об учтенных эффектах.

В центре данных нововведений находятся понятия зарегистрированного ценного права (Registerwertrecht); реестра, в который внесены эти права (Wertrechtsregister), а также регистрационного соглашения (Registrierungsvereinbarung).

Согласно п. 1 ст. 973d ШОЗ зарегистрированное ценное право — это право, которое в соответствии с соглашением между сторонами внесено в реестр ценных прав и может быть заявлено и передано другим лицам только через этот реестр ценных прав.

Таким образом, для того чтобы квалифицировать актив в качестве зарегистрированного ценного права, необходимо наличие самого права, заключенного между должником и кредитором соглашения, в соответствии с которым кредитор будет связан необходимостью осуществления и передачи этого права исключительно в специальном реестре ценных прав. Закон не уточняет, какие именно права могут быть зарегистрированы таким образом, и это неслучайно. В заключении Бундесрата про данному закону указывается, что возможность такой регистрации предоставлена для прав, которые ранее удостоверялись ценными бумагами, а также любых прав требования, которые не обязательно должны иметь массовый характер²⁹.

Согласно п. 2 ст. 973d ШОЗ реестр бездокументарных ценных бумаг должен отвечать следующим требованиям:

1. Он предоставляет кредиторам, но не должнику право распоряжаться своими правами с помощью технических процедур.

2. Его целостность защищена от несанкционированных изменений с помощью технических и организационных мер, таких как совместное администрирование несколькими независимыми сторонами.

3. Содержание прав, функционирование реестра и соглашение о регистрации регистрируются в реестре или в сопутствующих данных, связанных с ним.

4. Кредиторы могут просматривать относящуюся к ним информацию и записи в реестре и проверять целостность относящегося к ним содержания реестра без вмешательства третьих лиц.

В силу п. 3 данной статьи именно на должнике лежит обязанность обеспечить организацию реестра зарегистрированных ценных прав согласно его назначению. В частности, он должен обеспечить постоянное функционирование реестра в соответствии с регистрационным соглашением.

Должник также обязан раскрывать приобретателю информацию о содержании зарегистрированного ценного права, функционировании реестра, мерах по защите функционирования и целостности реестра (п. 1 ст. 973i ШОЗ). Должник несет ответственность за убытки, понесенные приобретателем в результате неверной или вводящей в заблуждение информации или информации, не соответствующей требованиям законодательства, если только он не докажет, что проявил должную осмотрительность (п. 2 ст. 973i ШОЗ).

Согласно п. «h» ст. 5 BEG на основе зарегистрированных ценных прав также могут быть созданы учтенные эффекты; для этого их необ-

²⁸ См.: Botschaft zum Bundesgesetz zur Anpassung des Bundesrechts an Entwicklungen der Technik verteilter elektronischer Register. S. 242–243.

²⁹ См.: Botschaft zum Bundesgesetz zur Anpassung des Bundesrechts an Entwicklungen der Technik verteilter elektronischer Register. S. 277–278.

ходимо передать депозитарию, после чего они будут зачислены на счет депо. При этом они должны быть обездвижены в изначальном распределенном реестре.

Вопреки своему названию и неудачному юридическому определению, зарегистрированное ценное право не является таковым. Его, как и ценные бумаги, необходимо относить к юридически квалифицированным носителям информации. Права на них можно приобретать и даже защищать, и осуществлять в отношении третьих лиц, причем в данном случае право на регистрацию (запись в реестре) следует за правом на регистрацию. Однако это не делает саму регистрацию — право на регистрационную ценность — правом, так что обозначение «регистрация ценности» было бы более уместным³⁰.

Как следует из вышесказанного, швейцарский законодатель не создал право с помощью закона о зарегистрированном ценном праве, а (как и в случае с ценными бумагами) наделил информационный носитель особыми привилегиями, связанными с транспортировкой, легитимацией и защитой обращения, что значительно повышает способность представленных им прав к обращению³¹.

Зарегистрированные ценные бумаги имеют функции классических ценных бумаг:

1. *Функция презентации.* Должник обязан совершить исполнение только в отношении лица, указанного в реестре в качестве кредитора. При этом исполнение также должно быть отражено в реестре (п. 1 ст. 973е ШОЗ).

2. *Функция легитимации.* Должник освобождается от обязательства, если он произвел исполнение в отношении лица, указанного в реестре в качестве кредитора, даже если это лицо не является фактическим кредитором, за исключением ситуации, когда должник действовал с умыслом или грубой неосторожностью (п. 2 ст. 973е ШОЗ).

3. *Функция публичной достоверности.* Лицо, которое приобрело право у лица, указанного в реестре в качестве кредитора, защищено в своем приобретении, за исключением случаев, когда приобретатель действовал недобросовестно или с грубой неосторожностью (п. 3 ст. 973е ШОЗ).

Третьим элементом, характеризующим описываемую концепцию, является регистрационное соглашение.

С помощью регистрационного соглашения, в соответствии с п. 1 ст. 973d ШОЗ, право связывается с реестром таким образом, что с этого момента оно может быть реализовано и передано только через данный реестр. Для этого стороны — должник и первый получатель, т.е. лицо, которое первым принимает на себя зарегистрированные ценные права, — договариваются о том, что право представлено (зарегистрировано) путем внесения записи в соответствующий реестр. Последующие приобретатели присоединяются к этому соглашению³².

Введение в законодательство зарегистрированных ценных прав потребовало внести ряд коррективов и в иные законы, помимо Швейцарского обязательственного закона. Ценные права в том виде, в каком мы их рассматривали в настоящей статье, — как относительные права, реестр которых ведет должник, и т.д., отныне именуются простыми ценными правами (*einfache Wertrechte*), видимо, чтобы не допустить смыслового смешения с зарегистрированными ценными правами, при этом согласно п. «b» ст. 3 Закона о финансовых услугах³³ понятие ценных прав является объединяющим и включает в себя как простые, так и зарегистрированные ценные права.

Данный подход швейцарского законодателя вызывает вопросы: какие предпосылки позволяют рассматривать эти объекты как разновидности ценных прав? Поскольку их правовое

---

³⁰ См.: Zellweger-Gutknecht C., Monnerat L. Op. cit. S. 9.

³¹ См.: Zellweger-Gutknecht C., Monnerat L. Op. cit. S. 11–12.

³² См.: Zellweger-Gutknecht C., Monnerat L. Op. cit. S. 19–20.

³³ Bundesgesetz über die Finanzdienstleistungen (Finanzdienstleistungsgesetz, FIDLEG) vom 15. Juni 2018. BBl. 2015. 8901.

регулирование вынесено в ШОЗ, то при анализе его положений нельзя сделать вывод, что есть какие-то общие правила, одинаково применимые как к простым ценным правам, так и к зарегистрированным, тем более что законодатель наделил вторые функциями ценных бумаг и, в принципе, их существование обусловлено использованием новых технологий. Поскольку одной из целей регламентации использования технологий распределенного реестра при обращении прав также указывалась правовая определенность, такие подходы при формулировании нового понятийного аппарата вряд ли будут способствовать достижению заявленной цели.

Данная ситуация показательна и связана скорее не с непрофессионализмом авторов законопроекта, а со сложностью формулирования новых понятий вообще. И при коллективном хранении, и при выпуске ценных прав, и при создании учтенных эффектов всегда присутствует некий реестр: ведутся записи, происходит учет, потому что пока нет более совершенных способов соединить информацию об объекте и субъекте, не считая классических ценных бумаг. Поэтому у всех решений в сфере бездокументарного присвоения и обращения прав сходная основа, и только дифференцированный правовой режим позволяет разграничивать исследуемые объекты.

Возможно, наилучшим решением, которое могло бы создать правовую определенность, является не преумножение форм выпуска прав, а их сокращение. Действительно ли необходимо, чтобы в рамках одного правопорядка акция могла выпускаться в четырех разных формах? На наш скромный взгляд, ответ очевиден.

Заключение

Дематериализация ценных бумаг в швейцарском правопорядке представляет собой развет-

вленную систему решений, каждое из которых связано с ведением реестра, счета. В некоторых случаях записи в таком реестре обладают функциями ценной бумаги.

Особый интерес представляет конструкция учтенных эффектов, которая, во-первых, позволяет избегать условностей — применять нормы вещного права к бестелесным объектам. Во-вторых, учтенные эффекты не рассматриваются швейцарским законодательством в качестве фикции ценных бумаг, что позволяет не вступать в конфронтацию и не нарушать уже сложившиеся представления об этих давно известных объектах.

Отечественная конструкция бездокументарных ценных бумаг очень приближена именно к учтенным эффектам, а не ценным правам. Прекрасно понимая, что учтенные эффекты — еще один способ включения относительных прав в гражданский оборот, швейцарский законодатель присвоил наименование, текстуально отличающееся от ценных бумаг. В российском гражданском праве понятие бездокументарных ценных бумаг содержит противоречие, но используется настолько давно, что может рассматриваться в качестве традиции. Более того, не было предложено более удачных понятий, а заимствование «ценных прав» и «учтенных эффектов» провоцирует, на наш взгляд, лишь новый всплеск критики. Если невозможно сформулировать новое понятие для объекта, то следует акцентировать его обособленность среди иных объектов гражданских прав и наличие особого правового регулирования. По нашему мнению, статьи 149–149.5 ГК РФ являются той нормативной основой, которая позволяет подчеркнуть обособленность данных объектов, и выполняют ту же роль, что и швейцарский Закон об учтенных эффектах: создают особый материальный правопорядок. Именно с таких позиций необходимо подходить к пониманию бездокументарных ценных бумаг и их правового режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017. — 560 с.
2. Beeler L. Bucheffekten. Übertragung, Stornierung und gutgläubiger Erwerb. — Zürich / St. Gallen : Dike, 2013. — 353 S.
3. Einsele D. Wertpapierrecht als Schuldrecht: Funktionsverlust von Effektenurkunden im internationalen Rechtsverkehr. — Tübingen : Mohr Siebeck, 1995. — 683 S.
4. Kuhn H. Das neue Bucheffektenmodell des schweizerischen Rechts // Die Zukunft des Clearing und Settlement / Baums T., Cahn A. (Hrsg.). — Berlin : de Gruyter, 2005. — S. 29–62.
5. Kunz P. V. Legislative Aktivitäten im Finanzmarktrecht — zum Entwurf für ein neues Bundesgesetz über Bucheffekten (Bucheffektengesetz, BEG) // Anlagerecht / Emmenegger, Hrsg. — Basel, 2007. — S. 25–57.
6. Mock S. Die Schweizer Bucheffekte. Der Erwerbstatbestand und seine Übertragbarkeit auf das deutsche Recht. — Köln : RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2016. — 229 S.
7. Reuschle F. Grenzüberschreitender Effekten giroverkehr: Die Entwicklung des europäischen und internationalen Wertpapierkollisionsrechts // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. — 2004. — Bd. 68. — H. 4. — S. 687–756.
8. Segna U. Bucheffekten. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2018. — 698 S.
9. Zellweger-Gutknecht C., Monnerat L. Internationaler Kontext: Schweizerisches Registerwertrecht // Elektronische Wertpapiere / Omlor S., Möslin F., Grundmann S. (Hrsg.). — Tübingen : Mohr Siebeck, 2021. — S. 7–30.

Материал поступил в редакцию 16 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Sukhanov E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 560 s.
2. Beeler L. Bucheffekten. Übertragung, Stornierung und gutgläubiger Erwerb. — Zürich / St. Gallen: Dike, 2013. — 353 S.
3. Einsele D. Wertpapierrecht als Schuldrecht: Funktionsverlust von Effektenurkunden im internationalen Rechtsverkehr. — Tübingen: Mohr Siebeck, 1995. — 683 S.
4. Kuhn H. Das neue Bucheffektenmodell des schweizerischen Rechts // Die Zukunft des Clearing und Settlement / Baums T., Cahn A. (Hrsg.). — Berlin: de Gruyter, 2005. — S. 29–62.
5. Kunz P. V. Legislative Aktivitäten im Finanzmarktrecht — zum Entwurf für ein neues Bundesgesetz über Bucheffekten (Bucheffektengesetz, BEG) // Anlagerecht / Emmenegger, Hrsg. — Basel, 2007. — S. 25–57.
6. Mock S. Die Schweizer Bucheffekte. Der Erwerbstatbestand und seine Übertragbarkeit auf das deutsche Recht. — Köln: RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2016. — 229 S.
7. Reuschle F. Grenzüberschreitender Effekten giroverkehr: Die Entwicklung des europäischen und internationalen Wertpapierkollisionsrechts // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. — 2004. — Bd. 68. — H. 4. — S. 687–756.
8. Segna U. Bucheffekten. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2018. — 698 S.
9. Zellweger-Gutknecht C., Monnerat L. Internationaler Kontext: Schweizerisches Registerwertrecht // Elektronische Wertpapiere / Omlor S., Möslin F., Grundmann S. (Hrsg.). — Tübingen: Mohr Siebeck, 2021. — S. 7–30.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

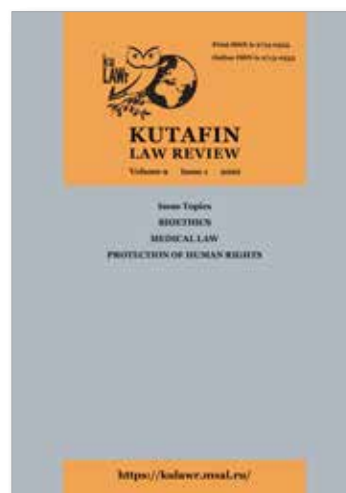
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – **11178**, Lex russica – **11198**,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – **40650**, «Право и цифровая экономика» – **39492**.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 4 (173) апрель 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002